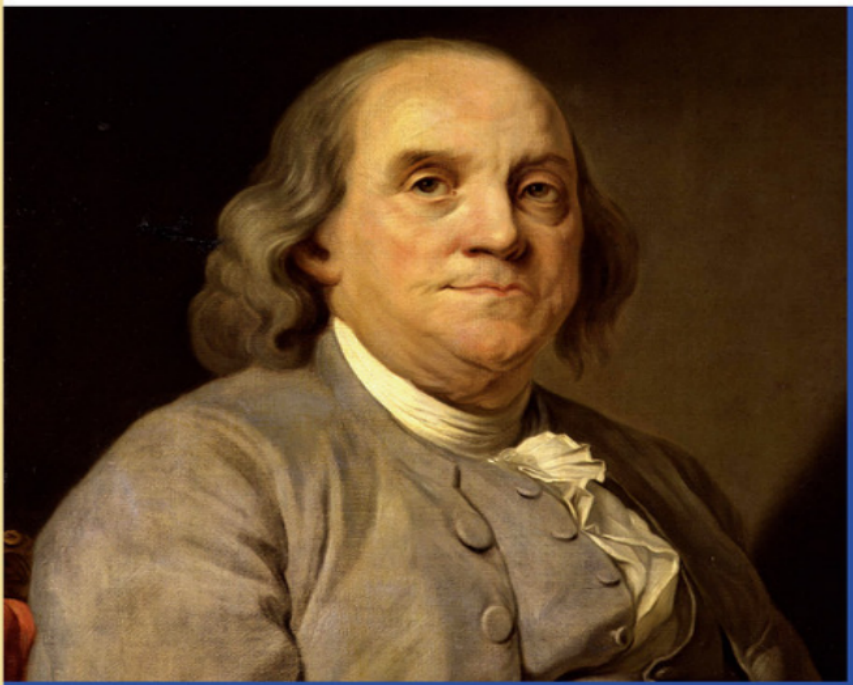


БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН

Моя автобиография
Совет молодому торговцу

Время — деньги!

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дейл Карнеги сказал: «Если вы хотите получить превосходные советы о том, как обращаться с людьми, управлять самим собой и совершенствовать свои личные качества, прочтите автобиографию Бенджамина Франклина – одну из самых увлекательных историй жизни».

Бенджамин Франклин (17 января 1706 – 17 апреля 1790) – политический деятель, дипломат, учёный, изобретатель, журналист, издатель и масон. Один из лидеров войны за независимость США. Первый американец, ставший иностранным членом Российской академии наук.

Его биография находится в лидерах скачивания в Интернете по всем миру и будет интересна тем, кто ищет новые идеи, интересуется историей и не стоит на месте.

В книгу вошли знаменитые «Советы молодому торговцу».

- Бенджамин Франклин
  -
  - Моя автобиография
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
    - Глава XII
  - Совет молодому торговцу
    -
    - Совет молодому торговцу, написанный старым
  - Жизнь Бенджамина Франклина. Автобиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Бенджамин Франклин
Моя автобиография. Совет молодому торговцу

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Моя автобиография

Глава I

Дорогой сын!

Я всегда любил собирать сведения о своих предках. Ты, вероятно, помнишь, как и расспрашивал всех своих находившихся в живых родственников, когда ты был вместе со мной в Англии, и как я ради этого предпринял целое путешествие. Предполагая, что и тебе тоже будет небезынтересно узнать обстоятельства *моей* жизни, многие из которых тебе неизвестны, и предвкушая наслаждение, которое я получу от нескольких недель ничем не нарушаемого досуга, я сажусь за стол и принимаюсь за писание. Имеются, кроме того, и некоторые другие причины, побуждающие меня взяться за перо. Хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям. Когда я раздумываю над своей удачей, – а я это делаю частенько, – то мне иногда хочется сказать, что, будь у меня свобода выбора, я бы не возражал снова прожить ту же жизнь с начала и до конца; мне только хотелось бы воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели: выпуская второе издание, они исправляют в нем ошибки, допущенные в первом. Вот и мне тоже хочется заменить некоторые эпизоды, поставив лучшее на место худшего. И все же и при невозможности осуществить это я все равно согласился бы снова начать ту же жизнь. Но поскольку рассчитывать на подобное повторение не приходится, то, очевидно, лучший способ вернуть прошлое – это припомнить все пережитое; а для того, чтобы воспоминания дольше сохранились, их лучше изложить на бумаге.

Проводя свое время подобным образом, я уступаю присущей старикам склонности поговорить о себе и о своих делах; но я буду наслаждаться этим, не докучая тем, кто из уважения к моему возрасту мог бы считать себя обязанными меня слушать, в их воле будет, читать меня или не читать. И, наконец (я могу в этом признаться, так как даже если бы я и стал отрицать, то мне никто не поверил бы), что я в немалой степени удовлетворю свое тщеславие. В самом деле, мне ни разу не случалось слышать или

видеть вступительную фразу «Безо всякого тщеславия я могу сказать» и т. п. без того, чтобы за этим сейчас же не следовало какое-либо тщеславное заявление. Большинство людей не терпит тщеславия в своих ближних, независимо от того, какой долей его они сами обладают; но я отдаю ему должное всякий раз, когда с ним сталкиваюсь, будучи убежден, что тщеславие часто приносит пользу тому, кто им обладает, равно как и другим, находящимся в сфере его действия; в силу чего во многих случаях было бы не совсем бессмысленно, если бы человек благодарил Бога за свое *тщеславие,* равно как и за прочие щедроты.

Сказав о Боге, я хочу со всем смирением признать, что то благополучие моей прошлой жизни, о котором я говорил, я отношу за счет Его Божественного провидения, умудрившего меня использовать те средства, к которым я прибегал, и принесшему мне удачу. Вера в это вселяет в меня *надежду,* однако я не должен *уповать,* что милость эта и в дальнейшем будет проявляться в отношении меня, сохраняя мое счастье, или что мне будут даны силы перенести роковую перемену судьбы, которая может постичь меня, как постигала и других; что мне сулит будущее, известно только тому, кто может благословлять нас даже в наших бедствиях.

Из некоторых заметок, переданных мне как-то одним из моих дядей, тоже питавшим слабость к собиранию семейных историй, мне стали известны кое-какие подробности о наших предках. Я узнал, что они жили в той же деревне Эктон в Нортгемптоншире, владея участком примерно в 30 акров по крайней мере триста лет, в точности же установить, насколько дольше они там жили, не представляется возможным.

Этого небольшого участка было бы недостаточно, чтобы их прокормить, если бы они не занимались кузнечным ремеслом, передававшимся в семье по наследству. Обычай этот сохранился еще и во времена моего дяди. Старшего сына неизменно обучали кузнечному делу, и как мой дядя, так и мой отец последовали этому в отношении своих сыновей. Проштудировав церковные книги в Эктоне, я проследил браки и смерти в нашем роду только до 1555 года, так как до этого времени книги не велись. Из этих книг мне, однако, удалось узнать, что я являюсь младшим сыном младшего сына, который в свою очередь также был младшим сыном младшего сына, и так на протяжении пяти поколений. Мой прадед Томас, родившийся в 1598 году, жил в Эктоне до тех пор, пока мог заниматься своим ремеслом. Когда же старость вынудила его уйти на покой, он переехал в Бэнбери в Оксфордшире, где поселился в доме своего сына Джона, у которого проходил ученичество мой отец. Там же он и скончался,

там его и похоронили. Мы видели его надгробие в 1758 году. Старший его сын Томас жил в доме в Эктоне и оставил его вместе с землей своей единственной дочери, муж которой, некто Фишер, продал дом и участок господину Истеду, нынешнему владельцу поместья. У моего деда было четверо сыновей, достигших зрелого возраста, а именно: Том, Джон, Бенджамин и Джозайа. В настоящее время мой архив находится далеко от меня, и я перескажу тебе находящиеся в нем бумаги по памяти; а если за время моего отсутствия они не потеряются, то ты найдешь там еще целый ряд дополнительных сведений.

Томас, мой старший дядя, готовился к тому, чтобы пойти по стопам своего отца и стать кузнецом, но так как он обладал недюжинными способностями, то его, как и всех его братьев, поощрял к учению эсквайр Палмер, самый влиятельный обитатель прихода. Томас сделался адвокатом и занял видное положение в графстве; он принимал самое деятельное участие во всех общественных начинаниях как графства, так и города Нортгемптона, не говоря уж о его родной деревне, где многие были ему сродни; его очень отличал лорд Галифакс, оказывавший ему покровительство. Он скончался в 1702 году, 6 января, ровно за четыре года до моего рождения. Мне вспоминается, что когда несколько стариков, которые его хорошо знали, описывали его характер, то тебя очень поразил их рассказ, так как тебе многое напомнило меня. «Умри он, – сказал ты, – четырьмя годами позже в тот же день, то можно было бы предположить переселение душ».

Джон, мой следующий дядя, обучался ремеслу красильщика, если мне не изменяет память, красильщика-шерсти. Бенджамин должен был стать красильщиком шелка и обучался этому ремеслу в Лондоне. Он был недюжинным человеком. Я помню, когда я был мальчиком, он приехал к моему отцу в Бостон и прожил в нашем доме несколько лет. Они с отцом всегда были очень дружны, и я был его крестником. Он дожил до глубокой старости. После него осталось два больших тома рукописей стихов его собственного сочинения. Это были стихи на случай, обращенные к его друзьям. Он изобрел собственную систему стенографии и обучил меня этой системе, но так как я в ней не практиковался, то я ее позабыл. Он был весьма благочестив и старательно посещал проповеди лучших проповедников. Эти проповеди он записывал по своему методу, и их у него набралось несколько томов.

Он также питал большую тягу к политике, даже, пожалуй, слишком большую для своего общественного положения. В мои руки недавно попало в Лондоне собрание всех важнейших политических брошюр по различным вопросам, которое он составил в период 1641–1717 годов. Многих томов, как явствует

из нумерации, недостает, но все же сохранилось восемь томов ин-фолио и двадцать ин-кварто и ин-октаво. Они попали в руки одного торговца старыми книгами, который их приобрел, зная мое имя, и принес мне. По-видимому, мой дядя оставил их здесь, когда лет пятьдесят назад отправился в Америку. Я обнаружил на полях ряд его пометок. Внук его, Сэмюэль Франклин, все еще живет в Бостоне.

Наше незнатное семейство рано примкнуло к Реформации[1]. Наши предки оставались протестантами во время правления королевы Марии, когда они иногда подвергались опасности из-за своих выступлений против папистов. У них была английская Библия и, для того чтобы надежно спрятать ее в безопасном месте, ее прикрепили тесьмой под обивкой складного стула. Когда мой прапрадед хотел почитать ее своей семье, он перевертывал складной стул у себя на коленях, а затем листал страницы под тесьмой. Кто-нибудь из детей всегда стоял у дверей, чтобы подать знак при приближении судебного пристава, являвшегося чиновником духовного суда. Тогда стул перевертывали и ставили на ножки, и Библия, как и прежде, оставалась в своем укрытии. Об этом мне рассказывал мой дядя Бенджамин. Вся семья продолжала пребывать в лоне англиканской церкви примерно до конца правления Карла II, когда некоторые священнослужители были изгнаны за неподчинение уставам англиканской церкви и за то, что они устраивали тайные религиозные собрания в Нортгемптоне. Мой дядя Бенджамин и мой отец Джозайа примкнули к ним и сохраняли им верность до конца жизни. Остальные члены семьи остались в лоне епископальной церкви.

Мой отец женился в ранней молодости и перевез свою жену и трех детей в Новую Англию около 1685 года. К этому времени тайные религиозные собрания были запрещены законом, и их часто разгоняли, поэтому некоторые из его влиятельных знакомых решили перебраться в эту страну; и его убедили отправиться с ними туда, где, как они ожидали, они смогут беспрепятственно исповедовать свою религию. От этой же жены у моего отца там родилось еще четверо детей, а от второй жены – еще десять, а всего семнадцать, из которых мне часто доводилось видеть тринадцать одновременно сидящих за столом, и все они достигли совершеннолетия и вступили в брак. Я был младшим сыном и самым младшим из всех детей, кроме двух дочерей. Я родился в Бостоне, в Новой Англии. Моя мать, вторая жена, была Абия Фолгер, дочь Питера Фолгера, одного из первых поселенцев Новой Англии, о котором Коттон Мезер с уважением упоминает в своей церковной истории этой страны, Озаглавленной «Magnalia

Christi Americana», как о «праведном и ученом англичанине», если память мне не изменяет. Я слышал, что он написал несколько небольших стихотворений на случай, но лишь одно из них было напечатано, и я прочел его много лет спустя. Это стихотворение было написано в 1675 году знакомым размером в духе той эпохи и обращено к тем, кто тогда находился там у власти. Оно утверждает свободу совести, и автор здесь выступает от имени анабаптистов, квакеров и прочих гонимых сектантов. Он считает следствием этих гонений войны с индейцами и другие постигшие страну бедствия, видя во всем этом неоднократное проявление Божьего суда в наказание за столь гнусное преступление и призывает к отмене этих законов, столь противных милосердию. На меня это стихотворение произвело впечатление произведения, написанного с мужественной откровенностью и задушевной простотой. Последние шесть строк я помню, хотя я и забыл первые; смысл их заключался в том, что его упреки были продиктованы желанием добра, и поэтому он хотел бы, чтобы его авторство стало известно.

Ибо быть клеветником (говорит он)
Мне ненавистно до глубины души,
Из города Шерберна[2], где я сейчас живу
Я ставлю здесь свое имя,
Не желающий вас оскорбить, ваш истинный друг,
Питер Фолгер.

Все мои старшие братья обучались какому-либо ремеслу. Меня в возрасте восьми лет отдали в грамматическую школу[3], так как мой отец намеревался посвятить меня, как десятого из своих сыновей, служению церкви. Рано проявившаяся у меня охота к чтению (должно быть, в весьма раннем возрасте, так как я не помню времени, когда бы я не умел читать) и мнение всех его друзей, утверждавших, что я обязательно буду хорошим учеником, поддерживали его в этом намерении.

Одобрял это и мой дядя Бенджамин, который предложил отдать мне свои тома застенографированных проповедей для обзаведения, если я овладею его стенографией. Однако мне довелось посещать грамматическую школу менее года, хотя за это время я постепенно передвинулся из середины класса на первое место и меня перевели в следующий класс, откуда должны были к концу года перевести в третий.

Но для моего отца, обремененного многочисленным семейством, было бы затруднительно оказывать мне

материальную поддержку, необходимую для получения высшего образования, а, кроме того, как он сказал одному из своих друзей в моем присутствии, эта профессия давала мало преимуществ. Он отказался от своего первоначального плана, взял меня из грамматической школы и поместил в школу, где обучали письму и арифметике. Эту школу содержал знаменитый тогда господин Джордж Браунелл. Браунелл был превосходным педагогом, достигавшим больших успехов с помощью самых мягких и стимулирующих методов. Под его руководством я быстро научился хорошо писать, но арифметика мне не давалась и я в ней недалеко ушел. Когда мне исполнилось десять лет, отец забрал меня домой, чтобы я помогал ему в мастерской – отец занимался тогда изготовлением сальных свечей и варкой мыла. Это не было его первоначальным занятием, но он принялся за это дело по прибытии в Новую Англию, когда обнаружил, что его ремесло красильщика не было здесь особенно нужным и не давало ему возможности прокормить семью. И вот я стал нарезать фитили, заливал формы для отливки свечей, помогал в лавке, был на посылках и т. п.

Мне это ремесло было не по душе, и меня очень тянуло к морю, отец же мой решительно высказался против такого плана; но, живя у воды, я много времени проводил в ней и на ней. Я научился хорошо плавать и управлять лодкой; а когда я бывал с другими мальчишками, мне обычно доверяли быть рулевым, в особенности при каком-нибудь затруднении; да и в других случаях я обычно верховодил среди мальчишек, а иногда и возглавлял некоторые проделки, из которых расскажу об одной в качестве примера того, как рано во мне обнаружился дух общественных начинаний, хотя он тогда и не нашел правильного применения.

Около мельничного пруда был солончак, на краю которого мы во время паводка удили пескарей. Мы там столько топтались, что это место превратилось в настоящее болото. Я предложил соорудить там нечто вроде пристани, на которой мы могли бы стоять. При этом он показал своим товарищам на большую груду камней, предназначавшихся на строительство нового дома около солончака; эти камни прекрасно подходили для нашей цели. И вот вечером, когда рабочие ушли, я собрал несколько своих приятелей, и мы старательно взялись за работу, перетаскивая камни, как муравьи, иногда берясь вдвоем или втроем за каждый камень, пока не соорудили нашу маленькую пристань. На следующее утро рабочие с удивлением обнаружили пропажу камней, которые пошли на постройку нашей пристани. Учинили дознание; нас разыскали и пожаловались родителям; некоторые

из нас получили от своих отцов соответствующее внушение, и хотя я доказывал полезность нашей работы, мой отец убедил меня, что ничто нечестное не может быть действительно благодетельным.

Мне думается, тебе хотелось бы иметь представление о том, что за человек был мой отец. У него было превосходное здоровье, роста он был среднего, но хорошо сложен и обладал большой физической силой. Он имел ясный ум, хорошо рисовал, немного обучался музыке; у него был звучный приятный голос, и когда он наигрывал на своей скрипке, напевая при этом, как он иногда делал по вечерам после работы, то слушать его было приятно. Он был и немножко механиком и при случае мог показать, что мастерски владеет также инструментами ремесленников других профессий. Но главным его достоинством было умение глубоко разбираться в сущности всякого сложного вопроса и здраво судить о нем, независимо от того, касалось ли это общественных или личных дел. Верно, что ему никогда не доводилось вести общественные дела, так как заботы о воспитании многочисленного семейства и стесненные обстоятельства не позволяли ему отвлекаться от своего промысла; но я помню, что видные люди часто приходили узнать его мнение о различных городских или церковных делах и с уважением относились к его суждениям и советам.

К нему также часто обращались и отдельные лица по поводу своих затруднений, и его часто избирали третейским судьей между спорящими сторонами. Он любил, чтобы у него за столом во время обеда был кто-либо из друзей или соседей, умеющих вести умный разговор; отец при этом всегда старался избрать какую-нибудь интересную или полезную тему, чтобы развивать ум своих детей. Таким путем он обращал наше внимание на добрые дела и на справедливые и благоразумные поступки; и мало или никакого внимания не уделялось тому, что касалось находившихся на столе кушаний, – хорошо или дурно они были приготовлены, соответствовали ли они времени года, каковы были на вкус, лучше или хуже других подобных блюд; и я с детства приучился настолько не обращать внимания на такие вещи, что мне совершенно безразлично, какую еду мне подают, и вплоть до сегодняшнего дня я с трудом могу сказать через несколько часов после обеда, из каких блюд он состоял. Это давало мне большое преимущество во время путешествий, когда мои спутники иногда чувствовали себя несчастными из-за невозможности должным образом удовлетворить свои более деликатные и более развитые вкусы и аппетиты.

Моя мать тоже обладала превосходным здоровьем. Она сама

выкормила грудью своих десятерых детей. Я не помню, чтобы мой отец или моя мать чем-нибудь болели до своей смерти; он скончался в возрасте восьмидесяти девяти лет, а она – в возрасте восьмидесяти пяти. Они похоронены вместе в Бостоне, где я несколько лет назад поставил на их могиле мраморное надгробие с надписью:

Джозайа Франклин
И Абия, жена его,
Погребены здесь.
Они счастливо прожили в супружестве
Пятьдесят пять лет.
Не имея ни поместья, ни выгодной должности,
Посредством труда и прилежания
(С благословения Божьего) —
Они содержали большую семью
В достатке;
И вырастили тринадцать детей
И семь внуков
Достойным образом.
Пусть этот пример, читатель,
Поощрит тебя к прилежанию в твоем деле,
И надейся на провидение.
Он был благочестивым и благоразумным человеком,
А она скромной и добродетельной женщиной.
Их младший сын
Из сыновнего почтения к их памяти
Поставил этот камень.

Дж. Ф. родился в 1655 г. – скончался в 1744 г. – в возрасте 89 лет, А. Ф. родилась в 1667 г. – скончалась в 1752 г. – 85 лет.

Но я все время отклоняюсь от своего повествования, из чего заключаю, что становлюсь стар. Раньше я писал более упорядоченно. Но в домашнем кругу не наряжаются, как на бал. Может быть, это просто небрежность.

Итак, вернемся к нашей теме: я помогал своему отцу в течение двух лет, то есть до двенадцатилетнего возраста; а поскольку мой брат Джон, с детства обучавшийся этому ремеслу, отделился от отца, женился и открыл собственное дело в Род-Айленде, то по всем приметам мне было суждено занять его место и стать свечным мастером. Однако я продолжал выказывать такое нерасположение к этому ремеслу, что мой отец почувствовал, что если он не подыщет для меня более привлекательного занятия, то я выйду из повиновения и стану моряком, как сделал брат мой Джозайа, к величайшему

неудовольствию отца. Поэтому отец стал брать меня с собой на прогулки и показывал мне плотников, каменщиков, токарей, медников и других мастеров за их занятиями, чтобы иметь возможность обнаружить мои склонности и определить меня к такому ремеслу, которое удержало бы меня на суше. Мне всегда с тех пор доставляло удовольствие видеть, как управляются со своими инструментами хорошие мастера; мне пошло на пользу и то, что я приобрел некоторый навык и мог сам сделать кое-что в доме, если нельзя было найти мастера; кроме того, я умею своими руками изготовлять небольшие машины для моих опытов. В конце концов отец решил сделать из меня ножовщика и поместил меня на несколько дней, в качестве испытательного срока, к Сэмюэлю, сыну моего дяди Бенджамина, обучавшемуся этому ремеслу в Лондоне и только что устроившемуся в Бостоне. Но тот заломил такую сумму за мое обучение, что отец рассердился и взял меня снова домой.

С малых лет я страстно любил читать и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, откладывал на покупку книг. Я очень любил путешествия. Первым моим приобретением были сочинения Бениана в отдельных томиках. Позднее я их продал, чтобы иметь возможность купить собрания исторических произведений Р. Бертона; это были небольшие книжечки, по дешевке приобретенные у бродячего торговца, числом сорок. Небольшая библиотека моего отца состояла из религиозно-полемических сочинений, большинство из которых я прочел. С тех пор я не раз сожалел о том, что в то время, когда у меня была такая тяга к знанию, в мои руки не попали более подходящие книги, так как уже было решено, что я не буду священником. Среди этих книг были и «Жизнеописания» Плутарха[4], которыми я зачитывался; и сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу. Была также книга Дефо, озаглавленная «Опыт о проектах»[5], и сочинение доктора Мезера «Опыты о том, как делать добро». Эти книги, возможно, оказали влияние на мой духовный склад, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни.

Эти мои книжные склонности в конце концов привели к тому, что отец решил сделать из меня печатника, хотя один из его сыновей (Джеме) уже занимался этим ремеслом. В 1717 году мой брат Джеме вернулся из Англии и привез с собой печатный станок и шрифты, чтобы открыть типографию в Бостоне. Хотя это ремесло было мне куда больше по душе, чем то, которым занимался мой отец, но море по-прежнему продолжало меня манить. Моему отцу не терпелось связать меня с братом договорными обязательствами, так как он опасался возможных

последствий этого моего влечения. Некоторое время я сопротивлялся, но, наконец, не выдержал и подписал контракт о поступлении в ученичество, хотя мне и было тогда всего двенадцать лет. По контракту я обязывался служить подмастерьем, пока мне не исполнится двадцать один год, причем только в последний год я должен был получать жалованье настоящего работника. За очень короткий срок я достиг значительных успехов в этом деле и оказывал своему брату большую помощь. Теперь у меня был доступ к более хорошим книгам. Я свел знакомство с учениками книготорговцев, что давало мне возможность одалживать то одну, то другую книжку, и я всегда старался возвращать их аккуратно и не пачкать. Частенько я просиживал за чтением в своей комнате чуть не всю ночь напролет, если книга была одолжена вечером, а вернуть ее надо было рано утром, чтобы ее не хватились.

Спустя некоторое время один купец, умный и здравомыслящий человек по имени Мэтью Адаме, имевший прекрасное книжное собрание и часто посещавший нашу типографию, обратил на меня внимание, пригласил «меня посмотреть его библиотеку и очень любезно предложил давать мне читать любые книги по моему выбору. Теперь я пристрастился к поэзии и сам сочинил несколько стихотворений. Мой брат решил, что на этом можно заработать, и стал поощрять меня к сочинительству. По его побуждению я написал две баллады на случай. Одна называлась «Трагедия у маяка», и в ней рассказывалось о кораблекрушении, жертвой которого сделались капитан Уортилейк и его две дочери, другая была озаглавлена «Песня матроса по случаю захвата знаменитого «Тича», или Пират Черная Борода». Это была жалкая стряпня в духе уличных баллад; и когда они были напечатаны, он отправил меня продавать их по городу. Первую из них брали нарасхват, так как описанное в ней событие произошло недавно и наделало большой шум. Этот успех приятно щекотал мое самолюбие, но отец обескуражил меня, высмеяв мои вирши и объяснив, что стихотворцы всегда бывают нищими. Так я избежал опасности сделаться поэтом, да к тому же, вероятно, плохим. Но так как сочинения в прозе приносили мне большую пользу на протяжении всей моей жизни и оказались одним из главных средств моего успеха, то я расскажу тебе, каким образом я приобрел то небольшое мастерство, которым, как считают, я обладаю.

В городе был еще один книголюб по имени Джон Коллинс, молодой человек, с которым я вел близкое знакомство. Иногда мы вступали в споры и очень любили словопрения и всегда старались опровергнуть друг друга, а такая склонность к препирательствам,

кстати говоря, может превратиться в дурную привычку и часто делает человека невыносимым в обществе, так как он начинает всем противоречить; это же в свою очередь не только отравляет беседу, но и вызывает отвращение и враждебность со стороны тех, с кем вы могли бы иметь дружественные отношения. Я приобрел эту привычку, начитавшись отцовских книг религиозно-полемического содержания. Люди здравомыслящие, как мне с тех пор довелось убедиться, редко себя так ведут, кроме юристов, университетчиков, а также всех, получивших образование в Эдинбурге.

Как-то, не помню уже почему, между мной и Коллинсом разгорелся диспут о том, стоит ли давать женщинам образование и обладают ли они необходимыми способностями. Он стоял на той точке зрения, что им это не нужно и что они от природы для этого не приспособлены. Я занял противоположную позицию, возможно, отчасти и из желания поспорить. Он был от природы более красноречив, обладал большим запасом слов, и иногда, как мне казалось, я бывал побежден не столько силой его аргументации, сколько словесным искусством. Поскольку мы расстались, не придя к определенному выводу, и должны были увидеться только нескоро, я решил письменно изложить свои доводы; я переписал их набело и отослал ему. Он мне ответил, а я послал новый ответ. Мы обменялись уже тремя-четырьмя письмами с каждой стороны, когда они случайно вместе с другими бумагами попали в руки моему отцу, который их прочел. Не высказываясь по существу затронутого вопроса, он воспользовался этим случаем, чтобы поговорить со мной о моем литературном слоге, причем заметил, что хотя я был сильнее своего противника в правописании и пунктуации (чему я, по его мнению, был обязан работе в типографии), мне недоставало изящества выражений, последовательности и ясности, – все это он доказал мне на ряде примеров. Я увидел справедливость его замечаний и с тех пор стал более внимательно следить за своим слогом и решил во что бы то ни стало улучшить свой стиль.

Примерно в это время мне попался в руки разрозненный том «Зрителя»[6]. Это был том третий. До сих пор я еще не видел ни одного. Я купил его, неоднократно перечитывал от корки до корки и был от него в совершенном восхищении. Слог показался мне бесподобным, и я решил, насколько возможно, ему подражать. С этой целью я взял некоторые очерки и кратко записал смысл каждой фразы, затем я отложил их на несколько дней, а потом попытался восстановить текст, не заглядывая в книгу и излагая смысл каждой фразы так же полно и подробно, как в оригинале, для чего я прибегал к таким выражениям,

которые мне казались уместными. Затем я сравнил своего «Зрителя» с подлинником, обнаружил некоторые свои ошибки и исправил их. Но оказалось, что мне не хватало то ли запаса слов, то ли сноровки в их употреблении, а это, как я полагал, я бы уже теперь приобрел, если бы продолжал писать стихи; ведь постоянные поиски слов одинакового значения, но различной длины, которые подошли бы под размер, или различного звучания для рифмы принудили бы меня непрерывно искать разнообразия, а кроме того, все эти разнообразные слова закрепились бы у меня в уме и я был бы над ними хозяином. Тогда я взял некоторые из напечатанных в «Зрителе» историй и переложил их в стихи; когда же я как следует забыл прозаический оригинал, то принялся переделывать их обратно в прозу.

Иногда я в беспорядке перетасовывал свои конспективные записи и через несколько недель пытался расположить их наилучшим образом, прежде чем составлять законченные фразы и дописывать очерки. Это должно было научить меня упорядоченному мышлению. Сравнивая затем свое сочинение с оригиналом, я находил множество ошибок и исправлял их; но иногда я льстил себя мыслью, что в некоторых незначительных деталях мне удалось улучшить изложение или язык, и это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану неплохим писателем, к чему я всячески стремился. Я мог выделить для этих упражнений и для чтения время только ночью после работы или утром до работы, или по воскресеньям, когда я старался оставаться один в типографии, избегая, насколько возможно, посещать общественное богослужение, чего от меня неуклонно требовал отец, когда я находился на его попечении, – я и до сих пор считал это своей обязанностью, хотя и не мог, как мне казалось, позволить себе тратить на это время.

Когда мне было лет шестнадцать, мне попалась книга некоего Трайона, рекомендовавшего вегетарианскую пищу. Я решил стать вегетарианцем. Мой брат, будучи еще неженатым, не вел у себя хозяйства, а столовался вместе со своими подмастерьями в другой семье. Мой отказ есть мясо вызвал неудобство, и меня часто корили за эту странность. По книжке Трайона я научился готовить некоторые рекомендуемые им кушанья, как вареный картофель, рис, пудинг на скорую руку и некоторые другие; и тогда я предложил брату, что если он будет выдавать мне половину тех денег, которые платит за мой стол, то я буду столоваться сам. Он сразу же согласился, и я обнаружил, что могу сэкономить половину того, что он мне выдавал. Это создало мне дополнительный фонд для покупки книг. Но, кроме того, я получил и еще одно преимущество. Мой брат и все другие

уходили на обед из типографии, и я оставался там один; быстро перекусив (мой легкий завтрак часто состоял из сухаря или куска хлеба, горсточки изюма или пирожка из кондитерской и стакана воды), я мог располагать остальным временем до их возвращения как хотел; за этот промежуток я успевал многое сделать, ведь голова у меня была ясная и я быстро все схватывал благодаря умеренности в еде и питье. Случилось так, что мне несколько раз пришлось краснеть из-за неумения считать, – в школе я дважды проваливался по арифметике; тогда я взял коккеровский учебник арифметики[7] и самостоятельно одолел его без малейшего труда. Кроме того, я прочел книгу Селлера и Стэрми по навигации и ознакомился с содержащимися там начатками геометрии, но в этой науке я недалеко ушел. Примерно в это же время я прочел сочинение Локка «О человеческом разуме» и «Искусство мышления», написанное господами из Пор-Рояля[8].

Мне очень хотелось улучшить свою речь, и мне попалась английская грамматика (кажется, Гринвуда), в конце которой было два небольших очерка об искусстве риторики и логики, причем последний заканчивался рассуждением о сократическом методе. А вскоре я достал «Воспоминания о Сократе»[9] Ксенофонта, где приводятся многочисленные примеры использования этого метода. Я был им совершенно очарован и стал применять его; я уже больше не прибегал ни к отрицанию, ни к позитивной аргументации, а усвоил позу смиренного вопрошателя. Кроме того, так как я, начитавшись Шефтсбери и Коллинса, сделался скептиком, – а я и без того уже скептически относился ко многому в наших религиозных доктринах, – то я нашел этот метод самым безопасным для себя и очень стеснительным для тех, против кого я его применял; поэтому я извлекал из него большое наслаждение, непрерывно в нем практиковался и достиг большого искусства в умении добиваться даже от весьма умных людей таких допущений, последствий которых они предвидеть не могли; при этом они попадали в затруднительное положение, выбраться из которого были не в состоянии; подобным образом мне удавалось одерживать такие победы, которых не заслуживал ни я, ни отстаиваемый мной тезис.

Я прибегал к этому методу в течение ряда лет, но постепенно отказался от него, сохранив лишь привычку высказывать свое мнение с величайшей скромностью, никогда не употребляя таких выражений, как «разумеется», «несомненно» и прочих в том же роде, придающих оттенок непогрешимости мнению, которое может быть оспорено; я предпочитал говорить: «Мне представляется или думается, что дело обстоит так-то», или «В

силу таких-то причин я бы сказал, что…», «Если я не ошибаюсь, то…». Такая привычка, как я полагаю, сослужила мне хорошую службу, когда впоследствии мне не раз приходилось убеждать людей в своей правоте и получать их согласие на осуществление тех мер, которые я стремился провести. А поскольку главное во всякой беседе это *поучать других* или *учиться самому, доставить удовольствие* или *убедить в чем-либо,* то я бы хотел, чтобы умные люди, питающие хорошие намерения, не уменьшали силу воздействия своих доводов посредством безапелляционной, заносчивой манеры говорить; это почти неизменно вызывает отвращение в слушателях, настраивает их недоброжелательно и, одним словом, достигает совершенно обратных целей, чем те, для которых мы одарены речью. Ведь если вы стремитесь поучать других, то безапелляционная, догматическая манера выражать свои мнения может вызвать противодействие и помешать внимательно вас выслушать, Если же вы хотите, чтобы другие уделили вам от своих знаний, то вам не следует заявлять о своей твердой приверженности к вашим нынешним взглядам; скромные и рассудительные люди, которые не любят споров, наверное предоставят вам и дальше пребывать в ваших заблуждениях. Если вы усвоите такую манеру, то трудно ожидать, что вы произведете приятное впечатление на своих слушателей или убедите тех, поддержкой которых вы хотите заручиться. Поп справедливо замечает:

«Людей надо учить так, как если бы вы их не учили, И незнакомые вещи преподносить как забытые».

Он также советует нам:

«Говорить хотя и уверенно, но с напускной скромностью». И он мог бы присоединить эту строку к той, которая у него соединена с другой, на мой взгляд, менее подходящей:

«Недостаток скромности есть недостаток ума».

Если вы спросите, почему другая строка *меньше подходит,* то я повторю цитату:

Нескромные слова *ничем нельзя извинить, так как* недостаток скромности есть недостаток ума.

Так разве «недостаток ума» (когда человеку так не повезло, что ему не хватает его) не является некоторым извинением «недостатка скромности?» и не правильнее ли было бы читать эти строки так:

Нескромные слова *можно* извинить лишь тем, что недостаток скромности есть недостаток ума.

Окончательное решение этого я, однако, предоставляю лицам, более компетентным.

Мой брат в 1720 или в 1721 году стал издавать газету. Это

была вторая газета, появившаяся в Америке, и называлась она «Нью-Ингленд курант». Ее единственной предшественницей была газета «Бостон ньюс-леттер». Я помню, как кое-кто из друзей пытался отговорить его от этого, по их мнению, безнадежного дела, считая, что одной газеты для Америки вполне достаточно. В настоящее время, в 1771 году, их не меньше двадцати пяти. Он все же взялся за это дело; на меня было возложено разносить газеты подписчикам после того, как я набирал и печатал очередной номер. Среди его приятелей были одаренные люди, развлекавшиеся тем, что писали небольшие сочинения для его газеты, что увеличивало ее престиж и поднимало спрос на нее, и эти джентльмены часто нас посещали. Наслушавшись их разговоров об успехе этих произведений, мне не терпелось испытать себя на этом поприще. Но так как я был еще мальчиком и боялся, что брат не согласится печатать образцы моего творчества в своей газете, если будет знать о моем авторстве, то я изменил свой почерк и, написав анонимное сочинение, подсунул его ночью под дверь типографии. Утром оно было найдено и передано на суд его друзей, когда они собрались, как обычно. Они прочли его и разобрали в моем присутствии, и я получил величайшее наслаждение, услышав их похвалу; они старались угадать автора и перебрали при этом всех, кто выделялся у нас своей ученостью и умом. Теперь-то я считаю, что мне повезло с судьями и что, пожалуй, они не были такими знатоками, как я их считал. Ободренный, однако, успехом этого начинания, я написал и послал тем же путем в печать еще несколько сочинений, которые тоже были одобрены; и я хранил свою тайну до тех пор, пока мое маленькое вдохновение на произведения такого рода не иссякло; тогда я раскрыл истину, после чего знакомые брата стали несколько больше со мной считаться.

Брату же это не понравилось, так как он считал, что я могу возгордиться. Это, возможно, было одной из причин тех размолвок, которые начались у нас в это время. Хотя он и был моим братом, он считал себя моим хозяином, а меня подмастерьем, вследствие чего предъявлял ко мне такие же требования, как и к прочим; я же считал некоторые из них унизительными для себя, ожидая от него, как от брата, большего снисхождения. Наши споры нередко приходилось решать отцу, и то ли потому, что я обычно бывал прав, то ли лучше умел доказывать, но решение обычно оказывалась в мою пользу. Но мой брат был очень вспыльчив и часто бил меня, на что я немало обижался. Мне думается, что его суровое и тираническое обращение со мной вызвало во мне то отвращение ко всякой деспотической силе, которое сопутствовало мне на протяжении

всей моей жизни. Мое ученичество было для меня очень тягостным, я с обидой вспоминал те побои, которые он слишком часто наносил мне в раздражении, хотя в остальном он не был дурным человеком. Может быть, я был слишком дерзким и самонадеянным.

Одну из статей в нашей газете по какому-то политическому вопросу, по какому именно я уже забыл, ассамблея сочла для себя оскорбительной. Брата арестовали, вынесли ему порицание и посадили на месяц в тюрьму по предписанию спикера; я думаю, преимущественно за то, что он не хотел открыть имя автора. Меня тоже арестовали и допрашивали в совете; но хотя я не доставил им никакого удовлетворения, они ограничились увещеванием и отпустили меня, возможно, потому, что считали меня подмастерьем, обязанным хранить секреты своего хозяина. Во время тюремного заключения моего брата, о котором я очень сожалел, несмотря на наши личные разногласия, я руководил газетой и осмелился при этом допустить несколько выпадов против наших правителей; брат отнесся к этому весьма доброжелательно, другие же получили обо мне неблагоприятное впечатление, как о молодом таланте, питающем склонность к клевете и сатире.

Освобождение моего брата сопровождалось приказом (весьма странным), что «Джемс Франклин впредь не должен печатать газету под названием «Нью-Ингленд курант»». В связи с этим в нашей типографии была устроена небольшая конференция с участием наших друзей. Некоторые предлагали обойти этот приказ, изменив название газеты; однако мой брат, считая, что это связано с неудобствами, решил, наконец, что можно найти лучший выход и издавать ее в будущем под именем «Бенджамина Франклина»; для того же, чтобы избежать возможного порицания со стороны ассамблеи за то, что газету продолжает издавать его подмастерье, была употреблена следующая хитрость: мне вернули мой старый контракт, на обороте которого было указано, что меня полностью рассчитали; этот контракт можно было предъявить в случае необходимости; для того же, чтобы мой брат и в дальнейшем мог пользоваться моими услугами, я должен был подписать новый контракт на весь остальной срок, и этот контракт должен был сохраняться в тайне. Это был очень ненадежный план, но, как бы то ни было, его немедленно привели в исполнение, и газета в течение нескольких месяцев выходила под моим именем.

Когда же между мной и братом снова начались нелады, то я воспользовался случаем обеспечить себе свободу, предполагая, что он не осмелится предъявить новый контракт. С моей стороны

было нечестно воспользоваться этим преимуществом, и это я считаю одной из первых ошибок в своей жизни. Но какое значение имела для меня нечестность этого поступка, когда и так я все время желал, чтобы представилась какая-либо возможность сократить этот срок, и такая возможность вдруг представилась самым неожиданным образом.

Когда он узнал, что я хочу его оставить, то он постарался, чтобы я не мог найти себе место ни в одной типографии города.

Для этого он обошел все типографии и говорил с каждым владельцем, вследствие чего ни один не взял меня на работу. Тогда я стал подумывать о переезде в Нью-Йорк, как в ближайшее место, где была типография; и я был склонен покинуть Бостон, когда раздумывал о том, что уже сделал себя до некоторой степени неприятным для правящей партии; а самочинные действия ассамблеи в отношении моего брата давали мне основание заключить, что если я останусь, то вскоре у меня будут неприятности; помимо этого мои несдержанные рассуждения относительно религии привели к тому, что добрые люди с ужасом показывали на меня как на язычника и безбожника. Я твердо решил уехать в Нью-Йорк, но теперь мой отец объединился с моим братом, и я знал, что если я попытаюсь уехать открыто, то мне постараются помешать. Тогда мой друг Коллинс решил помочь мне бежать. Он договорился с капитаном одного нью-йоркского шлюпа о моем проезде под тем предлогом, что я – знакомый ему молодой человек, у которого была интрижка с девицей легкого поведения, родители которой хотят меня заставить жениться на ней, почему я и не могу открыто ни уйти, ни уехать. Я продал часть своих книг, чтобы иметь немного денег, меня тайно взяли на борт шлюпа, ветер был попутный, и через три дня я очутился в Нью-Йорке, почти в трехстах милях от своего родного дома в возрасте семнадцати лет (6 октября 1723 года), не имея никаких рекомендаций, не зная здесь ни одной живой души и почти без гроша в кармане.

Глава II

Моя тяга к морю к этому времени уже прошла, а то я мог бы вполне ее удовлетворить. Но, овладев другой профессией и считая себя довольно хорошим мастером, я предложил свои услуги здешнему печатнику, старому мистеру Вильяму Бредфорду (он был первым печатником в Пенсильвании, но уехал оттуда вследствие ссоры с губернатором Джорджем Кейсом). Он не мог дать мне места, так как работы было мало, а подмастерьев достаточно. «Но, – сказал он, – у моего сына в Филадельфии недавно умер его главный помощник Аквила Роуз. Если ты туда отправишься, то, я думаю, у него найдется для тебя место». До Филадельфии была еще сотня миль. Однако я сел на судно, направлявшееся в Амбой, отправив свой сундук и вещи кружным путем по морю.

Когда мы пересекали залив, разразился шторм, который разорвал наши гнилые паруса в клочки, не дал нам возможности войти в гавань и отогнал нас к Лонг-Айленду. Во время переезда один пьяный голландец, тоже находившийся в числе пассажиров, свалился за борт; он уже тонул, когда я перегнулся через борт и схватил его за кудлатую голову; я его подтянул, и мы снова втащили его на судно. Купанье несколько отрезвило его, и он отправился спать, но сначала достал из кармана книжку и попросил меня просушить ее. Это оказался мой старый любимый автор Бениан «Странствия паломника»[10] на голландском языке, напечатанные мелким шрифтом, на хорошей бумаге с гравюрами на меди; это издание было лучше, чем те, которые я когда-либо видел на его родном языке. Впоследствии я узнал, что это произведение переведено на большинство европейских языков и что оно, пожалуй, больше читается, чем какая-либо другая книга, за исключением, возможно, Библии. Честный Джон первым из тех, кого я знаю, стал чередовать повествование с диалогом, такой способ изложения захватывает читателя, который в самых интересных местах чувствует, что он как бы находится в обществе действующих лиц и присутствует при их разговоре. Дефо успешно подражал ему в своем «Робинзоне Крузо», в своей «Молл Флендерс» и в других произведениях; а Ричардсон употребил тот же прием в своей «Памеле» и т. д.

Приблизившись к острову, мы увидели, что находимся в таком месте, где нельзя пристать, так как сильный прибой разбивался о каменистый берег. Тогда мы бросили якорь и протянули канат к берегу. Некоторые из жителей острова подошли к краю воды и что-то кричали нам, а мы в свою очередь

кричали им, но ветер был так силен, а прибой производил такой шум, что мы не могли понять друг друга. На берегу было несколько небольших лодок, и мы делали знаки и кричали, чтобы они за нами приехали, но они либо не понимали нас, либо считали это невозможным и ушли прочь. Приближалась ночь, и нам ничего не оставалось, кроме как набраться терпения и ждать, пока стихнет ветер; тем временем мы с хозяином судна решили по мере возможности соснуть и забрались под палубу, где находился все еще мокрый голландец. Моросивший сверху дождь просачивался к нам, и вскоре мы стали такими же мокрыми, как он. Так мы и пролежали всю ночь почти без всякого отдыха; но на следующий день ветер стих, и мы взяли курс на Амбой, чтобы приплыть туда до наступления ночи. Мы уже находились на воде тридцать часов без пищи и питья, кроме бутылки скверного рома, а вода, по которой мы плыли, была соленая.

Вечером я почувствовал, что меня очень лихорадит, и лег в постель; но так как я где-то читал, что холодная вода, выпитая в большом количестве, помогает от лихорадки, то я последовал этому рецепту, сильно потел почти всю ночь, и лихорадка оставила меня. Утром, переправившись на пароме, я продолжал свое путешествие пешком – мне предстояло пройти еще пятьдесят миль до Берлингтона, где, как мне сказали, я смогу найти лодки, которые подвезут меня до самой Филадельфии.

Весь день шел очень сильный дождь, я промок до костей и к полудни сильно устал; поэтому я остановился в убогой гостинице, где и провел ночь, начиная уже сожалеть, что я покинул дом. К тому же я представлял собой такое жалкое зрелище, что, судя по обращенным ко мне вопросам, во мне заподозрили беглого слугу, и я подвергался опасности быть арестованным по этому подозрению. Однако на следующий день я продолжал свой путь и вечером оказался на расстоянии восьми или десяти миль от Берлингтона, в гостинице, которую содержал некий доктор Браун. Пока я насыщался, он вступил со мной в разговор и, обнаружив, что я кое-что читал, сделался очень общительным и радушным. Наше знакомство продолжалось до конца его жизни. Он был, как я полагаю, странствующим лекарем, так как не было такого города ни в Англии, ни в какой-либо европейской стране, о котором он не мог бы весьма обстоятельно рассказать. Он получил некоторое литературное образование и обладал незаурядным умом, но это не мешало ему быть настоящим язычником и через несколько лет он принялся кощунственно перелагать Библию разухабистыми стишками, наподобие того, как Коттон поступил с Вергилием[11]. Таким путем он выставил многие факты в весьма непривлекательном

свете и мог бы внести смятение в слабые умы, если бы его произведение было опубликовано, чего, однако, не случилось.

В его доме я провел эту ночь, а на следующее утро добрался до Берлингтона. Здесь меня, однако, ожидало разочарование, так как я узнал, что рейсовые лодки ушли незадолго до того и не ожидались раньше вторника, а сегодня была только суббота. Тогда я вернулся в город к одной старой женщине, у которой я купил немного имбирных пряников, чтобы питаться во время путешествия по воде, и попросил у нее совета; она предложила мне оставаться в ее доме, пока мне не представится возможность уехать на какой-либо другой лодке; я был утомлен своим пешим путешествием и принял это приглашение. Когда она узнала, что я печатник, она захотела, чтобы я остался в этом городе и занимался своим ремеслом, но это было потому, что она не понимала, какое мне нужно для начала оборудование. Она была очень гостеприимной, от всего сердца накормила меня обедом из бычьей головы, а взамен приняла от меня только кружку пива. Я уже примирился с тем, что мне придется торчать здесь до вторника. Однако вечером, когда я прохаживался по берегу реки, подошла лодка, которая, как я узнал, отправлялась в Филадельфию с несколькими пассажирами. Они согласились взять меня с собой, и так как ветра не было, то нам пришлось грести на всем протяжения пути; и примерно в полночь, так как города все еще не было видно, некоторые из нашей компании стали говорить, что мы его, должно быть, проехали и что нам не надо больше грести; другие же не знали, где мы находимся, тогда мы направились к берегу, вошли в небольшую бухточку, пристали около старого забора, из столбов которого развели костер (ведь была холодная октябрьская ночь), и там мы оставались до рассвета. Тогда один из наших спутников узнал это место, называвшееся бухта Купера, немного выше Филадельфии, которую мы увидели, как только выбрались из бухты. Мы прибыли в Филадельфию в воскресенье утром, в восемь или в девять часов, и высадились на пристани около Маркит-стрит.

Я описываю так подробно свое путешествие и не менее подробно буду описывать и мое первое прибытие в этот город, чтобы ты мог мысленно сравнить такое неприглядное начало с тем положением, которого я впоследствии там достиг. На мне было мое рабочее платье. Мой выходной костюм должен был прибыть кружным путем по морю. Я был грязным после своего путешествия; карманы мои были набиты рубашками и чулками; я не знал ни одной живой души и не имел понятия, где искать себе жилье. Ходьба, гребля и недостаток сна утомили меня, я был очень голоден и все мои наличные средства состояли из одного

доллара и примерно шиллинга медными монетами, и я отдал эти деньги лодочникам за проезд. Сначала они отказывались от них, говоря, что я тоже греб, но я настаивал, чтобы они взяли эти деньги. Иногда человек, имея немного денег, бывает более щедрым, чем когда их у него много, возможно потому, что боится, как бы не подумали, что у него мало.

Я пошел вверх по улице, оглядываясь по сторонам, пока не дошел до Маркит-стрит, здесь я встретил мальчика, который нес хлеб. Мне часто приходилось обедать сухим хлебом, и, узнав, где он его купил, я немедленно отправился в указанную мне булочную. Я спросил сухарей, подразумевая такие, какие были у нас в Бостоне, но их, по-видимому, в Филадельфии не делали. Тогда я спросил буханку за три пенни, и мне опять сказали, что у них таких нет. Не зная ни здешних цен, ни названий различных сортов хлеба, я сказал булочнику, чтобы он дал мне чего-нибудь на три пенни. Тогда он дал мне три большие пышные булки. Я удивился такому количеству, но взял их, и так как у меня в карманах не было места, то я сунул по одной булке себе под мышки, а третью стал есть. В таком виде я прошествовал вверх по Маркит-стрит до Фор-стрит, пройдя мимо двери мистера Рида, отца моей будущей жены; здесь она, стоя в дверях, увидела меня и подумала, что у меня – как оно несомненно и было – довольно странный и дикий вид. Затем я повернул и пошел вниз по Честнэт-стрит и немного по Уолнэт-стрит, всю дорогу уплетая свою булку. Повернув еще раз, я снова оказался у пристани на Маркит-стрит, неподалеку от лодки, на которой я приехал. Здесь я напился речной воды и, досыта наевшись одной булкой, отдал две другие женщине с ребенком, которые ехали вместе с нами в лодке и должны были отправиться дальше.

Подкрепившись подобным образом, я снова пошел вверх по улице, на которой к этому времени уже было много хорошо одетых людей и все они шли в одном направлении; я присоединился к ним и попал в большой молитвенный дом квакеров, расположенный около рынка. Я сел среди них и, оглянувшись по сторонам и ничего не слыша, заснул, так как очень утомился прошедшей ночью и не имел случая выспаться. Я крепко спал до самого конца собрания, когда кто-то по своей доброте разбудил меня. Это был первый дом, который я посетил и в котором я спал в Филадельфии.

Тогда я снова пошел вниз к реке и, вглядываясь в лица прохожих, увидел молодого квакера, наружность которого мне понравилась. Я обратился к нему и спросил, не может ли он указать мне такое место, где приезжий мог бы остановиться. Мы находились поблизости от гостиницы «Три моряка». «Вот, –

сказал он, – дом, где принимают приезжих, но у него дурная слава; если ты пойдешь со мной, то я покажу тебе лучшее место». Он провел меня к гостинице «Приют заблудших» на Уотер-стрит. Здесь мне дали обед. Пока я ел, мне задали несколько хитрых вопросов, так как по моему юному виду и наружности во мне заподозрили беглеца.

После обеда хозяин показал мне мою койку, и я улегся, не раздеваясь, и спал до шести часов вечера, пока меня не позвали ужинать. Потом я снова лег очень рано и проспал крепким сном до самого утра. Утром я оделся, по возможности аккуратней, и отправился к Эндрю Бредфорду, печатнику. В типографии я встретил его старого отца, с которым виделся в Нью-Йорке и который, путешествуя верхом, добрался до Филадельфии раньше меня. Он познакомил меня со своим сыном; тот меня любезно принял, угостил завтраком, но сказал, что в настоящее время не нуждается в помощнике, так как только что одного нанял. Но в городе недавно обосновался еще один печатник, некто Кеймер, у которого, возможно, найдется для меня работа; если нет, то он предлагает мне жить в его доме и выполнять время от времени его небольшие поручения, пока не откроется вакансия.

Старый джентльмен сказал, что сам пройдет со мной к новому печатнику. Когда мы туда пришли, Бредфорд сказал:

«Сосед, я привел к тебе молодого человека, занимающегося тем же ремеслом, что и ты; может быть, он тебе понадобится». Тот задал мне несколько вопросов, сунул мне в руки верстатку, чтобы посмотреть, как я работаю, а затем сказал, что вскоре примет меня, хотя в настоящее время у него нет для меня никакой работы. Кеймер никогда раньше не видел Бредфорда и решил, что это один из расположенных к нему горожан. Он завязал с ним разговор о своем нынешнем предприятии и о видах на будущее; Бредфорд же не сказал ему, что он отец другого печатника, и когда Кеймер стал распространяться о своих намерениях забрать большую часть дела в свои руки, то Бредфорд хитрыми вопросами и незначительными сомнениями выудил у него все подробности касательно того, на чье влияние он рассчитывает и каким образом намеревается действовать. Я стоял рядом и все слышал и сразу понял, что один из них – старый пройдоха, а другой – зеленый новичок. Бредфорд оставил меня с Кеймером, который страшно удивился, когда я ему сказал, кто был этот старик.

Типография Кеймера, как я обнаружил, состояла из старого сломанного печатного станка и небольшого изношенного комплекта английских шрифтов, которыми он сам в этот момент пользовался, набирая элегию о вышеупомянутом Аквиле Роузе, талантливом молодом человеке с превосходной репутацией,

которого весьма уважали в городе; он был секретарем ассамблеи и неплохим поэтом. Кеймер и сам сочинял стихи, но довольно неважные. Нельзя было сказать, что он их *пишет,* так как его метод заключался в том, что он набирал их литерами прямо экспромтом; и так как у него не было рукописного оригинала, а только две типографские кассы, а на элегию мог уйти весь шрифт, то никто не был в состоянии ему помочь. Я решил попытаться наладить его станок (которым он еще не пользовался и в котором он ничего не понимал); пообещав прийти и напечатать его элегию, как только она будет готова, я вернулся к Бредфорду, который дал мне пока небольшую работу; у него же я жил и столовался. Через несколько дней Кеймер прислал за мной, чтобы я напечатал элегию. Теперь у него была еще пара касс и брошюра для печати, и он посадил меня за работу.

Оба эти печатника, как я обнаружил, плохо подходили для своего дела. Бредфорд не учился этому ремеслу и был очень безграмотным; а Кеймер, хотя и знал кое-что, был простым наборщиком, понятия не имевшим о типографском деле. Он был одним из французских пророков и умел подражать их пылкой жестикуляции. В описываемую эпоху он не исповедовал какой-либо конкретной религии, но верил во все понемножку одновременно, очень плохо разбирался в житейских делах и – как я впоследствии обнаружил – был по своему характеру довольно изрядный плут. Ему не нравилось, что я живу у Бредфорда, хотя работаю у него. Правда, у него был дом, но без обстановки, так что там он не мог меня поселить; но он устроил меня у мистера Рида, о котором уже говорилось выше и который был владельцем его дома. К этому времени мой сундук и мое платье уже прибыли, и я имел гораздо более приличный вид, чем тот, который у меня был, когда мисс Рид впервые увидела меня, уплетавшим булку на улице.

Теперь у меня завелись знакомые среди тех молодых людей в городе, которые были любителями чтения. Я приятно проводил с ними вечера и благодаря своему прилежанию и умеренности имел достаточный заработок. Я был доволен своей жизнью и, насколько возможно, забыл о Бостоне; мне не хотелось, чтобы там стало известно, где я обосновался. Об этом знал только мой друг Коллинс, который был посвящен в мою тайну и сохранил ее. Но в конце концов произошел один случай, и мне пришлось отправиться обратно гораздо скорее, чем я предполагал. У меня был зять Роберт Хомс, хозяин шлюпа, курсировавшего между Бостоном и Делавэром. Как-то он был в Ньюкасле, расположенном на сорок миль ниже Филадельфии, услышал там обо мне и прислал мне письмо. В этом письме он говорил о том

беспокойстве, которое вызвал мой внезапный отъезд у моих родных и друзей в Бостоне, заверял меня в их добром ко мне расположении и в том, что все будет сделано по моему желанию, если я соглашусь вернуться, к чему он меня очень настойчиво побуждал. Я ответил на его письмо, поблагодарив его за совет, но изложил все причины, заставившие меня покинуть Бостон, настолько подробно и в таком свете, чтобы убедить его, что я не был столь неправ, как он полагал.

В Ньюкасле тогда находился сэр Вильям Кейс, губернатор провинции, и капитан Хомс беседовал с ним в тот момент, когда ему доставили мое письмо. Капитан Хомс рассказал ему обо мне и показал письмо. Губернатор прочел его и, по-видимому, удивился, когда узнал, сколько мне лет. Он сказал, что я произвожу впечатление многообещающего молодого человека и что поэтому меня надо поддержать. Печатники в Филадельфии были неважные, и если бы я там обосновался, то он не сомневается, что я добился бы успеха; со своей стороны он обещал обеспечить меня казенными заказами и оказать мне любую другую услугу, какую мог. Все это впоследствии мой зять Хомс рассказал мне в Бостоне. Но тогда я еще ничего об этом не знал; и вот однажды, когда мы с Кеймером работали около окна, мы увидели губернатора и еще одного джентльмена (оказавшегося полковником Френчем из Ньюкасла, в провинции Делавэр) в изящном платье. Они перешли через улицу, подошли к нашему дому, и мы услышали их у дверей.

Кеймер сломя голову помчался вниз, думая, что это пришли к нему; но губернатор осведомился обо мне, поднялся наверх и очень снисходительно и любезно, к чему я совсем не привык, сделал мне ряд комплиментов, выразил желание поддерживать со мной знакомство, слегка пожурил меня за то, что я не представился ему, когда прибыл в город, и пригласил меня отправиться с ним в таверну, куда он шел вместе с полковником Френчем отведать, как он сказал, великолепной мадеры. Я был немало удивлен, а Кеймер вытаращил глаза. Тем не менее я отправился вместе с губернатором и полковником Френчем в таверну на углу Третьей улицы, и там за бокалом мадеры он предложил помочь мне открыть собственную типографию. Он изложил все шансы на успех, и как он, так и полковник Френч заверили меня, что они примут во мне участие и употребят свое влияние, чтобы я мог получать казенные заказы обоих правительств. Когда я выразил сомнение в том, окажет ли отец мне поддержку в этом деле, то сэр Вильям сказал, что он даст мне письмо к нему, в котором изложит все преимущества, и что он не сомневается, что это побудит моего отца согласиться. Итак, было

решено, что я вернусь в Бостон с первым же кораблем, имея при себе рекомендательное письмо губернатора к моему отцу. Тем временем это намерение надлежало хранить в тайне, и я продолжал работать с Кеймером, как обычно. Губернатор иногда приглашал меня отобедать с ним, что я считал за великую честь, в особенности потому, что он беседовал со мной самым любезным, непринужденным и дружеским образом, какой только можно вообразить.

Примерно в конце апреля 1724 года небольшое судно должно было отправиться в Бостон. Я отпросился у Кеймера под предлогом, что хочу повидаться со своими друзьями. Губернатор дал мне пространное письмо, где весьма лестно отзывался обо мне и усиленно рекомендовал моему отцу поддержать мой проект обосноваться в Филадельфии, так как это должно было, по его словам, принести мне состояние. Идя вниз по заливу, мы сели на мель, и наше судно дало течь; море было штормовое, и нам почти все время приходилось откачивать воду, в чем и я тоже принимал участие. Все же недели через две мы невредимыми прибыли в Бостон. Я находился в отсутствии семь месяцев, и мои друзья ничего обо мне не слышали, так как мой зять Хомс еще не вернулся и ничего не писал им обо мне. Мое неожиданное возвращение удивило семью; все они, однако, были очень рады видеть меня и оказали мне радушный прием, за исключением моего брата. Я нанес ему визит в его типографии. Я был одет лучше, чем тогда, когда находился у него на службе, на мне был новый модный костюм, часы, а в карманах звенело почти пять фунтов серебром. Он принял меня не слишком любезно, осмотрел меня с головы до пят и снова вернулся к своей работе.

Рабочие расспрашивали меня, где я был, что это за место и как мне там понравилось. Я очень расхваливал Филадельфию и ту счастливую жизнь, которую я там вел, и подчеркнул, что намереваюсь вернуться туда; когда один из них спросил меня, какие у нас там деньги, то я вытащил пригоршню серебра и рассыпал его перед ними – для них это было редкое зрелище, к которому они не привыкли, так как в Бостоне ходили бумажные деньги[12]. Затем я воспользовался случаем продемонстрировать им свои часы и, наконец (мой брат по-прежнему выглядел сердитым и надутым), я дал им доллар на выпивку и распрощался. Это мое посещение его несказанно оскорбило. И когда впоследствии моя мать как-то заговорила о примирении и о том, что ей хочется, чтобы мы снова были в хороших отношениях и жили в будущем, как братья, то он ответил, что я так оскорбил его на глазах его работников, что он никогда не сможет ни забыть, ни простить этого. В этом, однако, он ошибался.

Мой отец был несколько удивлен, получив письмо губернатора, но он почти ничего не говорил мне о нем в течение нескольких дней. Когда вернулся капитан Хомс, то он показал ему письмо и спросил, знает ли он Кейса и что тот за человек, добавив, что, по его мнению, он поступает не особенно благоразумно, собираясь помочь открыть собственное дело мальчику, который еще только через три года достигнет совершеннолетия. Хомс привел все доводы, какие только мог, в пользу этого плана; но мой отец считал эту затею совершенно несостоятельной и, наконец, решительно отказал. При этом он написал вежливое письмо сэру Вильяму, поблагодарив его за любезно предложенное мне покровительство, и отказался помочь мне открыть собственную типографию, так как я, по его мнению, был еще слишком молод, чтобы мне можно было доверить руководство таким важным делом и оборудование для которого требовало значительных затрат.

Мой старый приятель Коллинс, служивший письмоводителем на почте, пришел в восторг от моих рассказов о моем новом местожительстве и решил тоже отправиться туда. И, пока я ожидал, какое решение примет мой отец, он выехал по суше в Род-Айленд, оставив свое книжное собрание, в котором находились ценные сочинения по математике и физике. Эти книги должны были прибыть вместе с моими и со мной самим в Нью-Йорк; где он обещал ожидать меня.

Отец мой хотя и не одобрил предложение сэра Вильяма, но все же был доволен, что я удостоился такого лестного отзыва от столь важной особы в том месте, где обосновался, и что я проявил такое трудолюбие и бережливость, сумев так хорошо одеться за такое непродолжительное время. Затем, так как он не видел надежды на мое примирение с братом, он дал свое согласие на мое возвращение в Филадельфию, посоветовав мне вести себя там с достоинством в отношениях с людьми, попытаться заслужить всеобщее уважение и избегать пасквилей и клеветы, к которым, по его мнению, у меня была слишком большая склонность; он сказал, что с помощью настойчивости и прилежания и благоразумной бережливости я смогу к тому времени, когда мне исполнится двадцать один год, накопить такую сумму, которая мне позволит открыть собственное дело, и что если мне будет немного не хватать до этой суммы, то он добавит остальное. Это было все, что я смог от него получить, кроме нескольких маленьких подарков, которые он и мать сделали мне в знак их любви, когда я снова отправлялся в Нью-Йорк, теперь уже с их согласия и благословения.

Когда шлюп остановился в Ньюпорте на Род-Айленде, я

навестил своего брата Джона, который женился и обосновался там несколько лет назад. Он оказал мне самый радушный прием, так как всегда любил меня. Один из его друзей, некий Вернон, попросил меня, чтобы я получил тридцать пять фунтов наличными, которые ему были должны в Пенсильвании, и сохранил эти деньги до тех пор, пока он не укажет, как ими распорядиться. Он выдал мне на них доверенность. Это дело впоследствии причинило мне немало беспокойства.

В Ньюпорте на наше судно село несколько новых пассажиров, в том числе две молодые женщины, путешествовавшие вместе, и степенная, напоминавшая матрону квакерша со своими служанками. Я с готовностью оказал ей несколько маленьких услуг, что, как я полагаю, несколько расположило ее ко мне; и когда она увидела, что я со дня на день все больше сближаюсь с двумя молодыми женщинами, которые, по-видимому, меня к этому поощряли, она отвела меня в сторонку и сказала: «Молодой человек, я беспокоюсь о тебе, так как у тебя нет здесь друга, а сам ты, очевидно, плохо разбираешься в житейских делах и в тех силках, которые расставляют молодежи; поверь мне, это очень скверные женщины; я это вижу по всем их поступкам; и если ты не будешь начеку, то они втянут тебя в какую-нибудь историю; ты ведь их не знаешь, и я тебе по-дружески советую, ради твоего же блага, не иметь с ними никаких отношений». Так как я сначала не думал о них так дурно, как она, то она сообщила мне некоторые замеченные и услышанные ею вещи, ускользнувшие от моего внимания, и убедила меня теперь, что она была права. Я поблагодарил ее за добрый совет и обещал последовать ему. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, они рассказали мне, где они живут, и пригласили навещать их; но я уклонился от этого. Этот поступок оказался благоразумным, так как на следующий день капитан хватился серебряной ложки и некоторых других вещей, которые были взяты из его каюты; а так как он уже знал эту пару потаскушек, то получил ордер на обыск их квартиры, обнаружил украденные вещи и подверг наказанию преступниц. Итак, хотя мы счастливо избежали подводной скалы, о которую наше судно поцарапало днище во время плавания, я все же считаю, что был еще более счастлив, избежав этой опасности.

В Нью-Йорке я нашел своего друга Коллинса, прибывшего туда несколько раньше меня. Мы были дружны с детства и читали вместе одни и те же книги, но у него было передо мной то преимущество, что он располагал большим количеством времени для чтения и учебы и обладал замечательным даром к математике, в которой мог заткнуть меня за пояс. Когда я жил в Бостоне, то большую часть своих свободных часов проводил в

беседах с ним; он был трезвым и прилежным молодым человеком, которого весьма уважали за его ученость как некоторые духовные лица, так и другие джентльмены, и, по-видимому, он должен был достичь хорошего положения в жизни; но за время моего отсутствия он усвоил привычку пить коньяк, и я узнал как по его собственным рассказам, так и по рассказам других, что он был пьян каждый день с момента своего прибытия в Нью-Йорк и вел себя самым недостойным образом. Кроме того, он еще играл в азартные игры и проиграл все свои деньги, так что мне пришлось заплатить за него квартирную плату и оплатить его путевые издержки и проезд до Филадельфии, – а это было для меня довольно чувствительно.

Тогдашний губернатор Нью-Йорка Вернет, сын епископа Бернета, услышав от капитана, что некий молодой человек, один из его пассажиров, вез с собой множество книг, попросил, чтобы капитан привел меня к нему. Я отправился к нему и взял бы с собой также и Коллинса, если бы он был трезв. Губернатор принял меня с отменной учтивостью, показал мне свою библиотеку, которая была очень обширной, и мы долго беседовали о книгах и писателях. Это был уже второй губернатор, оказавший мне честь своим вниманием, и для бедного юноши вроде меня это было очень лестно.

Мы продолжали свой путь в Филадельфию. По дороге я получил деньги Вернона, без которых мы вряд ли смогли бы закончить свое путешествие. Коллинс хотел получить место в какой-нибудь конторе; но, возможно, они заметили по его дыханию или по его поведению, что он пьет, и, хотя у него и были кое-какие рекомендации, он нигде не добился успеха и продолжал жить и столоваться в одном доме со мной и за мой счет. Зная, что у меня есть деньги Вернона, он непрерывно у меня одалживал, все время обещая заплатить, как только он устроится. Наконец, он перебрал у меня уже столько, что я с ужасом думал о том, что я буду делать, если мне вдруг предложат уплатить эти деньги.

Коллинс продолжал пьянствовать, из-за чего мы иногда ссорились, так как, выпив, он делался необыкновенно сварлив. Однажды мы вместе с несколькими другими молодыми людьми катались на лодке по Делавэру, и он отказался грести, когда наступила его очередь.

– Я хочу, чтобы вы отвезли меня домой, – говорит он.

– Мы тебя не повезем, – говорю я.

– Вам придется меня везти, – говорит он, – а не то вы проведете всю ночь на воде, можете быть спокойны.

Тогда остальные говорят:

– Давайте грести, что с него взять?

Но у меня уже накопилось раздражение против него в связи со всем его предшествующим поведением, и я продолжал отказываться. Тогда он с проклятьями сказал, что заставит меня грести или выбросит за борт. И он направился ко мне, шагая по сиденьям; когда он подошел и ударил меня, то я быстрым движением просунул ему свою голову между ног и, приподнявшись, опрокинул его головой вниз в реку. Я знал, что он хороший пловец, и нисколько о нем не беспокоился; но, прежде чем он успел подплыть и схватиться за лодку, мы сделали несколько гребков, и он уже не мог до нас дотянуться. И всякий раз, как он приближался к лодке, мы спрашивали, согласен ли он грести, и, сделав несколько ударов веслами, ускользали от него. Он готов был лопнуть от злости, но упрямо продолжал отказываться; однако, когда мы увидели, что он начинает уставать, мы втащили его в лодку и привезли вечером домой мокрым до нитки. После этого приключения мы редко обменивались вежливыми словами. Наконец, один капитан из Вест-Индии, у которого было поручение найти наставника для сыновей некоего джентльмена на острове Барбадос, познакомившись с Коллинсом, предложил ему поехать туда и занять это место. Коллинс согласился и расстался со мной, пообещав заплатить свой долг из первых же заработанных денег. Но с тех пор я ничего больше о нем не слышал.

Я не оправдал доверия Вернона в отношении его денег, и это было одной из первых больших ошибок в моей жизни; эта история показала, что мой отец не особенно ошибался, когда считал, что я слишком молод для важного дела. Но сэр Вильям, прочитав его письмо, сказал, что он слишком уж щепетилен, что человек человеку рознь и что благоразумие не обязательно свойственно пожилому возрасту и что им могут обладать и люди молодые. «Раз он не хочет помочь вам устроиться, – сказал он, – то я сделаю это сам. Дайте мне список всех вещей, которые необходимо выписать из Англии, и я пошлю за ними. Вы мне заплатите, когда сможете; я твердо решил иметь здесь хорошего печатника, и я убежден, что вы будете преуспевать». Все это было высказано с такой кажущейся сердечностью, что я не питал никаких сомнений в том, что он осуществит свое намерение. До сих пор я держал в тайне свои планы обосноваться в Филадельфии и продолжал хранить их про себя. Если бы стало известно, что я рассчитываю на губернатора, то, вероятно, кто-нибудь из друзей, знавших его лучше, посоветовал бы мне не полагаться на него, так как впоследствии я услышал, что его знали как человека, щедро раздающего обещания, которые он не

собирается выполнять. И все же, поскольку я ничего от него не искал, как мне могло прийти в голову, что его великодушные предложения были неискренни? Я считал его одним из самых лучших людей на свете.

Я представил ему список всего необходимого для маленькой типографии, причем издержки на все это сводились примерно к ста фунтам стерлингов. Он одобрил этот список, но спросил, не лучше ли мне самому поехать в Англию, чтобы на месте выбрать шрифты и позаботиться о том, чтобы все было хорошего качества. «Кроме того, – сказал он, – когда вы будете там, вы сможете завязать знакомство и установить переписку с книжными и писчебумажными лавками». Я согласился, что это могло оказаться полезным. «Тогда, – сказал он, – приготовьтесь к отплытию на "Аннис"». Это был корабль, совершавший рейсы раз в год, и только он в это время поддерживал регулярное сообщение между Лондоном и Филадельфией. Но до отплытия «Аннис» оставалось еще несколько месяцев, и я продолжал работать у Кеймера, все время переживая тревогу из-за тех денег, которые у меня забрал Коллинс, и ожидая со дня на день, что Вернон их у меня затребует, что, однако, случилось только через несколько лет.

Мне кажется, что я забыл упомянуть о том, что когда во время моего первого плавания из Бостона в Филадельфию мы попали в полосу штиля у острова Блок-Айленд, то наша команда стала ловить треску и наловила ее очень много. До этой поры я строго соблюдал свое решение не есть ничего живого; и на этот раз я тоже считал вместе со своим наставником Трайоном, что ловля рыбы – своего рода ничем не оправданное убийство, поскольку ни одна рыба никогда нам не причинила и не могла причинить какого-либо вреда, который оправдывал бы это умерщвление. Все это представлялось мне весьма резонным. Но дело в том, что раньше-то я очень любил рыбу, и, только что зажаренная на сковороде, она издавала восхитительный запах. Некоторое время я колебался между принципом и влечением, пока не вспомнил, что когда рыбу потрошили, то я видел, как из ее желудка доставали других маленьких рыбок. «Ну, раз так, – подумал я, – если вы поедаете друг друга, то почему бы и нам не есть вас». Итак, я с аппетитом пообедал треской и с тех пор продолжал питаться, как и все остальные люди, переходя только изредка на вегетарианский стол. Вот как удобно быть *рассудительным существом,* ведь это дает нам возможность посредством рассуждения найти или изобрести повод сделать все то, к чему мы стремимся.

Мы с Кеймером были в довольно хороших приятельских

отношениях и вполне уживались друг с другом, так как он ничего не подозревал о том, что я собираюсь открыть собственную типографию. Он сохранил значительную долю своего старого пыла и любил поспорить. Поэтому у нас бывали многочисленные дискуссии. Я продолжал испытывать на нем свой сократический метод и часто загонял его в тупик с помощью вопросов, казалось бы, очень далеких от нашей темы и все же постепенно приводивших к ней и ставивших его в затруднительное и противоречивое положение; вследствие этого он сделался до смешного осторожен и не отвечал даже на самый простой вопрос, не спросив сначала: «Какие вы намереваетесь сделать из этого выводы?» Благодаря этому, однако, он составил такое высокое мнение о моих полемических способностях, что совершенно серьезно предложил мне стать его партнером в осуществлении задуманного им проекта создания новой секты. Он должен был проповедовать доктрины, а я – опровергать всех противников. Когда он начал излагать мне свои доктрины, то я обнаружил в них несколько темных мест, против которых я возражал и соглашался лишь на том условии, что он сделает мне некоторые уступки и позволит добавить кое-что от себя.

Кеймер носил длинную бороду, потому что в законе Моисея где-то сказано: «Ты не должен осквернять концы твоей бороды». Точно так же он соблюдал субботу в седьмой день, и эти два пункта были для него очень важными. Мне они оба не нравились, но я был готов на них согласиться при условии, что он откажется от употребления в пищу мяса. «Я сомневаюсь, – говорил он, – что мое здоровье это выдержит». Я заверил его, что здоровье выдержит и что он будет себя даже лучше чувствовать. Он был большим обжорой, и мне хотелось доставить себе развлечение, поморив его голодом. Он соглашался попробовать, если только я составлю ему компанию; я был готов его поддержать, и мы питались три месяца подобным образом. Провизию нам все время закупала, приготовляла и приносила одна соседка, которой я дал список из сорока кушаний, чтобы она нам готовила их в разное время, в эти кушания не входили ни рыба, ни мясо, ни птица. Эта причуда меня в данное время вполне устраивала благодаря своей дешевизне; каждый из нас тратил на еду не больше восемнадцати пенсов серебром в неделю. Я с тех пор не раз соблюдал посты более строго, отказываясь для этого от обычной пищи, а потом сразу переходил на обычный стол без малейшего неудобства, на основании чего я полагаю, что совет делать такие переходы постепенно ни на чем не основан. Я себя чувствовал превосходно, но бедняга Кеймер страшно страдал, он утомился от этого проекта, мечтал о египетских котлах с мясом и заказал жареного

поросенка. Он пригласил отобедать вместе с ним меня и двух своих приятельниц, но так как поросенка подали на стол слишком рано, то он не выдержал искушения и съел его сам целиком еще до нашего прихода.

В течение этого времени я немного ухаживал за мисс Рид. Я питал к ней глубокое уважение и привязанность и имел некоторые основания полагать, что и она испытывала ко мне такие же чувства; но поскольку я должен был отправиться в длительное путешествие и мы оба были еще очень молоды, лишь немного старше восемнадцати лет, то ее мать решила, что благоразумнее помешать нам зайти слишком далеко и что лучше, чтобы наш брак, если он состоится, был заключен после моего возвращения, когда я уже буду, как я надеялся, прочно стоять на ногах. Возможно также, что она считала, что мои надежды не имели под собой такого солидного основания, как я воображал.

Моими наиболее близкими знакомыми в то время были Чарлз Осборн, Джозеф Уотсон и Джеме Ралф – все большие любители чтения. Первые два служили письмоводителями у видного в нашем городе нотариуса Чарлза Брокдена, а третий был письмоводителем у купца. Уотсон был благочестивым, рассудительным и очень честным молодым человеком. Остальные не обладали такими твердыми религиозными убеждениями, в особенности Ралф, которого я, так же как и Коллинса, поколебал в вере, за что они оба заставили меня страдать. Осборн был рассудительным, прямодушным, откровенным, искренним и доброжелательным к своим друзьям, но в литературных делах слишком увлекался критикой. Ралф был умен, обладал хорошими манерами и необыкновенным красноречием, я, пожалуй, никогда не встречал лучшего оратора. Оба они были большими поклонниками поэзии и начинали кое-что пописывать. Сколько приятных прогулок совершили мы вчетвером по воскресеньям в лесу на берегах Скейлкилла, когда мы по очереди читали друг другу и обсуждали прочитанное!

Ралф был склонен целиком посвятить себя поэзии, нисколько не сомневаясь, что достигнет успеха в этой области и даже разбогатеет. Он утверждал, что и величайшие поэты, когда они только начинали писать, совершали не меньше ошибок, чем он сам. Осборн пытался разубедить его в этом, доказывая, что у него нет таланта к поэзии, советовал ему думать только о деле, для которого его воспитали, убеждал, что в торговле, хотя у него и нет капитала, он может, если будет старательным и пунктуальным, получить должность комиссионера и со временем приобрести собственный капитал для торговли. Я со своей стороны одобрял занятия поэзией время от времени для

развлечения и для усовершенствования своего литературного языка, но не более.

После этого было предложено, чтобы каждый из нас к следующей встрече подготовил собственное произведение с целью его усовершенствования с помощью наших взаимных замечаний, критики и поправок. Все наше внимание было обращено на язык и выразительность; поэтому мы исключили все темы с занимательной фабулой и остановились на переводе 18-го псалма, описывающего сошествие Бога. Перед нашей встречей Ралф первым зашел ко мне и сообщил, что его произведение готово. Я сказал ему, что был занят и еще ничего не сделал, так как не чувствую большой склонности к этому занятию. Тогда он показал мне свое произведение, прося высказать свое мнение. Я нашел его превосходным и горячо его одобрил. «Осборн никогда не признает ни малейших достоинств ни в одной моей вещи, – сказал Ралф, – напротив, он сделает тысячу критических замечаний просто из зависти. Тебе он не так завидует, поэтому я хочу, чтобы ты взял эту вещицу и выдал ее за свою; я же скажу, что у меня не было времени и что я ничего не написал. Послушаем тогда, что он скажет об этом стихотворении».

Сказано – сделано, и я немедленно переписал произведение Ралфа, чтобы было видно, что оно написано моей рукой.

Мы собрались. Заслушали произведение Уотсона; кое-что в нем было удачно, но много было и недостатков. Заслушали Осборна; его произведение было много лучше, Ралф воздал ему должное, отметил некоторые ошибки, но одобрил его красоты. Самому ему нечего было представить. Я мялся, делал вид, что хотел бы, чтобы меня освободили от этой обязанности, так как, мол, у меня не было достаточно времени для исправления и т. п., но никакие оправдания не принимались, я должен был выступить. Стихотворение было прочитано дважды. И Уотсон и Осборн тут же отказались от соревнования со мной и единодушно его одобрили. Только Ралф сделал несколько критических замечаний и предложил кое-какие поправки, но я защищал свой текст. Осборн рассердился на Ралфа и сказал ему, что он так же мало способен к критике, как к писанию стихов. Когда они вдвоем возвращались домой, Осборн высказался еще решительнее в пользу того, что он считал моим произведением; по его словам, он вначале был сдержан в своей оценке, чтобы я не заподозрил его в намерении мне польстить. «Но кто бы мог подумать, – говорил он, – что Франклин способен на это. Какая яркость образов, какая сила, какой огонь! Он даже улучшил оригинал. В обычной беседе он кажется весьма некрасноречивым, он подыскивает слова и даже грубо ошибается, и, однако, боже мой,

как он пишет!» При следующей встрече Ралф раскрыл нашу шутку, и Осборн был высмеян.

Этот эпизод укрепил Ралфа в его решении стать поэтом. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы отговорить его, но он продолжал кропать стихи до тех пор, пока его не отвадил от этого Поп. Однако он стал довольно хорошим прозаиком. О Ралфе еще будет речь впереди. Но так как едва ли представится случай упомянуть о двух других, отмечу здесь, что Уотсон умер на моих руках несколькими годами позже. Его смерть была для нас большим горем, так как он был лучше всех нас. Осборн уехал в Вест-Индию, где сделался знаменитым юристом и разбогател, но умер молодым. В свое время мы с ним совершенно серьезно уговорились, что тот, кто умрет первым, нанесет, если это окажется возможным, дружеский визит оставшемуся в живых и сообщит, как он себя чувствует в бестелесном мире. Но он так и не выполнил своего обещания.

Губернатор, которому, казалось, понравилось мое общество, часто приглашал меня к себе, и о его покровительстве мне говорили, как о чем-то само собой разумеющемся. Он обещал дать мне рекомендательные письма к целому ряду своих друзей, не говоря уже об аккредитиве на сумму, достаточную для покупки печатного станка, шрифта, бумаги и т. п. Меня неоднократно приглашали зайти за этими письмами, как только они будут готовы, но всякий раз об этом говорилось в будущем времени. Так продолжалось до дня отплытия корабля, которое также несколько раз откладывалось. Когда я зашел попрощаться и получить рекомендательные письма, ко мне вышел секретарь губернатора, доктор Бэрд, и сказал, что губернатор чрезвычайно занят перепиской, но что он приедет в Ньюкасл до отплытия корабля, и тогда письма будут мне вручены.

Ралф, хотя был женат и имел ребенка, решил сопровождать меня. Предполагалось, что он намеревается установить торговые связи и достать товары для продажи их на комиссию, но позднее я узнал, что у него произошли какие-то неприятности с родными жены и он решил оставить ее на их попечение и никогда не возвращаться в Америку. Сказав последнее прости своим друзьям, обменявшись обещаниями с мисс Рид, я покинул Филадельфию на корабле, который бросил якорь в Ньюкасле. Губернатор был там, но, когда я явился к нему на квартиру, его секретарь вышел ко мне с выражениями величайшего сожаления по поводу того, что губернатор не может принять меня, так как он чрезвычайно занят, но что он пришлет письма ко мне на корабль, что он сердечно желает мне счастливого пути и скорейшего возвращения и т. п. Я вернулся на корабль немного озадаченным, но я еще не

сомневался в нем.

Глава III

На том же корабле плыл знаменитый филадельфийский юрист, мистер Эндрю Гамильтон с сыном, а также мистер Денхам, купец-квакер, и господа Оньям и Рассел, владельцы железоделательного завода в Мериленде; все они заняли большую каюту. Мы с Ралфом были вынуждены согласиться на каюту в 3-м классе, а так как никто на корабле нас не знал, то нас принимали за простолюдинов. Но мистер Гамильтон и его сын Джеме (впоследствии губернатор) вернулись из Ньюкасла в Филадельфию; отца привлекла высокая оплата за ведение процесса о захваченном корабле. Перед самым отплытием на корабль явился полковник Френч, который был со мной очень любезен, так что меня заметили другие джентльмены и пригласили перейти вместе с моим другом Ралфом в каюту, где теперь освободились места, что мы и сделали.

Сообразив, что полковник Френч принес на корабль депеши губернатора, я попросил у капитана те письма, которые относились ко мне. Он сказал, что все письма сложены в одну сумку и что он не может в данный момент их достать, но я успею получить их до прибытия в Англию. Я до поры удовлетворился этим ответом, и мы продолжали плавание. В нашей каюте образовалась дружная компания, и мы проводили время на редкость хорошо, пользуясь, между прочим, всеми запасами мистера Гамильтона, а их было предостаточно. Во время этого путешествия я подружился с мистером Денхамом, и эта дружба продолжалась до самой его смерти. Но в целом путешествие было не из приятных, так как погода была по большей части плохая.

Когда мы вошли в Ламанш, капитан сдержал свое слово и разрешил мне обследовать содержимое сумки с губернаторской почтой. Я не нашел писем, на которых стояла бы моя фамилия как лица, которому было поручено их вручение. Я взял шесть или семь, которые, судя по почерку, могли быть обещанными письмами, особенно потому, что одно из них было адресовано Баскету – королевскому печатнику, а другое – какому-то торговцу канцелярскими принадлежностями. Мы прибыли в Лондон 24 декабря 1724 года. Я зашел по ближайшему адресу к торговцу и передал ему письмо якобы от губернатора Кейса. «Я не знаю такого человека», – сказал он, но, распечатав письмо, воскликнул: «О, это от Ридлсдена. Я недавно убедился, что он совершеннейший мерзавец, и я с ним не желаю иметь ничего общего и не хочу получать от него никаких писем». С этими словами он сунул мне письмо в руку, повернулся на каблуках и

покинул меня, чтобы обслужить какого-то покупателя.

Я был поражен, узнав, что письма были вовсе не от губернатора; припомнив и сопоставив некоторые обстоятельства, я начал сомневаться в искренности губернатора. Я нашел своего друга Денхама и все рассказал ему. А он раскрыл мне глаза на характер Кейса и сказал, что совершенно невероятно, чтобы он написал для меня какие-то письма, что все, кто его знает, не верят ему ни в чем; и он посмеялся над тем, что губернатор мог дать мне аккредитив, тогда как сам не располагал никаким кредитом. Когда я сказал, что не знаю, что же мне теперь делать, он посоветовал мне постараться устроиться на работу по моей специальности. «Среди здешних печатников, – сказал он, – вы усовершенствуетесь и, когда вернетесь в Америку, сможете хорошо устроиться».

Обоим нам, как и торговцу канцелярскими принадлежностями, довелось убедиться, что поверенный Ридлсден был действительно большой негодяй. Он почти разорил отца мисс Рид, втершись к нему в доверие. Из его письма мы узнали, что он совместно с Кейсом разработал тайный план принести ущерб мистеру Гамильтону (предполагалось, что тот прибудет в Англию вместе с нами); Денхам, который был другом Гамильтона, нашел, что того следует поставить об этом в известность; так что когда Гамильтон вскоре прибыл в Англию, то я – отчасти от обиды и недоброжелательства к Кейсу и Ридлсдену, а отчасти из расположения к Гамильтону – пошел к нему и отдал ему письмо. Он сердечно поблагодарил меня, это предостережение было для него очень важно; с этого времени он стал моим другом и впоследствии не раз оказывал мне большие услуги.

Но что же сказать о губернаторе, выкидывающем такие жалкие шутки, так грубо обманувшем бедного неопытного мальчика! Это было для него обычным делом. Он хотел угодить всем и каждому, но так как почти ничего не мог дать, то дарил обещания. Во всем остальном он был способным, благоразумным человеком, неплохим писателем и хорошим губернатором для простого народа, но не для своих избирателей – собственников, чьими указаниями он иногда пренебрегал. Некоторые наши лучшие законы были предложены им и проведены в жизнь во время его правления.

Мы с Ралфом были неразлучными товарищами. Мы поселились вместе в гостинице «Малая Британия» за три шиллинга и шесть пенсов в неделю; это было как раз столько, сколько мы были в состоянии тогда платить. Он нашел некоторых родственников, но они были бедны и не могли помогать ему.

Теперь он открыл мне свое намерение остаться в Лондоне и никогда не возвращаться в Филадельфию. У него не было никаких средств; все, что ему удалось наскрести, пошло на покупку билета. У меня было пятнадцать пистолей, так что он время от времени занимал у меня, пока подыскивал работу. Сперва он пытался поступить в театр, считая, что сможет стать актером; но Уилкс, к которому он обратился, прямо посоветовал ему выбросить из головы мысль об этом поприще, так как он никогда не сможет достигнуть на нем успеха. Тогда он предложил Робертсу, издателю в «Патер ностер роу», писать для него на определенных условиях еженедельное обозрение, подобное «Зрителю», но получил отказ. Затем он пытался найти себе работу переписчика и снимать копии для торговцев и адвокатов у Темпла, но не мог найти вакансии.

Что касается меня, то я немедленно устроился в известной типографии Палмера в Беартоломео Клоуз, где прослужил около года. Я работал очень усердно, но большую часть своего заработка тратил вместе с Ралфом на театры и другие развлечения. Мы истратили почти все мои пистоли и теперь кое-как перебивались со дня на день. Он, по-видимому, совершенно забыл свою жену и ребенка, а я постепенно забывал мои обещания, данные мисс Рид. Я написал ей только одно письмо, в котором известил ее, что не собираюсь в скором времени возвращаться. Это была другая величайшая ошибка моей жизни, которую я хотел бы исправить, если бы мне пришлось начинать жизнь сначала. Но фактически при наших расходах у меня никогда не было денег на обратный билет.

У Палмера я участвовал в наборе второго издания «Религии природы» Волластона[13]. Некоторые из его аргументов показались мне легковесными, и я написал небольшую метафизическую статью, в которой сделал замечания по их поводу. Эта статья была озаглавлена «Диссертация о свободе и необходимости, удовольствии и страдании». Я посвятил ее моему другу Ралфу и напечатал в небольшом количестве экземпляров. Это заставило мистера Палмера обратить внимание на меня, как на не лишенного способностей молодого человека, хотя он серьезно разубеждал меня в принципах моего памфлета, которые находил отвратительными. То, что я напечатал этот памфлет, также было с моей стороны ошибкой. Живя в «Малой Британии», я познакомился с книготорговцем Уилкоксом; его лавка была рядом с моей гостиницей. Он имел огромную коллекцию подержанных книг. В то время не было библиотек с выдачей книг на дом; но мы договорились на определенных разумных условиях, которые я теперь забыл, что я буду брать у него книги, читать их

и возвращать. Я это оценил как большую удачу и извлек из этого столько пользы, сколько мог.

Каким-то образом мой памфлет попал в руки некоего Лионса, хирурга, автора книги «Непогрешимость человеческого суждения». Это послужило поводом для нашего знакомства. Лионс обратил на меня серьезное внимание, часто приглашал меня побеседовать на эти темы, водил меня в Хорнс, захудалую таверну в одном из переулков Чипсайда, и представил меня доктору Мандевилю, автору «Басни о пчелах»[14], который имел там клуб; душой этого клуба был сам Мандевиль – очень остроумный, веселый товарищ. Лионс представил меня также доктору Пембертону из торгового дома Батсона, который обещал как-нибудь при случае дать мне возможность увидеть Исаака Ньютона, чего я страстно желал. Но этому желанию так и не суждено было исполниться.

Я привез с собой из Америки несколько редких вещиц. Главной среди них был кошелек из асбеста, который чистился огнем. Об этом услышал сэр Ганс Слоун. Он нанес мне визит, пригласил меня в свой дом в Блумсбери-сквер, показал мне все свои редкости и уговорил дополнить его коллекцию моим кошельком, уплатив за него крупную сумму.

В нашем доме жила молодая женщина, модистка, которая, кажется, имела лавку где-то в Клойстерсе. Она была хорошо воспитана, остроумна, весела и приятная собеседница. Ралф читал ей по вечерам пьесы; они сблизились; она переменила квартиру, он последовал за ней. Некоторое время они жили вместе, но он все еще был без работы, а ее доходов не хватало, чтобы прожить втроем с ее ребенком. Тогда Ралф решил уехать из Лондона и попытать счастья в сельской школе; он считал себя способным к этому делу, потому что обладал хорошим почерком и был мастером в арифметике и в счете. Но он находил это занятие ниже своего достоинства и, надеясь на лучшее будущее, опасался, как бы это низкое занятие его тогда не скомпрометировало. Поэтому он скрыл свое имя и оказал мне честь, приняв мое. Вскоре я получил от него письмо, в котором сообщалось, что он поселился в маленькой деревушке (кажется, в Беркшире, где он учил десять – двенадцать ребятишек чтению и письму за шесть пенсов с каждого в неделю), что он поручает миссис Т. моим заботам и просит меня писать ему по такому-то адресу, на имя мистера Франклина, учителя.

Он продолжал часто писать мне, высылая мне большие отрывки из своей эпической поэмы, которую он в то время сочинял, прося моих замечаний и поправок. Я посылал их ему время от времени, но больше старался отвадить его от

литературных занятий. Как раз в то время была опубликована одна из сатир Янга. Я переписал и послал ему значительную часть этой сатиры, которая едко высмеивала глупость поклонников муз, рассчитывающих на успех с их помощью. Но все было напрасно – листы с отрывками из поэмы продолжали прибывать с каждой почтой. Тем временем миссис Т., потеряв из-за Ралфа своих друзей и работу, стала сильно нуждаться. Она часто посылала за мной и занимала у меня столько, сколько я мог уделить из своих средств, чтобы облегчить их положение. Я начал находить удовольствие в ее обществе, а так как в то время я не находился под сдерживающим влиянием религии, то попытался воспользоваться ее зависимостью от меня и позволил себе некоторые вольности (опять-таки ошибка), которые она отвергла с величайшим негодованием. Она написала о моем поведении Ралфу; это вызвало разрыв между нами; когда он вернулся в Лондон, то поставил меня в известность, что считает себя свободным от всех своих обязательств по отношению ко мне; из этого я сделал вывод, что мне нечего рассчитывать на возврат одолженных или авансированных ему денег. Это, однако, не имело большого значения, так как он был совершенно неплатежеспособен, а с утратой его дружбы я почувствовал, что с моих плеч свалилось тяжкое бремя. Я начал теперь задумываться над тем, как бы сделать некоторые сбережения, и, рассчитывая на лучшую оплату, перешел от Палмера к Уоттсу – в еще большую типографию, близ Линколнс Инн Филдз. Здесь я работал в течение всего своего дальнейшего пребывания в Лондоне.

Когда я поступил в эту типографию, то пристрастился к работе у печатного станка, полагая, что мне необходимы физические упражнения, к которым привык в Америке, где набор связан с печатанием. Я пил только воду; остальные рабочие, около пятидесяти человек, были большими любителями пива. Однажды я поднялся и спустился по лестнице, держа в каждой руке по большой печатной форме, тогда как другие несли только одну в обеих руках. Они очень удивились, убедившись на этом и на других примерах, что *«водяной американец»,* как они прозвали меня, крепче, чем они, пившие *крепкое* пиво! У нас был «пивной мальчик», который всегда прислуживал в типографии, снабжая рабочих пивом. Мой товарищ по печатному станку каждый день выпивал пинту пива перед завтраком, пинту с хлебом и сыром за завтраком, пинту между завтраком и обедом, пинту за обедом, пинту около 6 часов вечера и еще одну по окончании дневной работы. Я считал это отвратительной привычкой, но он утверждал, что необходимо пить *крепкое* пиво, чтобы быть *крепким* для работы. Я пытался убедить его, что физическая сила,

которую дает пиво, пропорциональна лишь количеству ячменного зерна или муки, растворенной в воде, из чего делают пиво, что в хлебце ценой в один пенни больше муки, и, следовательно, если бы он ел его с пинтой воды, это придало бы ему больше силы, чем кварта пива. Но он все-таки продолжал пить и должен был выплачивать каждый субботний вечер четыре или пять шиллингов за этот отвратительный напиток; я же был свободен от такой траты. Так эти несчастные постоянно сами себя губили.

Через несколько недель Уоттс пожелал, чтобы я перешел в наборную, и я расстался с печатниками. Наборщики потребовали с меня новый вступительный взнос на выпивку, размером в пять шиллингов. Я счел это плутовством, так как я уже заплатил такой взнос печатникам; хозяин был того же мнения и запретил мне платить его. Я держался две или три недели, в течение которых на меня смотрели как на отверженного. Мне пришлось испытать на себе проявление мелочной злобы: стоило мне только выйти из комнаты, как мои литеры смешивались, мои печатные материалы переставлялись и рвались и т. д. и т. д., и все это приписывалось действиям «типографского духа», который, как они говорили, всегда преследует тех, кто не принят законным порядком в число рабочих. Поэтому, несмотря на заступничество хозяина, мне пришлось исполнить их требование и уплатить деньги; я убедился, что глупо жить в ссоре с теми, с кем приходится постоянно иметь дело.

Теперь между нами установились хорошие отношения, и вскоре я приобрел среди них значительное влияние. Я предложил внести некоторые разумные изменения в правила типографских рабочих и добился того, что они были приняты, вопреки всей оппозиции. Следуя моему примеру, большая часть рабочих отказалась от своего одурманивающего завтрака, состоящего из пива, хлеба и сыра. За ту же цену, что и пинта пива, то есть за три полупенса, они стали брать, как и я, из соседней харчевни большую миску горячей каши на воде, посыпанной перцем, с кусочком масла и накрошенным хлебом. Это был гораздо более питательный и дешевый завтрак, который к тому же оставлял головы ясными. Те же, кто продолжал весь день поглощать свое пиво, часто за неимением денег теряли кредит в пивной и старались уговорить меня достать пива, ибо, как они говорили, их *свет погас*. По субботам вечером я стоял около платежной ведомости и взыскивал с них долги; иногда мне приходилось платить за них около тридцати шиллингов в неделю. Это обстоятельство, а также то, что я слыл большим остряком, поддерживало мой авторитет в обществе. Мой хозяин был доволен тем, что я всегда аккуратно являлся на работу (я никогда

не опаздывал даже после праздников). Так как я набирал с необычайной быстротой, меня перевели на ускоренную работу, которая гораздо лучше оплачивалась. Таким образом, мои дела шли теперь очень хорошо. Моя квартира в «Малой Британии» была расположена слишком далеко от работы, поэтому я нашел другую, на Дьюк-стрит, напротив Римского собора. Две пары ступенек вели во внутрь, в итальянский магазин гастрономических и колониальных товаров. Дом принадлежал вдове; у нее была дочь, горничная и поденщик, который обслуживал магазин, но не жил в доме. Наведя справки на моей прежней квартире о моем характере, хозяйка согласилась принять меня за ту же плату, три шиллинга и шесть пенсов в неделю, – дешевле, как она сказала, чем следовало, потому что она надеялась найти защиту, имея в доме мужчину. Это была пожилая женщина, как дочь священника воспитанная в протестантской вере; но муж, память которого она свято чтила, обратил ее в католицизм; в свое время она вращалась среди известных людей и знала о них множество анекдотов вплоть до времен Карла II. Она страдала подагрой и хромала, отчего редко покидала свою комнату и потому скучала без общества, я же очень любил с ней побеседовать и всегда с готовностью проводил у нее вечера, когда она только этого хотела. Наш ужин состоял из половины анчоуса на каждого, маленького ломтя хлеба с маслом и полпинты эля на двоих; но ее рассказы доставляли мне истинное удовольствие. Ей не хотелось расставаться со мной, так как я рано ложился и рано вставал и вообще причинял мало беспокойства семье; поэтому, когда я заговорил о квартире, которая, как я слышал, была еще ближе к моей работе и стоила всего два шиллинга в неделю, что имело для меня большое значение, поскольку я решил экономить, она попросила меня не думать об этом, ибо она будет в дальнейшем брать с меня на два шиллинга в неделю дешевле. Итак, я оставался у нее за шиллинг и шесть пенсов в течение всего своего остального пребывания в Лондоне.

В мансарде ее дома жила старая дева семидесяти лет, которая вела самый замкнутый образ жизни. Как сообщила мне моя хозяйка, эта леди была католичкой. В молодости она была послана за границу, где поселилась в монастыре с намерением стать монахиней, но родные не разрешили ей этого; поэтому она вернулась в Англию, где не было монастырей. Однако она дала обет вести монашеский образ жизни, поскольку это возможно в существующих условиях. Поэтому она пожертвовала все свое состояние на благотворительные цели, сохранив за собой только двенадцать фунтов в год; однако и из этой суммы она еще выделяла значительную часть на благотворительность, питалась

одной кашей на воде и употребляла огонь только для того, чтобы сварить ее. Она уже много лет занимала этот чердак, где жители дома, которые все были католиками, разрешали ей жить бесплатно. Много лет спустя тебе и мне пришлось иметь более важные дела с одним из этих сыновей сэра Вильяма Уиндхема, тогда уже эрлом Игремонта, о чем я упомяну в свое время.

Итак, я провел в Лондоне восемнадцать месяцев; большую часть этого времени я усердно работал по своей специальности и тратил на себя очень мало, если не считать посещения театра и приобретения книг. Мой друг Ралф держал меня в бедности, он задолжал мне около двадцати семи фунтов, которые я не надеялся получить; а это была огромная сумма при моем маленьком заработке! Но, несмотря ни на что, я любил его, потому что у него было много приятных качеств. Однако, хотя я нисколько не улучшил свое состояние, я обогатил свои знания, познакомился с интересными людьми, беседы с которыми принесли мне большую пользу, и много прочел.

Глава IV

Мы отплыли из Грейвэнда 23 июля 1726 года. Что касается моих путевых впечатлений, то я отсылаю тебя к моему дневнику, где они изложены со всеми подробностями. Пожалуй, самая важная часть дневника – это содержащийся в нем план, который я составил во время плавания на всю свою последующую жизнь. Этот план замечателен тем, что я следовал ему всю свою жизнь до старости.

Мы высадились в Филадельфии 11 октября. Там я нашел различные перемены. Кейс больше не был губернатором, его сменил майор Гордон; я встретил Кейса, когда он прогуливался по городу как простой гражданин. Увидев меня, он, кажется, немного смутился и прошел мимо, не сказав ни слова. Я был бы столь же смущен при встрече с мисс Рид, если бы ее друзья, отчаявшись с полным основанием в моем возвращении по получении моего письма, не уговорили ее выйти замуж за некоего Роджерса, гончара. Свадьба состоялась в мое отсутствие. Но этот брак оказался неудачным, и вскоре она ушла от Роджерса, отказавшись с ним жить и носить его фамилию; говорят, что у него была другая жена. Он был никчемным парнем, хотя и отличным рабочим, что и соблазнило ее друзей. Он залез в долги, бежал в 1727 или 1728 году в Вест-Индию и там умер. Кеймер купил дом получше, лавку с писчебумажными принадлежностями, много новых шрифтов, нанял несколько подручных, среди которых, однако, не было ни одного опытного, и, по-видимому, затевал большое дело.

Мистер Денхам открыл магазин на Уотер-стрит, где мы разместили свои товары; я прилежно занимался делами, изучал счета и за короткий срок стал специалистом в торговле. Мы жили и столовались вместе: он чистосердечно привязался ко мне и помогал мне своими отеческими советами. Я уважал и любил его, и мы, вероятно, продолжали бы жить вместе весьма счастливо. Но в начале февраля 1727 года, когда мне только что исполнился 21 год, мы оба заболели. Я перенес плеврит, который чуть не унес меня в могилу. Болезнь протекала очень тяжело, я оставил всякую надежду на выздоровление и испытал чувство, близкое к разочарованию, когда начал выздоравливать; я с сожалением думал о том, что теперь рано или поздно мне снова придется вернуться к своей неприятной работе. Не помню, что было у мистера Денхама, но он болел долго, и в конце концов болезнь унесла его. Он оставил мне в знак своего доброго расположения небольшую сумму в форме устного завещания, и я опять остался

один-одинешенек на белом свете; магазин перешел к его душеприказчикам, и моя работа под его руководством окончилась.

Мой зять Хомс, живший в то время в Филадельфии, посоветовал мне вернуться к своей профессии, а Кеймер соблазнял меня предложением пойти за большое жалованье в управляющие его типографией, чтобы он мог уделять больше внимания своей лавке писчебумажных принадлежностей. Я слышал о нем плохие отзывы в Лондоне от его жены и ее друзей, и мне не хотелось иметь с ним никаких дел. Я искал места клерка в каком-нибудь торговом доме, но, ничего не найдя, снова заключил соглашение с Кеймером. В его типографии было несколько работников: Хью Мередит, тридцатилетний пенсильванец из Уэллса, привычный к деревенской работе, благоразумный, опытный человек, большой любитель чтения, но охотник выпить; Стефан Поттс, молодой деревенский парень, также имевший опыт в сельских работах, с незаурядными способностями, весьма смышленый и острый на язык, но немного ленивый. Кеймер нанял их обоих за необычайно низкую недельную плату, с повышением на шиллинг каждые три месяца, по мере того как они будут совершенствоваться в своем ремесле; ожидание этих будущих высоких заработков удерживало их в его типографии. Мередит должен был работать на печатном станке, а Поттс – в переплетной. Кеймер, по соглашению, должен был обучить их, хотя не знал ни того, ни другого дела; Джон – необузданный ирландец, не приученный ни к какому делу.

Кеймер откупил его на четыре года у капитана какого-то корабля и тоже собирался сделать печатником; Джордж Уэбб, оксфордский студент, точно так же откупленный на четыре года Кеймером с намерением сделать его наборщиком (о нем я вскоре скажу), и Давид Гарри, деревенский мальчик, которого он взял в ученики.

Я вскоре понял, что Кеймер предложил мне плату гораздо более высокую, чем он имел обыкновение платить с той целью, чтобы я обучил этих дешевых, неумелых работников; как только я обучу их, он сможет обойтись без меня и сохранит этих работников, связанных с ним контрактом. Однако я, не унывая, приступил к делу, привел в порядок его типографию, которая была очень запущена, и постепенно знакомил его работников с делом и учил их лучше выполнять свои обязанности.

Странно было встретить оксфордского студента в положении наемного слуги. Джорджу Уэббу было не больше 18 лет; он рассказал мне о себе следующее: он родился в Глочестере, окончил начальную школу и выделялся среди школьников своими

актерскими способностями, когда они ставили пьесы; он был там членом «клуба остряков» и написал несколько вещиц в прозе и стихах, которые были напечатаны в глочестерских газетах. Оттуда его послали в Оксфорд, где он пробыл около года, но не получил удовлетворения, ибо больше всего ему хотелось попасть в Лондон и стать актером. Наконец, получив свое трехмесячное содержание в размере пятнадцати гиней, он, вместо того чтобы заплатить долги, ушел из города, спрятал свою мантию в зарослях дрока и отправился пешком в Лондон; там, не имея добрых друзей, которые могли бы помочь ему советом, он попал в дурную компанию; вскоре он потратил все свои гинеи и, не сумев проникнуть в круг актеров, совсем обеднел, заложил свою одежду и голодал. Когда он, голодный, ходил по улицам, не зная, что ему делать, вербовщик матросов сунул ему в руку листок, предлагающий немедленную помощь и содержание тому, кто обяжется службой в Америке. Он не задумываясь пошел, подписал контракт, был посажен на корабль и отправлен в Америку; он ни строки не написал своим друзьям о своей участи. Это был веселый, остроумный юноша с прекрасным характером, приятный товарищ, но до крайности ленивый, беспечный и опрометчивый.

Ирландец Джон вскоре убежал; с оставшимися у меня установились прекрасные отношения; все они уважали меня, особенно после того, как убедились, что Кеймер неспособен их обучить, а от меня они каждый день чему-то учатся. Я заводил новые знакомства среди культурных людей города. Мы никогда не работали по субботам (это был день отдыха Кеймера), так что у меня было два дня в неделю для чтения. Сам Кеймер обращался со мной очень вежливо и казался внимательным ко мне. Ничто теперь меня не тревожило, кроме долга Вернону, который я еще не был в состоянии выплатить, так как до сих пор с трудом сводил концы с концами при строжайшей экономии. Он, однако, был так добр, что не напоминал мне об этом долге.

Наша типография часто нуждалась в литерах, а в Америке не было словолитни; я видел, как отливают шрифты у Джемса в Лондоне, но я не обращал большого внимания на то, как это делается; однако я придумал литейную форму и, использовав литеры, которые применялись нами в качестве пунсонов[15], отлил матрицы из свинца и, таким образом, нашел сносный выход из всех наших затруднений. Я также при случае выполнял граверные работы, делал чернила, работал в лавке и, короче говоря, был в полном смысле слова мастером на все руки.

Но, как я ни был полезен, я начал замечать, что в моих услугах с каждым днем все меньше нуждаются, так как другие рабочие набивают руку в своем деле; при уплате моего жалованья

за второй квартал Кеймер дал мне понять, что ему трудно платить такую большую сумму, и, по-видимому, думал, что я попрошу ее снизить. Он постепенно становился менее вежливым, больше показывал себя хозяином, часто находил недостатки, придирался и, казалось, готов был прорваться. Но я терпеливо переносил все это, думая, что его поведение отчасти объясняется стеснительными обстоятельствами. Наконец, сущий пустяк привел к разрыву между нами: на улице поднялся сильный шум, и я выглянул в окно, чтобы узнать, в чем дело. Кеймер, стоявший во дворе, взглянул вверх и, увидев меня, громко и резко напомнил мне о моей работе, добавив несколько упреков, которые оскорбили меня главным образом потому, что были сказаны при людях; все соседи, выглянувшие из окон по той же причине, что и я, слышали, как со мной обращаются. Кеймер немедленно поднялся в типографию, снова набросился на меня с упреками, с обеих сторон было сказано немало резкостей, он сделал мне предупреждение об увольнении через 3 месяца, как было условлено, добавив, что он желал бы сократить этот срок. Я сказал, что это его желание излишне, так как я покину его немедленно и, взяв шляпу, вышел, попросив Мередита, которого встретил внизу, позаботиться об оставленных мною вещах и принести их ко мне на квартиру. Мередит пришел вечером, и мы с ним обсудили мои дела. Он очень сожалел о моем уходе и особенно о том, что я ушел из типографии в то время, когда он должен был в ней оставаться. Он отговорил меня от возвращения на родину, о чем я начал подумывать; он напомнил мне, что Кеймер запутался в долгах, что его кредиторы начинают терять терпение; что его лавка находится в жалком состоянии, так как он часто продает без прибыли, ради наличных денег, и доверяет в кредит, не ведя учета; что он, следовательно, должен разориться, а это откроет вакансию, которой я смогу воспользоваться. Я возразил, что у меня нет для этого средств. Тогда он дал мне понять, что его отец очень высокого мнения обо мне, и что на основании некоторых разговоров между ними он не сомневается, что отец ссудит меня деньгами для устройства, если я вступлю в долю с сыном. «Мой срок у Кеймера, – сказал он, – кончается весной; к этому времени мы сможем получить печатный станок и шрифты из Лондона. Я понимаю, что я не специалист, но если желаете, то соединим ваши знания и мой капитал и будем делить прибыли поровну».

Это предложение было приемлемо для меня, и я согласился; отец Мередита был в городе и одобрил это дело, тем более что, как он сказал, я имел большое влияние на его сына: благодаря мне он уже давно воздерживался от выпивки. Отец надеялся, что,

когда мы будем так тесно связаны, я смогу окончательно отучить его от этой дурной привычки.

Я передал отцу Мередита опись необходимого оборудования, а он передал ее купцу; все это было заказано, мы решили держать дело в тайне, пока не прибудет оборудование, а на это время я должен был попытаться найти работу в другой типографии. Но я не нашел там вакансии и оставался праздным в течение нескольких дней. Между тем Кеймеру представилась возможность получить заказ на печатание бумажных денег в Нью-Джерси. Для этого были необходимы гравировальные доски и различные шрифты, что сделать мог только я; опасаясь, что Бредфорд пригласит меня и отобьет у него заказ, он послал мне очень любезное письмо, где писал, что старые друзья не должны расставаться из-за нескольких слов, сказанных в порыве раздражительности, и просил меня вернуться. Мередит уговорил меня согласиться, так как это дало бы ему возможность повышать свою квалификацию под моим постоянным руководством; итак, я вернулся, и все пошло глаже, чем до этого эпизода. Работа из Нью-Джерси была заказана, я изобрел для нее печатный станок с медной гравировальной доской – первый в Америке; я вырезал несколько орнаментов и штампов для банкнот. Мы поехали вместе с Кеймером в Берлингтон, где я удовлетворительно выполнил работу, а он получил такую большую сумму, которая на некоторое время спасла его от краха.

В Берлингтоне я познакомился со многими видными людьми провинции Нью-Джерси. Некоторые из них были членами комиссии, назначенной собранием, чтобы следить за печатанием и заботиться о том, чтобы не было напечатано больше банкнот, чем повелевал закон. Поэтому они постоянно появлялись среди нас; обычно каждый приводил с собой одного или двух друзей для компании. Я был гораздо более начитан и развит, чем Кеймер; очевидно, по этой причине они предпочитали беседовать со мной. Они приглашали меня к себе, познакомили со своими друзьями и были со мной очень любезны, в то время как Кеймер оставался в тени, хотя он и был хозяином. По правде сказать, это был странный человек; в нем соединялись такие черты, как незнание общественной жизни, страсть резко противоречить общепринятым мнениям, неряшливость, доходящая до крайней неопрятности, энтузиазм в некоторых вопросах религии и в довершение всего некоторая склонность к мошенничеству.

Мы пробыли там около трех месяцев, и за это время список моих друзей пополнился именами судьи Аллена, секретаря провинции Сэмюэля Бастилла, Исаака Пирсона, Джозефа Купера и нескольких Смитов, членов собрания, а также Исаака Декау,

главного землемера. Этот последний был умный, прозорливый старик; он рассказал мне, что начал свою деятельность с того, что в юности месил глину для кирпичников, научился писать уже взрослым, носил измерительные приборы для землемеров, которые научили его производить землемерные работы, и теперь благодаря своему трудолюбию составил хорошее состояние. Он сказал мне: «Я предвижу, что вы вскоре вытесните этого человека из его дела и составите себе на этом поприще состояние в Филадельфии». В то время он еще ничего не знал о моем намерении начать дело там или где-либо в другом месте. Эти друзья впоследствии были для меня очень полезны, а иногда и я для них. Все они на всю жизнь сохранили прекрасное отношение ко мне.

Прежде чем говорить о моем появлении в обществе в качестве самостоятельного предпринимателя, я хотел бы рассказать тебе о моем образе мыслей в то время, о моих принципах и правилах морали, чтобы ты мог увидеть, насколько они повлияли на все последующие события моей жизни. Мои родители рано начали заниматься моим религиозным воспитанием и в течение всего моего детства воспитывали меня в строго диссидентском духе. Но когда мне было около пятнадцати лет, я начал сомневаться в целом ряде пунктов, которые оспаривались в нескольких прочитанных мною книгах, и, наконец, стал сомневаться в самом откровении. В мои руки попало несколько книг, направленных против деизма; кажется, в них излагается сущность проповедей, читавшихся на лекциях Бойля. Эти книги оказали на меня действие, совершенно обратное тому, для которого они предназначались: аргументы деистов, которые приводились для опровержения, показались мне гораздо сильнее, чем сами опровержения; короче говоря, я вскоре стал самым настоящим деистом. Мои доводы совратили других, особенно Коллинса и Ралфа. Но после того, как оба они причинили мне много зла без малейших угрызений совести, после того, как я задумался над поведением Кейса (который также был вольнодумцем) по отношению ко мне и над своим собственным поведением по отношению к Вернону и мисс Рид, которое по временам меня очень мучило, я начал подозревать, что это учение, может быть, и правильное, но не очень полезное. Я вспомнил свой лондонский памфлет, напечатанный в 1725 году. Эпиграфом к нему я избрал следующие строки Драйдена:

Все справедливо, что ни есть. Но люди подслеповатые лишь только часть цепи ее ближайших звеньях видеть могут. Их взор недостает до стрелки тех весов, что сверху все приводит в равновесье.

В этом памфлете, исходя из атрибутов Бога – его бесконечной мудрости, благости и всемогущества, – я доказывал, что в мире не может быть зла и что порок и добродетель – это пустые слова, в действительности же таких вещей вовсе не существует. Теперь этот памфлет показался мне далеко не таким умным и совершенным, каким представлялся ранее. Я начал задумываться, не вкралась ли в мою аргументацию какая-нибудь незамеченная ошибка, которая повела к ложным выводам, как это часто бывает в метафизических рассуждениях.

Постепенно я начал убеждаться, что *истина, искренность* и *честность* в отношениях между людьми имеют громадное значение для счастья жизни, и я написал максимы поведения, которые сохранились в моем дневнике, чтобы следовать им в течение всей своей жизни. Откровение как таковое действительно не имело для меня самодовлеющего значения; но я пришел к мнению, что хотя определенные действия могут и не быть плохими только потому, что они им запрещаются, или не быть хорошими только потому, что они им предписываются; однако вероятно, что эти действия могли быть запрещены, *потому что* они плохи для нас, или предписаны, *потому что* они полезны нам по своей собственной природе при учете всех обстоятельств. И это убеждение, кому бы я ни был им обязан – провидению или ангелу-хранителю, или случайному благоприятному стечению обстоятельств, или всему этому вместе, – сохранило меня в эти опасные годы юности в рискованных положениях, в которые я нередко попадал среди чужестранцев, вдали от надзора и советов моего отца, от намеренных, грубо безнравственных и несправедливых поступков, которых можно было бы ожидать в связи с отсутствием у меня религиозного чувства. Я говорю «намеренных», потому что те случаи, о которых я упоминал, заключали в себе какую-то неизбежность, обусловленную моей молодостью, неопытностью или мошенничеством других. Следовательно, я вступал в жизнь со сносным характером, я оценил это в себе и решил сохранить.

Вскоре после нашего возвращения в Филадельфию прибыли новые шрифты из Лондона. Мы рассчитались с Кеймером и расстались с ним полюбовно прежде, чем он узнал о наших планах. Мы нашли дом, сдававшийся в наем недалеко от рынка, и сняли его. Чтобы уменьшить арендную плату, которая тогда составляла всего двадцать четыре фунта в год, хотя я слышал, что с тех пор она поднялась до семидесяти, мы взяли жильца – стекольщика Томаса Годфрея с семьей; они должны были платить значительную часть арендной платы, и мы у них столовались. Едва мы успели распаковать литеры и привести в порядок

печатный станок, как Джордж Хауз, мой знакомый, привел к нам повстречавшегося ему крестьянина, который искал типографию. Мы были тогда совершенно без денег, так как все наши средства пошли на покупку множества необходимых вещей. Поэтому пять шиллингов, полученные от крестьянина, – первый плод нашей деятельности, к тому же столь своевременный, – доставил мне так много радости, как ни одна крона, заработанная впоследствии, а чувство благодарности, которое я испытал тогда по отношению к Хаузу, не раз побуждало меня оказывать помощь молодым начинателям, может быть, в большей степени, чем я был бы склонен, не будь этого случая.

В каждой стране есть вороны, которые занимаются тем, что предвещают ее гибель. Один такой ворон жил и в Филадельфии, – представительный пожилой человек с глубокомысленным взглядом и с очень степенной манерой говорить; его звали Самюэль Майкл. Этот джентльмен, с которым я совершенно не был знаком, остановил меня однажды у моей двери и спросил, не тот ли я молодой человек, который недавно открыл новую типографию? Получив утвердительный ответ, он сказал, что весьма за меня опечален, потому что это дорогостоящее предприятие, а вложенные средства несомненно будут потеряны, ибо Филадельфия – гиблое место, люди здесь уже наполовину банкроты или близки к этому; все признаки противоположного, например, новые постройки и рост ренты, являются, по его твердому мнению, ложными, ибо в действительности именно они-то и разорят нас. Затем он так подробно рассказал мне о несчастьях, существующих в настоящее время или ожидаемых в ближайшем будущем, что оставил меня в довольно-таки меланхолическом настроении. Знай я его раньше, чем начал это дело, я, весьма вероятно, отказался бы от своей затеи. Эта личность продолжала жить в этом «гиблом месте» и проповедовать в том же духе. В течение многих лет он отказывался покупать здесь дом, потому что «все было готово рухнуть»; и, наконец, я имел удовольствие видеть, как он заплатил за дом в пять раз дороже, чем мог бы заплатить в то время, когда только начал каркать.

Глава V

Я должен был бы еще раньше упомянуть о том, что осенью предыдущего года я основал клуб, объединивший многих из моих наиболее способных знакомых. Клуб этот, названный нами Хунтой, имел целью взаимное усовершенствование. Мы собирались по вечерам каждую пятницу. Составленные мною правила требовали, чтобы каждый член Хунты в порядке очередности выдвинул на обсуждение членами клуба один или несколько тезисов по какому-либо вопросу морали, политики или натурфилософии и раз в три месяца представил и прочел написанный им доклад на любую тему по его собственному выбору. Наши дискуссии, проводимые под руководством председателя, должны были быть проникнуты духом искреннего стремления к истине. В них не было места спору ради спора или ради победы, и, во избежание полемического пыла, все слова, выражающие непреклонность личного мнения или прямое противоречие мнению другого, вскоре стали считаться недопустимыми и были запрещены под страхом небольших денежных штрафов.

Первыми членами Хунты были:

Джозеф Брайнтнал, работавший переписчиком у нотариусов, добродушный, общительный человек средних лет, большой любитель поэзии; он читал все, что попадало ему под руку, и сам неплохо писал. Он проявлял одинаковую остроту ума как во всевозможных шутках, так и в серьезной беседе;

Томас Годфрей, очень способный в своей области математик-самоучка, изобретший впоследствии то, что теперь называется квадрантом Хедлея. Но за пределами своей специальности он мало что знал; он не был приятным собеседником в обществе, так как подобно большинству великих математиков, с которыми я встречался в своей жизни, он требовал во всех случаях чрезвычайной точности выражений и всегда прицеплялся к пустякам, что расстраивало всякую беседу. Вскоре он нас оставил;

Николай Скалл, землемер, впоследствии главный землемер; он любил чтение и сам пописывал небольшие стихотворения;

Вильям Персонс – по ремеслу сапожник; благодаря любви к чтению он приобрел значительные познания в математике, которой занялся вначале ради астрологии, над чем впоследствии сам смеялся. Он также стал главным землемером;

Вильям Могридж, столяр и, кроме того, очень умелый механик, человек трезвого ума и твердого характера;

О Хью Мередите, Стефане Поттсе и Джордже Уэббе я говорил

выше;

Роберт Греис, состоятельный молодой джентльмен, веселый, остроумный и великодушный, любитель пошутить и хороший товарищ; наконец, Вильям Коулмен, в то время торговый служащий, приблизительно моих лет, человек с холодным, ясным умом и горячим сердцем, едва ли не превосходивший всех известных мне людей строгостью своих моральных принципов. Впоследствии он стал крупным купцом и одним из судей нашей провинции. Наша дружба продолжалась до самой его смерти, свыше сорока лет.

Клуб существовал почти столько же. На протяжении этих лет он был лучшей школой философии, морали и политики в нашей провинции. Наши доклады, которые зачитывались за неделю до их обсуждения, заставляли нас внимательно изучать различные предметы, чтобы мы могли говорить со знанием дела. Здесь мы приобрели также навыки ведения дискуссии. В наших правилах было предусмотрено все, чтобы предохранить нас от раздоров. Потому-то так долго существовал этот клуб, о котором я еще не раз буду иметь случай говорить в дальнейшем. Но сейчас я хочу упомянуть о той пользе, которую этот клуб приносил мне в том отношении, что каждый из его членов усиленно старался найти для нас работу. В частности, Брайнтнал достал нам от квакеров печатание сорока листов истории их секты (остальные листы печатались Кеймером). Эта работа, которую мы делали по очень низкой оплате, потребовала от нас особенно напряженного труда. Книга была форматом в пол-листа; основной текст набирался шрифтом цицеро, примечания – корпусом. Я набирал по листу в день, а Мередит печатал. Нередко я заканчивал разбор шрифта к следующему дню только в одиннадцать часов вечера и даже еще позднее; дело в том, что нас задерживали небольшие работы, которые нам доставляли время от времени другие друзья. Но я твердо придерживался своего решения набирать по листу в день. Примером моего упорства может служить следующий случай:

однажды вечером, когда я уже спустил свои печатные формы и считал, что моя дневная работа закончена, одна из них случайно сломалась и две страницы рассыпались; я немедленно разобрал шрифт и снова набрал эти страницы, прежде чем лечь спать. Такое трудолюбие не могло остаться незамеченным нашими соседями; постепенно мы стали пользоваться уважением и доверием. Между прочим, мне рассказали, что о новой типографии как-то зашел разговор в купеческом клубе. Все считали, что ее ждет провал, так как в городе уже было два типографа: Кеймер и Бредфорд. Но доктор Бэрд (которого мы с тобой видели много лет спустя на его родине, в Сент-Эндрюс, в

Шотландии) высказал противоположное мнение. «У этого Франклина, – сказал он, – неслыханное трудолюбие; я вижу его за работой, когда возвращаюсь домой из клуба; и он снова сидит за работой, прежде чем встают соседи». Это заявление произвело большое впечатление на всех присутствующих, и вскоре мы получили от одного из них предложение снабжать нас писчебумажными материалами; но мы еще не решались заняться торговлей.

Я говорю здесь о своем трудолюбии так откровенно и подробно, хотя это и может показаться хвастовством, для того, чтобы те из моих потомков, которые прочтут это, поняли важность этой добродетели, увидев, какую пользу принесла она мне в этом отношении.

Джордж Уэбб, которому одна его знакомая одолжила сумму, необходимую, чтобы откупиться от Кеймера, пришел теперь к нам и предложил свои услуги в качестве подмастерья. В тот момент у нас не было для него работы, но я имел глупость сказать ему по секрету, что вскоре собираюсь открыть газету, и тогда у меня найдется работа для него. Я сказал ему также, что мои надежды на успех основаны на том, что единственная в то время в нашем городе газета, выпускаемая Бредфордом, никуда не годится, издается плохо, совершенно не интересна – и все-таки выгодна для него; поэтому я считаю, что хорошая газета вряд ли будет испытывать недостаток в подписчиках. Я просил Уэбба никому не говорить об этом, но он рассказал Кеймеру, а тот немедленно, чтобы опередить меня, опубликовал предложение организовать газету и пригласил Уэбба работать в ней.

Это меня раздосадовало, и, чтобы помешать им, я, не имея возможности приступить к изданию собственной газеты, написал в газету Бредфорда несколько юмористических рассказов под общим заглавием «The Busy Body», которые Брайнтнал печатал в течение нескольких месяцев.

Таким образом внимание публики было приковано к этой газете, и предложение Кеймера, которое мы всячески осмеивали и выставляли в карикатурном виде, было оставлено без внимания. Однако он все же начал издавать свою газету, но через девять месяцев предложил мне купить ее за ничтожную цену. Число ее подписчиков составляло тогда всего лишь девяносто человек. Я был к тому времени уже в состоянии издавать собственную газету и немедленно принял его предложение. Через несколько лет эта газета стала приносить мне большой доход.

Я замечаю, что говорю в единственном числе, хотя наше товарищество еще продолжалось. Может быть, это объясняется тем, что в действительности все управление делом лежало на

мне. Мередит не был наборщиком, печатал плохо и редко появлялся в трезвом виде. Мои друзья выражали сожаление по поводу того, что я был с ним связан, но я старался сделать все, что только мог. Наши первые номера резко отличались от всех газет, ранее выходивших в нашей провинции, лучшим шрифтом и тем, что они были гораздо лучше напечатаны. Но несколько моих замечаний о споре между губернатором Бернетом и собранием провинции Массачусетс вызвали много разговоров о газете и ее редакторе среди именитых людей, и через несколько недель все эти лица стали нашими подписчиками. Их примеру последовали многие другие, и тираж нашей газеты продолжал неуклонно возрастать. Это было одним из первых положительных результатов того, что я немного научился писать; другим результатом было то, что влиятельные лица, видя, что газета теперь находится в руках человека, умеющего обращаться и с пером, счел нужным поддержать меня и помочь мне. До этого законы, избирательные бюллетени и прочие деловые бумаги печатал Бред форд. Однажды он очень небрежно, с грубыми ошибками напечатал обращение Палаты к губернатору. Мы перепечатали его красиво и правильно и разослали всем членам Палаты. Они заметили разницу. Этот случай укрепил позиции наших друзей в Палате, и при их содействии нам было поручено печатание материалов Палаты на весь следующий год.

Говоря о моих друзьях в Палате, я не должен забывать уже упоминавшегося мистера Гамильтона, который тогда вернулся из Англии и занял депутатское место в Палате. Он принял во мне большое участие в этом случае, как впоследствии во многих других, и продолжал покровительствовать мне до самой своей смерти.

Примерно в это время мистер Вернон напомнил мне о деньгах, которые я ему был должен; но он не торопил меня. В ответном письме я выразил ему свою искреннюю благодарность и просил потерпеть еще немного, на что он согласился. При первой возможности я вернул ему долг с процентами и поблагодарил его, так что эта ошибка была до некоторой степени исправлена.

Но теперь возникла другая, совершенно неожиданная трудность. Отец мистера Мередита, обещавший мне заплатить за нашу типографию, смог ссудить нас только ста фунтами, которые и были уплачены, а остальные сто фунтов, причитавшиеся купцу, остались за нами; терпение купца истощилось, и он подал на нас судебный иск. Мы выставили поручителя, но видели, что, если деньги не будут вовремя добыты, дело скоро дойдет до судебного решения и исполнения, и наши надежды на будущее погибнут вместе с нами, так как печатный станок и шрифты придется

продать для уплаты долга, может быть, всего за полцены.

В эту тяжелую минуту ко мне, независимо один от другого, пришли два истинных друга, доброту которых я никогда не забывал и не забуду, пока мне будет служить память; оба, не сговариваясь и без какой-либо просьбы с моей стороны, предложили ссудить меня необходимой суммой для того, чтобы я мог взять на себя все дело, если это будет осуществимо; но и тот и другой возражали против товарищества с Мередитом, которого, как они говорили, часто видели пьяным на улицах или за азартной игрой в пивных, что нас очень дискредитировало. Этими друзьями были Вильям Коулмен и Роберт Грейс. Я сказал им, что не могу предложить отделение, пока остается какая-либо надежда на то, что Мередиты выполнят свои обязательства, ибо я считаю себя весьма обязанным им за все, что они уже сделали и сделали бы в будущем, если бы смогли; но если они в конце концов не выполнят своих обещаний и наше товарищество придется расторгнуть, я сочту себя свободным принять помощь своих друзей.

Прошло еще некоторое время; наконец, я сказал моему компаньону: «Может быть, ваш отец не удовлетворен той ролью, которую вы взяли на себя в этом деле, и не хочет одалживать вам и мне того, что он одолжил бы вам одному. Если дело в этом, скажите мне, и я оставлю вам все дело и уйду». «Нет, – сказал он, – мой отец действительно был разочарован и действительно не может дать этих денег; а я не хочу обременять его более. Я вижу, что это дело не по мне. Меня готовили стать фермером, и с моей стороны было глупостью приехать в город и в тридцать лет взяться за новое ремесло и стать учеником. Многие из моих уэльских земляков собираются осесть в Северной Каролине, где земля дешева. Я хочу пойти с ними и приняться за мою прежнюю работу; вы же можете найти друзей, которые вам помогут. Если вы возьмете на себя долги нашей компании, вернете моему отцу те сто фунтов, которые он уплатил, заплатите мои личные мелкие долги и дадите мне 30 фунтов и новое седло, я откажусь от своей доли и оставлю все дело в ваших руках». Я согласился на это предложение; оно немедленно было записано, подписано и скреплено печатью. Я дал ему то, что он просил, и он вскоре отправился в Каролину; оттуда он прислал мне в следующем году два длинных письма, содержавших самый подробный отчет, какой когда-либо был написан об этой стране, – о ее климате, почве, животноводстве и т. п., так как в этих вопросах он прекрасно разбирался. Я напечатал эти письма в газете, и они имели большой успех.

Как только он уехал, я обратился к обоим моим друзьям, и

так как я не хотел быть неблагодарным, отдав предпочтение кому-нибудь одному из них, я взял половину необходимой мне суммы, которую предложил каждый у одного, а половину – у другого; я заплатил долги компании и продолжал вести дело от своего собственного имени, дав объявление о роспуске компании. Это было, кажется, в 1729 году или около этого.

Примерно в это время население начало остро нуждаться в бумажных деньгах, ибо в провинции находились в обороте только пятнадцать тысяч фунтов, причем и эти деньги должны были скоро рассосаться. Богатые жители протестовали против дополнительного выпуска, ибо они вообще были против бумажных денег из опасения, что они будут обесценены, как это случилось в Новой Англии в ущерб всем кредиторам. Мы обсудили этот вопрос у себя в Хунте; я стоял за дополнительный выпуск, ибо был уверен, что первое небольшое количество бумажных денег, выпущенное в 1723 году, принесло большую пользу. Благодаря этим деньгам расширилась торговля, было занято много рабочих рук и возросло население провинции; теперь все старые дома были заняты и строилось много новых, между тем как я хорошо помнил, что когда я впервые шел по улицам Филадельфии, жуя булку, на дверях многих домов на Уолнэт-стрит, между Секонд-стрит и Франт-стрит, а также на Чеотнэт-стрит и других улицах были наклеены билетики «сдается в наем», и у меня создалось впечатление, что жителя этого города один за другим покидают его.

Благодаря нашим дебатам я настолько вошел в курс дела, что написал и напечатал анонимную брошюру по этому вопросу, озаглавленную «Природа и необходимость бумажных денег».

Она встретила хороший прием среди простого народа, но богатым она не понравилась, так как увеличила и усилила требование дополнительного выпуска бумажных денег, а так как среди них не оказалось авторов, способных ответить на мою брошюру, то их оппозиция ослабла и закон о выпуске бумажных денег был принят большинством Палаты. Мои друзья в Палате, считавшие, что я оказал им услугу, сочли уместным вознаградить меня, поручив мне печатать бумажные деньги; это была выгодная работа, которая мне очень помогла. Так способность владеть пером доставила мне еще одно преимущество.

Время и опыт с очевидностью доказали пользу бумажных денег, так что впоследствии против них не выдвигалось серьезных возражений; количество бумажных денег вскоре возросло до пятидесяти пяти тысяч фунтов, а в 1739 году – до восьмидесяти тысяч; в течение всего этого времени торговля, строительство и численность населения непрерывно росли. Впрочем, теперь я

считаю, что есть пределы, далее которых рост бумажных денег может оказаться вредным.

Вскоре после этого я получил через посредство моего друга Гамильтона заказ на печатание бумажных денег для Ньюкасла. Тогда я считал это выгодной работой; ведь малое кажется великим тем, кто имеет малые средства, а для меня это было и в самом деле большим преимуществом и подспорьем. Благодаря мистеру Гамильтону я получил также печатание законов и избирательных бюллетеней правительства; эта работа оставалась у меня все время, пока я занимался типографским делом.

Тогда же я открыл небольшую лавочку писчебумажных принадлежностей, в которой продавались всевозможные бланки – самые безупречные, какие когда-либо у нас появлялись.

Была у меня и бумага, пергамент, книги для торговых записей. Мне помогал в этом деле мой друг Брайнтнал. Некий Уайтмэш – наборщик, с которым я познакомился в Лондоне, прекрасный рабочий, теперь приехал ко мне и аккуратно и усердно работал со мною. Кроме того, я взял ученика – сына Аквила Роуза.

Я начал постепенно выплачивать свой долг за типографию. Для того чтобы обеспечить мой кредит и репутацию как торговца, я старался не только быть трудолюбивым и бережливым *в действительности,* но и избегать всякого *внешнего проявления* противоположных качеств. Я одевался просто, и меня никогда не видели в местах праздных развлечений. Я никогда не занимался ужением рыбы или охотой; книга, правда, иной раз отрывала меня от моей работы, но это случалось редко и оставалось незамеченным, так что не вызывало сплетен. Чтобы показать, что я не брезгаю своим делом, я иногда привозил домой бумагу, купленную мной в магазине, на тачке. Я слыл трудолюбивым и преуспевающим молодым человеком, аккуратно платящим по счетам. Купцы, ввозившие канцелярские принадлежности, просили у меня заказов; другие предлагали снабжать меня книгами, и дела мои шли прекрасно. Между тем дело Кеймера с каждым днем все более приходило в упадок, кредит его уменьшался, и, наконец, он вынужден был продать свою типографию, чтобы удовлетворить кредиторов. Он уехал на Барбадос и прожил там несколько лет в очень плохих условиях.

Его ученик Давид Гарри, которого я обучил, когда работал вместе с ним, купил материалы Кеймера и обосновался на его месте в Филадельфии. Вначале я опасался сильной конкуренции со стороны Гарри, так как его друзья могли ему в этом помочь и были в этом заинтересованы. Поэтому я предложил ему товарищество, которое он, к счастью для меня, с презрением

отверг. Он был очень горд, одевался джентльменом, жил на широкую ногу, предавался развлечениям и удовольствиям за границей, залез в долги и запутал свое дело, которое вскоре пришло в упадок. Ему ничего не оставалось, как последовать за Кеймером на Барбадос, захватив с собой типографию. Там этот ученик нанял своего бывшего хозяина в качестве подмастерья; они часто ссорились, и Гарри постоянно был по уши в долгах. Наконец, он был вынужден продать шрифты и вернуться к сельскохозяйственным работам в Пенсильвании; человек, который купил их, нанял работать с ними Кеймера, который умер спустя несколько лет.

Теперь единственным моим конкурентом в Филадельфии остался старый Бредфорд, богатый и состоятельный человек; типографским делом он занимался мало и небрежно и не слишком о нем беспокоился. Однако, поскольку он заведовал почтовой конторой, его считали лучше информированным. Его газета считалась более подходящей для помещения объявлений, чем моя, и потому она всегда получала значительно больше объявлений, что было очень выгодно для него и убыточно для меня. Дело в том, что хотя в действительности я получал и рассылал газеты по почте, широкой публике это не было известно, ибо то, что я посылал, развозилось подкупленными мною конными почтальонами, которые получали мои материалы тайным образом, так как Бредфорд был настолько жесток, что запрещал делать это, к крайнему моему возмущению. Я находил его поведение настолько низким, что впоследствии, оказавшись в его положении, старался никогда ему не подражать.

Я продолжал столоваться у Годфрея, занимавшего с женой и детьми часть моего дома и имевшего один прилавок в моем магазине для продажи своих изделий из стекла, впрочем, он работал мало, ибо всегда был поглощен своими занятиями математикой. Миссис Годфрей задумала женить меня на дочери своего родственника. Она заботилась о том, чтобы мы часто встречались, пока я со своей стороны не начал серьезно ухаживать за этой девушкой, действительно обладавшей большими достоинствами. Родители поощряли меня, приглашали то и дело на ужин, оставляли нас наедине, пока, наконец, не настало время объясниться. Миссис Годфрей занялась нашим маленьким договором. Я сообщил, что ожидаю получить за дочерью ее родственника сумму, достаточную для уплаты оставшейся части долга за типографию, не превышавшей в то время, я думаю, ста фунтов. Она передала мне, что у них нет столько свободных денег. Я сказал, что они могут заложить свой дом. Через несколько дней последовал ответ, что они не

одобряют этого брака, что, наведя справки у Бредфорда, они узнали, что типографское дело недоходное, что шрифты быстро изнашиваются и приходится покупать новые, что Кеймер и Давид Гарри потерпели один за другим неудачу и меня, вероятно, вскоре постигнет та же участь. Поэтому мне было отказано от дома, а дочери запрещено выходить на улицу.

Не знаю, было ли это действительно переменой мнения или только уловкой, рассчитанной на то, что наша взаимная привязанность слишком велика, чтобы я мог пойти на попятный, и мы поэтому поженимся тайком, так что они смогут давать или не давать нам средства по своему усмотрению. Но я заподозрил этот мотив, возмутился им и больше не ходил в этот дом. Позже миссис Годфрей принесла мне более благоприятные известия об их настроениях и пыталась снова наладить отношения, но я заявил, что безоговорочно решил никогда не иметь ничего общего с этой семьей. Это решение не понравилось Годфреям. Мы поссорились, и они уехали, оставив мне весь дом. После этого случая я решил больше не пускать жильцов.

Но это событие заставило меня серьезно подумать о женитьбе. Я огляделся вокруг и попытался завести в нескольких местах знакомства, но вскоре столкнулся с тем обстоятельством, что, так как типографское дело всюду считалось неприбыльным, я не мог рассчитывать получить за женой деньги, – разве только за такой, которая меня не устраивала в других отношениях. Между тем неукротимые страсти юношеского возраста часто толкали меня на связи с женщинами легкого поведения, которые встречались на моем пути, что влекло за собой известные расходы и большие неудобства, а также постоянную угрозу моему здоровью, особенно меня страшившую, хотя, к моему величайшему счастью, я избежал этой опасности.

Я продолжал поддерживать дружеские отношения с семейством Ридов – моими соседями и старыми знакомыми. Все они были ко мне расположены еще со времени моего первого пребывания в их доме. Меня часто приглашали и просили моего совета в делах, в чем я иногда был им полезен. Печальное положение бедной мисс Рид возбудило во мне жалость. Она была обычно в подавленном настроении и избегала общества. Ее редко видели веселой. Я считал свое легкомыслие и непостоянство во время пребывания в Лондоне главной причиной ее несчастья, хотя ее мать была настолько добра, что считала свою вину больше моей, так как она воспрепятствовала нашему браку до моего отъезда в Лондон и уговорила ее выйти за другого в мое отсутствие. Наше прежнее взаимное чувство пробудилось вновь, но теперь существовали большие препятствия нашему браку.

Фактически ее брак считался недействительным; говорили, что первая жена ее мужа проживает в Англии, но это нелегко было доказать из-за дальности расстояния. Имелось сообщение о смерти ее мужа, но оно не было вполне достоверным. Затем, даже если бы это было так, он оставил много долгов, уплату которых могли бы потребовать от ее второго мужа. Однако мы пренебрегли всеми этими трудностями, и я женился на ней 1 сентября 1730 года. Ни одно из наших опасений не сбылось. Она оказалась хорошим и верным другом, много помогала мне в обслуживания магазина, мы вместе трудились и всегда старались сделать друг друга счастливыми. Так я, насколько смог, исправил эту большую ошибку.

Приблизительно в это время собрания членов нашего клуба стали происходить не в таверне, а в маленькой комнате мистера Грейса, отведенной специально для этой цели. Я высказал мнение, что, поскольку нам часто приходится обращаться к нашим книгам для справок при исследовании обсуждаемых вопросов, будет удобнее держать их все вместе там, где мы встречаемся, чтобы в случае надобности мы могли их использовать. Если мы соберем книги в общую библиотеку, каждый из нас сможет пользоваться книгами всех других членов клуба, что будет почти так же выгодно, как если бы каждый владел всеми книгами. Предложение было одобрено, и мы снесли в нашу комнату все книги, без которых могли обойтись. Число книг оказалось не столь велико, как мы ожидали; и хотя они принесли большую пользу, однако возникли и некоторые неудобства в связи с недостатком должной заботы о них. Приблизительно через год коллекция распалась, и каждый снова взял свои книги домой.

Тогда я выдвинул свой первый общественный проект – проект библиотеки по подписке. Я набросал план и отдал сформулировать его нашему великому юристу Брокдену. С помощью моих друзей в Хунте я нашел пятьдесят подписчиков, которые внесли по сорок шиллингов в качестве вступительного взноса и затем должны были вносить по десять шиллингов в год в течение пятидесяти лет (срок действия нашего общества). Впоследствии мы заключили договор, и число членов общества было увеличено до ста человек; оно явилось родоначальником всех североамериканских библиотек по подписке, столь многочисленных в настоящее время. Это было большое событие, и значение его с течением времени все возрастало. Эти библиотеки расширили кругозор американцев, сделали обычных торговцев и фермеров столь же развитыми, как большинство джентльменов в других странах, и, может быть, в некоторой степени

способствовали возникновению того сопротивления, которое оказали все наши колонии, защищая свои привилегии.

Глава VI

Когда я обосновался в Пенсильвании, то во всех колониях к югу от Бостона не было ни одного хорошего книжного магазина. В Нью-Йорке и Филадельфии печатники одновременно торговали и канцелярскими принадлежностями; но они продавали только бумагу, баллады, календари и кое-какие школьные учебники. Любителям чтения приходилось посылать за книгами в Англию. Члены нашей Хунты имели небольшое количество книг. Мы перестали встречаться в таверне и перенесли свой клуб в специально снятую для этого комнату. И вот я предложил, чтобы все мы снесли в эту комнату все наши книги, где они не только будут под рукой во время наших заседаний, если понадобятся справки, но и окажутся общим достоянием, так как каждый из нас получит возможность брать любую из этих книг на дом. Так мы и сделали. В течение некоторого времени это мероприятие нас удовлетворяло.

Увидев преимущества, которые представляла эта маленькая коллекция книг, я предложил расширить круг читателей, организовав библиотеку на основе общественной подписки. Я составил проект плана и необходимых правил и попросил опытного нотариуса мистера Чарлза Брокдена придать этому проекту окончательный вид в форме статей юридического соглашения. На основе этого соглашения каждый подписчик должен был внести определенную сумму денег, предназначенную для основания библиотеки, а также платить годовой взнос для ее расширения. В то время в Филадельфии было так мало любителей чтения, а большинство из нас было так бедно, что я при всем старании не смог найти больше пятидесяти человек, главным образом молодых торговцев, которые согласились внести в виде вступительного взноса сорок шиллингов и платить ежегодно десять. С этого маленького фонда мы и начали. Книги были выписаны, библиотека была открыта для выдачи их подписчикам раз в неделю. Подписчики обязывались в случае задержки книг уплачивать двойную сумму за пользование библиотекой. Вскоре стало очевидно, насколько полезным было это учреждение, и оно вызвало подражания в других городах и провинциях. Число библиотек увеличивалось благодаря частным пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наш народ за неимением публичных развлечений, которые отвлекали бы его от занятий, стал более начитанным, так что через несколько лет иностранцы отмечали, что у нас люди были более развиты и сведущи, чем люди того же общественного положения в других

странах.

Когда мы собирались подписать вышеупомянутые правила, которые налагали обязательства на нас, наших наследников и т. д. на срок в пятьдесят лет, мистер Брокден, нотариус, сказал нам: «Вы молоды, но мало вероятно, что кому-либо из вас доведется дожить до истечения срока, указанного в этом документе». Тем не менее многие из нас еще живы, а первоначальные правила через несколько лет были ликвидированы и заменены документом, который расширил и увековечил компанию. Те возражения и даже враждебность, с которыми мне пришлось столкнуться при вербовке подписчиков, заставили меня вскоре почувствовать неудобство положения, когда один человек выступает зачинщиком полезного дела. Может возникнуть мнение, что благодаря этому делу он чуть возвысится над своими соседями, в то время как он именно нуждается в их помощи, чтобы осуществить свой план. Поэтому я стал по возможности держаться в тени и представлять свой проект как замысел *многих друзей,* которые попросили меня обойти тех, кого они считали любителями чтения, и предложить его им. После этого дело пошло более гладко. В дальнейшем я всегда прибегал в подобных случаях к этому приему и, основываясь на своем успешном опыте, могу искренне его рекомендовать. Маленькая жертва, принесенная тщеславием в настоящем, в будущем будет вознаграждена сторицей. Если же останется невыясненным, кому принадлежат заслуги, и другие, еще более тщеславные, чем ты, решатся присвоить их себе, тогда даже зависть будет расположена воздать тебе должное, ощипав присвоенные перья и вернув их истинному владельцу.

Библиотека дала мне возможность усовершенствоваться благодаря постоянным занятиям, на которые я ежедневно выделял час или два. Эти занятия помогли мне возместить до некоторой степени отсутствие систематического образования, которое когда-то хотел дать мне мой отец. Чтение было единственным развлечением, которое я себе позволял. Я не тратил времени ни на таверны, ни на игры или другие увеселения и неутомимо продолжал трудиться в типографии, выполняя всю необходимую работу. Я был в долгах за свою типографию, я имел детей, которых скоро должен был воспитывать, у меня было двое конкурентов, с которыми я должен был бороться и которые обосновались в этих местах раньше меня. Однако мое положение с каждым днем улучшалось. Моя прирожденная привычка к бережливости сохранилась, а отец внушал мне в детстве в числе других наставлений притчу Соломона: «Видел ли ты человека, проворного в своем деле. Он будет стоять перед царями, он не

будет стоять перед простыми». Поэтому я смотрел на трудолюбие как на средство достижения богатства и положения в обществе, и это поддерживало мое рвение, хотя я никогда не думал, что буду в буквальном смысле *стоять перед царями,* однако так и случилось: я стоял перед пятью королями и даже имел честь сидеть с одним из них за обедом, а именно, с королем Дании.

Английская поговорка гласит: *«Если хочешь преуспеть, проси об этом свою жену».* Для меня было большой удачей, что моя жена была такой же трудолюбивой и бережливой, как и я сам. Она охотно помогала мне в моем деле, складывая и сшивая брошюры, присматривая за магазином, скупая старые льняные тряпки для изготовления бумаги и т. п. Мы не держали праздных слуг, наш стол был очень простым, наша обстановка самой дешевой. Например, в течение долгого времени мой завтрак состоял из хлеба и молока (не чая), и я ел его оловянной ложкой из глиняной, двухпенсовой миски. Обрати, однако, внимание, как вкрадывается в семьи роскошь и делает успехи, невзирая ни на какие принципы: однажды утром я нашел свой завтрак в китайской чашке с серебряной ложкой! Они были куплены без моего ведома моей женой специально для меня и обошлись ей в колоссальную сумму двадцать три шиллинга; она думала, что ее муж заслуживает серебряной ложки и китайской чашки так же, как и любой из его соседей, – вот единственное, что она могла привести в оправдание своей покупки. Это было первым случаем появления столового серебра и фарфора в нашем доме; с течением времени, по мере роста нашего богатства их количество возросло и достигло стоимости нескольких сотен фунтов.

В религиозном отношении я был воспитан в пресвитерианских правилах; но, хотя некоторые догмы этого вероисповедания, такие, как вечные божественные законы, предопределение одних людей к спасению, а других – к осуждению и т. д., казались мне неразумными, другие сомнительными, и я рано перестал посещать публичные собрания секты, сделав воскресенье днем занятий, я никогда не утрачивал некоторых религиозных принципов. Например, я никогда не сомневался в существовании Бога, в том, что Он создал мир и управляет им своим провидением, что Бог более всего любит делать добро людям, что наши души бессмертны и что все преступления будут наказаны, а добродетель вознаграждена здесь или в будущей жизни.

Эти принципы я считал сущностью всякой религии. Находя их во всех имевшихся в нашей стране вероисповеданиях, я уважал все эти вероисповедания, хотя в разной степени, так как находил,

что в них примешиваются другие положения, которые отнюдь не имеют целью внушать, поддерживать и утверждать нравственность и служат главным образом тому, чтобы разделять нас и сеять между нами вражду. Это уважение ко всем вероисповеданиям, убеждение, что даже худшие из них оказывают некоторое хорошее воздействие, побудили меня избегать всяких рассуждений, которые могли бы ослабить приверженность другого человека к его религии; так как население нашей области непрестанно возрастало, постоянно возникала потребность в новых местах богослужения, которые сооружались на добровольные пожертвования, и я никогда не отказывался вносить на это свою скромную лепту, какова бы ни была при этом секта. Хотя я сам редко посещал публичные богослужения, я все же считал их уместными и полезными, если только они правильно проводятся. Поэтому я регулярно делал свой ежегодный взнос в пользу единственного пресвитерианского священника или религиозного собрания в Филадельфии. Он иногда наносил мне дружеский визит и приглашал меня посещать его богослужения; время от времени я исполнял его желание – примерно в одно воскресенье из пяти. Если бы я находил его хорошим проповедником, то я, может быть, и продолжал бы посещать эти собрания, несмотря на то, что мне приходилось жертвовать для этого воскресным досугом, предназначенным для занятий. Но его проповеди по большей части посвящались либо полемике, либо объяснению частных догм нашей секты; все они казались мне очень сухими, неинтересными и непоучительными, поскольку они не ставили и не затрагивали ни одного морального принципа; их цель скорее состояла в том, чтобы сделать нас *пресвитерианами,* чем в том, чтобы сделать нас *хорошими гражданами.*

Наконец, он взял для темы своей проповеди следующий стих из четвертой главы послания к филиппинцам: «Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте». И я думал, что в проповеди на такую тему он не сможет не коснуться морали. Но он ограничился только пятью пунктами, как будто апостол только и имел в виду, что: 1) соблюдение святости воскресного дня; 2) усердное чтение Священного Писания; 3) посещение в должное время общественных богослужений; 4) принятие таинств; 5) проявление должного уважения к служителям Бога. Все это, возможно, было хорошо, но так как это было совсем не то, Его я ожидал от проповеди на этот текст, я потерял надежду услышать о том из какой-нибудь другой проповеди, возмутился и больше не посещал

его проповедей. За несколько лет до этого (в 1728 году) я составил маленькую службу или своего рода молитву для собственного употребления, озаглавленную «Пункты веры и действия религии». Я вернулся к ее употреблению и не ходил больше на общественные религиозные собрания. Возможно, что мое поведение предосудительно; но я оставляю этот факт, не пытаясь приводить каких-либо извинений; цель моя состоит в том, чтобы изложить факты, а не в том, чтобы их оправдывать.

Приблизительно в это время я замыслил смелый и трудный план достижения *морального совершенства.* Я желал жить, никогда не совершая никаких ошибок, победить все, к чему могли меня толкнуть естественные склонности, привычки или общество. Так как я знал или думал, что знаю, что хорошо и что плохо, то я не видел причины, почему бы мне *всегда* не следовать одному и не избегать другого. Но вскоре я обнаружил, что я поставил перед собой гораздо более сложную задачу, чем предполагал вначале. В то время как мое внимание было занято тем, как бы избежать одной ошибки, я часто неожиданно совершал другую; укоренившаяся привычка проявлялась, пользуясь моей невнимательностью; склонность оказывалась иногда сильнее разума. Наконец, я пришел к выводу, что простого разумного убеждения в том, что для нас самих лучше всего быть совершенно добродетельными, недостаточно, чтобы предохранить нас от промахов, и что прежде, чем мы добьемся от себя устойчивого, постоянно нравственного поведения, мы должны искоренить в себе вредные привычки. Для этой цели я выработал следующий метод.

В различных перечислениях *моральных добродетелей,* которые я встречал в прочитанных мною книгах, я находил большее или меньшее их число, так как различные писатели обозначали большее или меньшее количество идей одним и тем же именем. Например, *воздержание* некоторые сводили только к умеренности в еде и питье, другие же расширяли это понятие до ограничения всякого удовольствия, всякой склонности или страсти, телесной или духовной, даже честолюбия или скупости. Я решил для большей ясности стремиться скорее к большему количеству имен с меньшим количеством идей, связанных с каждым именем, чем к немногим именам с большим количеством определяемых каждым из них идей, и я обозначил тринадцатью именами все те добродетели, которые казались мне в то время необходимыми и желательными, связав с каждым именем краткое наставление, которое полностью выражало объем каждого понятия.

Вот названия этих *добродетелей* с соответствующими

наставлениями:

1. *Воздержание.* – Есть не до пресыщения, пить не до опьянения.

2. *Молчание.* – Говорить только то, что может принести пользу мне или другому; избегать пустых разговоров.

3. *Порядок.* – Держать все свои вещи на их местах; для каждого занятия иметь свое время.

4. *Решительность.* – Решаться выполнять то, что должно сделать; неукоснительно выполнять то, что решено.

5. *Бережливость.* – Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать.

6. *Трудолюбив.* – Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным; отказываться от всех ненужных действий.

7. *Искренность.* – Не причинять вредного обмана, иметь чистые и справедливые мысли; в разговоре также придерживаться этого правила.

8. *Справедливость.* – Не причинять никому вреда; не совершать несправедливостей и не опускать добрых дел, которые входят в число твоих обязанностей.

9. *Умеренность.* – Избегать крайностей; сдерживать, насколько ты считаешь это уместным, чувство обиды от несправедливостей.

10. *Чистота.* – Не допускать телесной нечистоты; соблюдать опрятность в одежде и в жилище.

11. *Спокойствие.* – Не волноваться по пустякам и по поводу обычных или неизбежных случаев.

12. *Целомудрие.* – Избегать вступать в половые сношения слишком часто, только для поддержания здоровья и продолжения рода, но никогда по слабости или когда это может повредить твоей или чужой репутации.

13. *Скромность.* – Подражать Иисусу и Сократу. Я хотел выработать *навык* во всех этих добродетелях; с этой целью я решил не разбрасываться в погоне за всеми сразу, но в течение определенного времени сосредоточивать внимание только на одной добродетели; когда же я ею овладею, переходить к другой и так далее, пока, наконец, не приобрету все тринадцать. А так как одни из них облегчают приобретение других, то я расположил все добродетели в том порядке, в каком они перечислены выше. На первом месте я поставил *воздержание,* так как оно способствует приобретению хладнокровия и ясности мысли, необходимых там, где требуется непрестанная бдительность и охрана от упорной притягательной силы старых навыков и постоянных соблазнов. Приобретение и укоренение этого навыка

облегчит *молчание.* Я стремился, совершенствуясь в добродетелях, одновременно приобретать знания и, считая, что в беседе полезнее слушать других, чем говорить самому, жаждал изжить в себе привычку к пустословию, каламбурам и остротам, которая делала меня всегда желанным гостем в обществе бездельников. Поэтому *молчание* я поставил на второе место. Я надеялся, что приобретение этого и следующего навыка – *порядка* позволит мне выделить больше времени как для осуществления моего проекта самоусовершенствования, так и для моих занятий. Навык *решительности* будет поддерживать меня в стремлении приобрести все дальнейшие добродетели; *бережливость* и *трудолюбие* освободят меня от долгов и обеспечат мне богатство и независимость, что в свою очередь облегчит приобретение навыков *искренности, справедливости* и т. д. и т. п. Сознавая в соответствии с советом Пифагора, высказанным в его замечательных стихах, необходимость ежедневного самоконтроля, я придумал следующий метод для его осуществления. Я завел книжечку, в которой выделил для каждой добродетели по странице. Каждую страницу я разлиновал красными чернилами так, что получилось семь столбиков по числу дней недели; каждый столбик отмечался начальными буквами соответствующего дня недели. Затем я провел тринадцать горизонтальных линий и обозначил начало каждой строки первыми буквами названия одной из добродетелей. Таким образом, на каждой строке в соответствующем столбике я мог по надлежащей проверке отмечать маленькой черной точкой каждый случай нарушения соответствующей добродетели в течение того дня.

ОБРАЗЕЦ СТРАНИЦЫ
ВОЗДЕРЖАНИЕ —
есть не до пресыщения; пить не до опьянения

	Воскр.	Пон.	Вт.	Ср.	Чет.	Пят.	Субб.
В.							
м.	XX	X		X		X	
п.	X	X	X		X	X	X
р.			X			X	
Б.		X				X	
Т.			X				
и.							
Спр.							
У.							
ч.							
Сп.							
Ц.							
Скр.							

Я решил уделять в течение недели строгое внимание приобретению каждого из этих навыков в указанной последовательности. Таким образом, в первую неделю моя главная забота состояла в том, чтобы избегать самого малого нарушения *воздержания;* другие же добродетели оставлялись на волю случая, я только отмечал каждый вечер промахи, сделанные в течение дня. Если на протяжении первой недели мне удавалось сохранить первую строку, отмеченную буквой В., чистой от точек, я заключал, что навык в этой добродетели настолько укрепился, а противоположный навык настолько ослаблен, что я могу отважиться расширить свое внимание и включить в его сферу вторую добродетель, чтобы в течение следующей недели держать свободными от точек обе строчки. Продолжая так вплоть до последней добродетели, я мог проделать полный курс в течение тринадцати недель, а за год пройти четыре таких курса. Я решил поступать подобно человеку, который, желая выполоть свой огород, не пытается сразу уничтожить всю сорную траву, что превосходило бы его возможности и силы, а трудится одновременно только на одной грядке и переходит ко второй

лишь после того, как очистит первую. Так и я надеялся, что, постепенно очищая от точек строки своей книжечки, увижу на ее страницах свои успехи в приобретении добродетелей и, наконец, по прошествии нескольких курсов буду иметь счастье увидеть после тринадцатинедельного ежедневного испытания чистую книгу.

Моя книжечка имела три эпиграфа: во-первых, строки из «Катона» Эддисона:

Я знаю, если высшая над нами сила есть (О том, что есть она, природа вопиет Во всех своих делах), то ей Добро угодно, И счастье – тех удел, кто ей угоден.

Во-вторых, из Цицерона:

«О, философия, руководительница жизни! О, изыскательница добродетелей, изгнательница пороков! Один день, прожитый хорошо и в соответствии с твоими предположениями, предпочтительнее вечности, проведенной в грехах».

Третий эпиграф книги был из притчей Соломоновых, где говорится о мудрости или добродетели:

«Долгоденствие в правой руке ее, а в левой у нее богатство и слава. Пути ее – пути приятные, и все стези ее мирные».

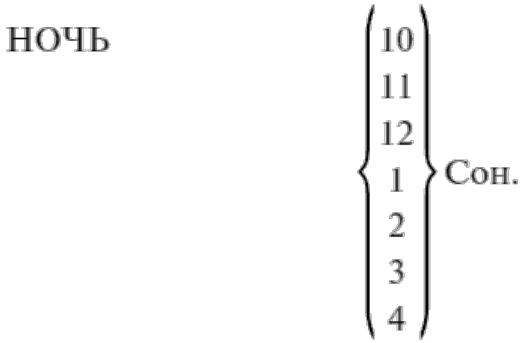
Считая Бога источником мудрости, я решил, что будет правильно и необходимо испросить его помощь для достижения мудрости; с этой целью я составил следующую краткую молитву, которую поместил перед моими таблицами самопроверки, чтобы читать ее ежедневно: «О, всемогущая благость! Щедрый отец! Милосердный руководитель! Возрасти во мне мудрость, которая откроет мне мое истинное благо. Укрепи мою решимость исполнять то, что предписывается мудростью. Прими добро, которое я делаю другим твоим детям, – только это могу я принести тебе в благодарность за твои постоянные милости ко мне». Я использовал также маленькую молитву, которую нашел в стихотворениях Томе она:

«Света и жизни отец, ты всевышнее благо! О, научи меня, что есть добро, научи меня сам! От безрассудства, пороков, тщеславия душу спаси! Низких желаний избави и душу мою ты наполни Знанием, миром душевным и добродетелью чистой; Неувядаемым, вечным, священным блаженством».

Заповедь *порядка* требовала, чтобы каждому делу было отведено определенное время. Поэтому одна страница моей книжечки содержала следующее расписание занятий в течение суток:

РАСПИСАНИЕ

УТРО		*Часы* Встать, умыться и помолиться
Вопрос: Что я сделаю сегодня хорошего?	5 6 7	Всемогущему Богу. Продумать, чем буду заниматься сегодня, и принять решения на день; продолжить текущие занятия.
		Завтрак.
	8 9 10 11	Работа.
ПОЛДЕНЬ	12 1	Читать или просматривать счета.
ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЕ ЧАСЫ	2 3 4 5	Работа
ВЕЧЕР	6	Привести все в порядок.
	7	Ужин.
Вопрос: *Что я сделал* хорошего за день?	8 9	Музыка, развлечение или беседа.
		Продумать истекший день.



Я приступил к выполнению этого плана самоконтроля и осуществлял его со случайными перерывами в течение некоторого времени. Я был удивлен, найдя в себе гораздо больше недостатков, чем предполагал, но я с удовлетворением видел, что они уменьшаются. Моя книжечка скоро стала полна дыр оттого, что я стирал на бумаге знаки старых ошибок, освобождая место для новых знаков при новых курсах. Чтобы не заниматься возобновлением ее время от времени, я перенес свои таблицы и наставления в записную книжку со страницами из слоновой кости, на которых линии были проведены стойкими красными чернилами; свои пометки я делал графитным карандашом, так что легко мог стирать их влажной губкой. Но вскоре я проделал за целый год всего один курс, затем один за несколько лет; наконец, я совершенно прекратил это занятие, так как путешествия и работа за границей, а также множество других дел поглощали все мое время; но я всегда носил с собой свою книжечку.

Самые большие трудности представляло для меня соблюдение моего распорядка дня. Я пришел к заключению, что такое расписание может применяться там, где род занятий человека позволяет ему самому распределять свое время, например, оно годится для рабочего-печатника; но его нельзя точно придерживаться хозяину, который должен общаться с миром и часто принимать деловых людей тогда, когда это им удобно. Мне было также чрезвычайно трудно соблюдать порядок в отношении места для вещей, бумаг и т. п. Я не был с детства приучен к *методу* и, обладая исключительно хорошей памятью, не испытывал больших неудобств вследствие отсутствия метода. Таким образом, этот пункт стоил мне мучительного напряжения внимания, а мои неудачи так меня раздражали и я делал столь малые успехи в исправлении этого недостатка и столь часто у меня случались рецидивы, что был почти готов оставить дальнейшие попытки и смириться с этим своим недостатком. Я

уподобился человеку, который, покупая топор у моего соседа – кузнеца, пожелал, чтобы вся поверхность топора так же блестела, как лезвие. Кузнец согласился отшлифовать для него весь топор, если только он будет вертеть колесо. Он вертел, а кузнец сильно нажимал лопастью топора на камень, что делало работу этого человека весьма тяжелой. Он то и дело отходил от колеса посмотреть, как идут дела, и наконец пожелал взять топор таким, каков он есть, без дальнейшей шлифовки. «Нет, – сказал кузнец, – верти, верти, мы понемножку сделаем его блестящим, а пока он только крапчатый!» – «Да, – ответил покупатель, – но я считаю, что крапчатый топор подходит мне больше всего». Думаю, что так случалось со многими, кто, не имея применявшихся мною средств, убедился, как трудно приобрести хорошие навыки и искоренить дурные в других вопросах порока и добродетели; вероятно, многие из них отказались от борьбы и пришли к выводу, что *«крапчатый топор – самый лучший».* Ибо, что-то вроде голоса разума время от времени нашептывало мне, что такая крайняя щепетильность, которой я от себя требовал, может оказаться своего рода фатовством в морали, которое, стань оно известным, сделает меня смешным; что безупречный характер имеет свои неудобства, ибо он может вызывать зависть и ненависть; что благожелательный человек должен допустить в себе наличие нескольких недостатков, чтобы нуждаться в моральной помощи со стороны своих друзей.

Сказать по правде, я оказался неисправимым в отношении порядка. Теперь, когда я состарился и память моя ухудшилась, я остро чувствую этот свой недостаток. Но в целом, хотя я весьма далек от того совершенства, на достижение которого были направлены мои честолюбивые замыслы, мои старания сделали меня лучше и счастливее, чем я был бы без этого опыта; так те, которые стремятся выработать хороший почерк путем подражания выгравированным образцам, хотя никогда не достигают совершенства этих образцов, но все же их почерк от их стараний улучшается и делается сносным, а затем красивым и четким.

Я хотел бы, чтобы мои потомки знали, что именно этому маленькому изобретению, с Божьего благословения, обязан их предок постоянным счастьем своей жизни вплоть до настоящего времени, когда он пишет эти строки в возрасте семидесяти девяти лет. Неизвестно, какие превратности жизни могут ожидать его в оставшиеся годы; все это во власти провидения; но если они наступят, то память о прошлом счастье должна помочь ему перенести их с большим смирением. *Воздержанием* объясняет он свое хорошо сохранившееся здоровье и все еще крепкую

организацию; *трудолюбию* и *бережливости* обязан он тем, что быстро добился улучшения своего положения, приобрел состояние и накопил все те знания, которые дали ему возможность стать полезным гражданином и принесли ему некоторую известность в ученом мире; *искренности* и *справедливости* он обязан доверием своей страны, почетными обязанностями, которые она на него возложила; а всем добродетелям в целом, даже в том несовершенном состоянии, которого он смог достичь. – ровностью своего характера и живостью беседы, которые делают его общество приятным и желанным даже для его молодых знакомых. Поэтому я выражаю надежду, что некоторые из моих потомков последуют моему примеру и пожнут такую же жатву, Могут заметить, что, хотя мой план и не обходит полностью религиозных проблем, в нем, однако, нет и следа специфических догматов какой-либо отдельной секты. Я сознательно избегал их. Намереваясь со временем опубликовать свой метод; тогда я решил постараться излечиться, если смогу, в числе прочих и от этого порока или глупости; и я добавил к своему списку *скромность,* употребив это слово в самом широком смысле.

Я не могу похвастаться, что я *действительно* приобрел эту добродетель; но я многого добился в смысле ее внешнего проявления. Я взял за правило избегать прямого противоречия мнениям других, а также самоуверенного отстаивания своей точки зрения. Я даже запретил себе, в соответствии со старыми законами нашей Хунты, употреблять какие бы то ни было слова или выражения, передающие твердое мнение, например, *конечно, несомненно* и т. д.; вместо них я употреблял такие выражения, как *я полагаю, опасаюсь, думаю* или *мне так кажется в данный момент.* Когда другие утверждали что-либо, казавшееся мне ошибочным, я отказывал себе в удовольствии резко противоречить и немедленно показать абсурдность их утверждений; но и я начинал свой ответ с замечания, что в определенных условиях и при известных обстоятельствах это мнение было бы правильным, но в данном случае *мне кажется* или *представляется,* что дело обстоит иначе, и т. д. Вскоре я убедился в преимуществах этой новой манеры: мои беседы с другими людьми стали протекать более приятно. Скромная манера выражать свои мнения приводила к тому, что их скорее принимали и они вызывали меньше противоречия; если выяснялось, что я ошибался, это доставляло мне меньше огорчений; если я оказывался прав, мне было легче убедить других отказаться от ошибок и присоединиться к моей точке зрения.

И эта манера поведения, к которой я сначала насильственно приучал себя вопреки своей естественной склонности, стала, наконец, легкой для меня и столь привычной, что за последние пятьдесят лет никто не слышал, чтобы у меня вырвалось какое-либо догматическое утверждение. Думаю, что этой своей привычке (после моего качества – честности) я больше всего обязан тем, что мои соотечественники столь рано стали считаться с моим мнением, когда я предлагал ввести новые учреждения или изменить старые, а также своим большим влиянием в общественных советах, когда я стал их членом. Ибо я был плохим, некрасноречивым оратором, затруднялся в выборе слов, говорил не очень правильно и, несмотря на все это, обычно проводил свою точку зрения.

В действительности, вероятно, из всех наших прирожденных страстей труднее всего сломить *гордость;* как ни маскируй ее, как ни борись с ней, души, умерщвляй ее, – она все живет и время от времени прорывается и показывает себя, что ты, может быть, увидишь, читая этот рассказ. Ибо, даже если бы я решил, что полностью преодолел ее, я, вероятно, гордился бы своей скромностью.

Глава VII

Я упомянул выше о великом и обширном проекте, который я задумал; мне кажется уместным дать здесь некоторое представление о его характере и целях. Он впервые возник в моем уме, вылившись в форму следующего маленького, случайно сохранившегося документа:

«Замечания, сделанные при чтении истории, в библиотеке 9 мая 1731 года.

Великие мировые события, войны, революции и т. д. производятся и ведутся партиями.

Взгляды этих партий определяются их текущими общими интересами или тем, что они принимают за свои интересы.

Различие взглядов этих различных партий вызывает всю путаницу.

В то время как партия осуществляет общие цели, каждый человек преследует свои особые частные цели.

Как только партия достигнет общих целей, каждый человек начинает заботиться о своих частных интересах; тем самым он вступает в противоречие с другими, и в партии происходит раскол, что вызывает еще большую путаницу.

Среди тех, кто занимается общественными делами, лишь немногие думают только о благе своей страны, что бы они при этом ни говорили; и, хотя их действия приносят реальное благо их стране, люди с самого начала рассматривают свои интересы как одно целое с интересами родины, поэтому они действуют не из альтруистических соображений.

Еще меньшее число людей руководствуется в общественных делах благом всего человечества.

На основании всего этого мне представляется в настоящее время уместным создание Объединенной партии добродетели:

все добродетельные и хорошие люди всех наций должны объединиться в организованную партию, руководствующуюся благими и мудрыми правилами, которым, вероятно, эти добрые и мудрые люди будут более единодушно подчиняться, чем обычные граждане подчиняются общим законам.

Я думаю, что всякий, кто попытается правильно и хорошо исполнить это, не может не угодить Богу и не добиться успеха».

Обдумывая этот проект, который я предполагал осуществить в будущем, когда мои обстоятельства позволят мне располагать необходимым досугом, я записывал время от времени на листках бумаги мысли, приходившие мне в голову по его поводу. Большинство этих листков потеряно; но я нашел один, с записью

того, что я считал сущностью моей религии, содержащей, как я думал, основные положения всех известных религий и свободной от всего, что могло бы шокировать представителей того или иного вероисповедания, а именно:

«Существует один Бог, который сотворил весь мир.

Своим провидением он управляет миром.

Ему следует поклоняться путем благоговения, молитвы и благодарения.

Но самое угодное служение Богу состоит в том, чтобы делать добро людям.

Душа бессмертна.

Бог непременно вознаградит добродетель и накажет порок или здесь, или в загробной жизни».

Согласно моим представлениям в то время эта организация должна возникнуть и начать распространяться в первую очередь среди молодых и одиноких людей; для вступления в нее каждый желающий должен не только заявить, что он принимает эти религиозные положения, но и пройти по уже описанному мною образцу тринадцатинедельное испытание и практику в добродетелях; существование такого общества следует держать в секрете, пока оно не станет значительным, чтобы предотвратить просьбы о приеме со стороны недостойных лиц; но все члены должны искать среди своих знакомых способных, благонамеренных молодых людей, которым можно будет постепенно, с соблюдением необходимой предосторожности, сообщить план организации. Члены обязаны давать друг другу советы, оказывать помощь и поддержку, служить взаимным интересам, преуспеванию в жизни и в работе. Для отличия от прочих организаций мы должны называться *обществом свободных и спокойных* — свободных, так как постоянным упражнением в добродетели и приобретением навыка в ней мы освободили себя от господства порока; а также, между прочим, и потому, что благодаря трудолюбию и бережливости избавились от долгов, которые делают человека зависимым от кредиторов и как бы отдают его им в рабство.

Вот все, что я могу вспомнить сейчас об этом проекте. Помню также, что я сообщил его частично двум молодым людям, которые отнеслись к нему весьма одобрительно и с большим энтузиазмом; но вследствие моих стесненных обстоятельств и необходимости уделять все внимание работе я должен был отложить на некоторое время осуществление своего проекта; затем разнообразные занятия, общественные и личные, вновь и вновь заставляли меня откладывать этот замысел. Так проходило время, пока, наконец, у меня не осталось ни сил, ни энергии,

необходимых для такого предприятия. Тем не менее я до сих пор думаю, что это был вполне осуществимый план, который мог бы оказаться весьма полезным и дать нашей стране многих добрых граждан. Меня не останавливали грандиозные размеры предприятия, так как я всегда считал, что один мало-мальски способный человек может произвести большие перемены и совершить великие дела в мире, если он предварительно разработает хороший план и, отказавшись от всех развлечений или других занятий, которые могут его отвлечь, посвятит все свое внимание и силы выполнению этого плана.

В 1732 году я впервые опубликовал свой альманах под псевдонимом *Ричарда Саундерса;* он выходил после этого на протяжении почти двадцати пяти лет и был известен под названием «Альманаха бедного Ричарда». Я старался сделать его одновременно занимательным и полезным; в связи с этим на него был такой спрос, что я получал от него значительный доход, продавая ежегодно около десяти тысяч экземпляров. Видя, что он получил широкое распространение (едва ли во всей нашей провинции был такой уголок, где его не знали бы), я счел его подходящим средством для наставления простого народа, который едва ли покупал какие-либо другие книги. Поэтому я заполнил все промежутки между знаменательными датами в календаре краткими изречениями и поговорками, направленными главным образом на внедрение трудолюбия и бережливости, как средств достижения благосостояния, а тем самым обеспечения добродетели; человеку, находящемуся в нужде, труднее поступать всегда честно; как гласит одна из этих поговорок «пустому мешку *нелегко* стоять прямо».

Эти поговорки, содержащие мудрость многих поколений и народов, я собрал и оформил в виде последовательного рассуждения, предпосланного Альманаху 1757 года в форме речи мудрого старика к посетителям аукциона. Объединение всех этих разбросанных в разных местах советов придало им большую выразительность. Мой краткий сборник получил всеобщее одобрение и был опубликован всеми газетами американского континента, перепечатан в Англии на больших листах бумаги, чтобы вешать в домах; два перевода были сделаны во Франции, и большое количество экземпляров было куплено духовенством и джентри для бесплатной раздачи бедным прихожанам и арендаторам. Высказывалось мнение, что этот сборничек, осуждавший бесполезные траты на заграничные предметы роскоши, способствовал росту денежных фондов в Пенсильвании, который наблюдался там в течение нескольких лет после его опубликования.

Я рассматривал свою газету также как одно из средств наставления народа и с этой целью часто перепечатывал в ней извлечения из «Спектейтора» и моралистов, а иногда опубликовывал собственные небольшие статьи, написанные в свое время для прочтения в Хунте. В их числе был один из диалогов Сократа, доказывавший, что порочного человека нельзя назвать в буквальном смысле слова умным, каковы бы ни были его способности и дарования, а также рассуждение о самоотречении, показывающее, что добродетель не является прочной до тех пор, пока она не станет навыком и не перестанет подвергаться влиянию противоположных склонностей. Все это можно найти в газетах начала 1735 года.

Издавая свою газету, я тщательно избегал всяких клеветнических и личных выпадов, которые позднее сделались столь постыдным явлением в нашей стране. Когда меня просили поместить в моей газете материалы этого рода, причем авторы обычно ссылались на свободу печати и утверждали, что газета должна быть подобна почтовой карете, в которой всякий, кто в состоянии заплатить, может занять место, я отвечал, что, если угодно, я могу напечатать это произведение отдельно, в количестве стольких экземпляров, сколько автор пожелает сам распространить; но что я отказываюсь заниматься распространением его клеветы и что, заключив контракт с моими подписчиками снабжать их тем, что или полезно, или занимательно, я не могу наполнять свою газету частной перебранкой, которая их не касается, ибо в таком случае совершу явную несправедливость. В настоящее время многие из наших издателей без малейшего угрызения совести служат злобным чувствам отдельных личностей путем ложного обвинения прекраснейших людей среди нас; они разжигают ненависть настолько, что дело доходит до дуэлей. Они по большей части так нескромны, что печатают непристойные измышления о правительствах соседних государств и даже о поведении наших лучших национальных союзников, *что* может привести к самым пагубным последствиям. Я упоминаю обо всем этом, чтобы предостеречь молодых издателей и побудить их не осквернять свою прессу и не дискредитировать свою профессию такими постыдными действиями, но всегда отказываться от материала подобного рода, они могут убедиться на моем примере, что это в общем не причинит ущерба их интересам.

В 1733 году я послал одного из моих рабочих в Чарлстон (Южная Каролина), где требовался печатник. Я снабдил его печатным станком и шрифтом; мы заключили соглашение, по которому я становился его компаньоном и должен был получать

треть его доходов, уплачивая треть расходов. Он был человеком грамотным и честным, но невежественным в вопросах отчетности, и, хотя он иногда переводил мне деньги, я не мог ни получить от него точного отчета, ни добиться того, чтобы наше товарищество достигло при его жизни белее или менее удовлетворительного состояния. Когда он умер, дело продолжала его вдова; эта женщина, рожденная и воспитанная в Голландии, где, как я знал, ведение книг входит в программу женского образования, послала мне самый ясный отчет, какой только она могла составить о прошлых делах, и продолжала с величайшей регулярностью и точностью сообщать каждые три месяца о положении дел. Она вела дело так успешно, что не только прекрасно воспитала своих детей, но и по истечении срока смогла купить мою типографию для своего сына.

Я упоминаю об этом случае главным образом для того, чтобы рекомендовать нашим молодым женщинам эту область образования, которая в случае вдовства будет, вероятно, для них и их детей более полезна, чем музыка и танцы; умение лично вести дела оградит вдову от убытков, причиняемых обманом всякого рода ловких людей, и даст ей возможность продолжать, может быть, доходное торговое дело с установленными связями, пока не подрастет ее сын настолько, чтобы быть в состоянии взять на себя это дело и продолжать его к дальнейшему преуспеванию и обогащению семьи.

Около 1734 года к нам прибыл из Ирландии молодой пресвитерианский проповедник по имени Хемпхилл, читавший звучным голосом превосходные проповеди, которые он, казалось, импровизировал; эти проповеди вызывали большое стечение людей различных вероисповеданий; все дружно ими восхищались. Я стал в числе прочих одним из его постоянных слушателей; его проповеди нравились мне, так как они не страдали догматизмом, но настойчиво внедряли добродетельное поведение или то, что на религиозном языке называется *добрыми делами.* Однако те из нашей конгрегации, которые считали себя ортодоксальными пресвитерианами, не одобряли его взглядов.

К ним присоединилось большинство старых священников, обвинивших Хемпхилла перед синодом в ереси, для того чтобы заставить его замолчать. Я стал его ревностным сторонником и всеми способами постарался создать партию его приверженцев.

Некоторое время мы боролись за него с надеждой на успех. Много было написано тогда за и против; обнаружив, что он хотя и хороший проповедник, но плохой писатель, я написал для него два или три памфлета и одну статью для «Газеты» от апреля 1735 года. Эти памфлеты, как обычно бывает с полемической

литературой, жадно читались в то время, но вскоре были забыты, и я сомневаюсь, чтобы хоть один их экземпляр сохранился до сегодняшнего дня.

В разгар этой полемики произошел неприятный случай, чрезвычайно повредивший Хемпхиллу. Один из противников нашей партии, прослушав его проповедь, вызвавшую всеобщее бурное восхищение, вспомнил, что он уже где-то читал эту проповедь или по крайней мере ее часть. Предприняв поиски, он обнаружил, что часть ее была напечатана со всеми подробностями в одном из номеров английского «Ревью» и была взята из речи доктора Фостера. Это открытие внушило многим из нашей партии отвращение к Хемпхиллу, и они от него отступились, что ускорило наше поражение в синоде. Я его не оставил, так как считал, что лучше читать хорошие проповеди, написанные другими, чем свои, да плохие, как делали все наши учителя. Впоследствии он мне признался, что все его проповеди ему не принадлежали, и добавил, что благодаря своей прекрасной памяти он мог запомнить и воспроизвести любую проповедь, прочитав ее всего один раз. Когда мы потерпели поражение, он нас покинул и отправился искать счастья где-либо в другом месте. С тех пор я оставил конгрегацию и никогда ее больше не посещал, хотя продолжала в течение многих лет оказывать помощь по подписке ее служителям.

В 1733 году я начал изучать языки и вскоре настолько овладел французским, что был в состоянии свободно читать французскую литературу. После этого я принялся за итальянский. Один мой знакомый, также изучавший этот язык, часто приглашал меня сыграть с ним партию в шахматы. Увидев, что это отнимает слишком много времени от моих занятий, я отказался, наконец, играть с ним иначе, как на том условии, что победителю в каждой партии будет предоставлено право дать побежденному задание, состоящее либо из проработки какого-либо грамматического правила, либо из перевода; выполнение этого задания было делом чести для побежденного до нашей следующей встречи. Так как мы играли приблизительно одинаково, то мы таким образом заставляли друг друга изучать язык. Впоследствии я без большого труда настолько овладел испанским языком, что смог и на нем свободно читать.

Я уже упоминал о том, что учился в латинской школе только один год и притом в очень юном возрасте, после чего совершенно перестал заниматься этим языком. Но когда я познакомился с французским, итальянским и испанским языками, то, просматривая однажды латинское завещание, с удивлением обнаружил, что понимаю гораздо больше, чем ожидал. Это

воодушевило меня возобновить изучение латинского языка, что я и сделал на этот раз с большим успехом, так как знание других языков весьма облегчило мою задачу.

На основании приобретенного опыта я понял, что в нашем общепринятом методе изучения языков имеется непоследовательность. Нам говорят, что надо начинать с латинского языка, знание которого облегчит изучение происшедших от него современных языков; при этом, однако, мы не начинаем с греческого, чтобы легче овладеть латынью. Конечно, если вы смогли вскарабкаться на вершину лестницы, не пользуясь ступенями, то вы сможете при их помощи легко спуститься вниз; но несомненно, и то, что, если вы начнете подыматься с самой низшей ступени, вы легче достигнете вершины; поэтому я хочу предложить тем, кто заведует образованием нашей молодежи, подумать над следующим: поскольку многие, начиная с латыни, затрачивают на ее изучение несколько лет и останавливаются на этом, не добившись большого успеха, а все, что они усваивают, остается почти бесполезным, так что в конечном счете все время оказывается потерянным, то не лучше ли начинать с изучения французского, затем переходить к итальянскому и т. д. В этом случае, если изучающие потратят столько же времени, а затем вовсе бросят изучение языков и так никогда и не дойдут до латыни, они все же приобретут знание одного или двух живых языков, которые могут пригодиться им в повседневной жизни.

Когда мои обстоятельства улучшились, я совершил поездку в Бостон, где не был целых десять лет, и навестил своих родственников, чего ранее не мог себе позволить. На обратном пути я заехал в Ньюпорт повидаться со своим братом Джемсом, который в то время имел там типографию. Наши прошлые разногласия были забыты, и встреча получилась весьма сердечной и нежной. Здоровье его быстро ухудшалось. Чувствуя скорое приближение смерти, он попросил меня взять к себе, когда он умрет, его сына, которому было в то время всего десять лет, и обучить его типографскому делу. Я исполнил его просьбу и, прежде чем начать приучать мальчика к делу, отдал его на несколько лет в школу. Пока он не подрос, дело продолжала его мать. Я подарил ему новые шрифты, так как старые, служившие его отцу, износились. Таким образом я с избытком вознаградил своего брата за ущерб, причиненный ему моим ранним уходом от него.

В 1736 году я потерял одного из своих сыновей, славного мальчика четырех лет, умершего от оспы. Долгое время я горько упрекал себя и упрекаю до сих пор, что не позволил сделать ему

прививку. Я упоминаю об этом ради родителей, которые избегают этого средства. Они говорят, что никогда не простят себе, если ребенок умрет от прививки; но мой пример показывает, что и в противном случае сожалеть приходится не меньше, следовательно, надо выбирать то, что менее опасно.

Наш клуб Хунта оказался столь полезным и давал такое удовлетворение своим членам, что некоторые из них пожелали ввести в него своих друзей. Но этого нельзя было сделать, не выходя за пределы того числа, которое мы считали наиболее необходимым, а именно – двенадцати. С самого начала одним из правил нашего устава было держать организацию в тайне, и это правило довольно хорошо соблюдалось. Целью его было предотвращение просьб о приеме со стороны неподходящих лиц, которым, может быть, иной раз будет трудно отказать. Я был одним из тех, кто выступал против увеличения числа членов Хунты. Но взамен этого я внес в письменной форме предложение, чтобы каждый член нашего клуба попытался организовать подчиненный клуб с такими же правилами, вопросами и т. д., не сообщая его членам о их связи с Хунтой. Преимущества этого предложения состояли в следующем: через наши организации мы могли бы способствовать совершенствованию гораздо более широкого круга молодых людей; эти организации позволили бы нам лучше ознакомиться с настроениями населения во всех случаях, так как член Хунты мог бы ставить любые нужные нам вопросы и должен был сообщать Хунте обо всем, что происходит в его клубе; они служили бы нашим частным интересам в делах благодаря более широкой рекомендации и увеличили бы наше влияние в общественных делах и наши возможности делать добро, распространяя в нескольких клубах мнения и чувства Хунты.

Проект был одобрен, и каждый член попытался организовать свой клуб; но не все в этом преуспели. Было основано всего пять или шесть клубов. Они носили различные названия:

«Лоза», «Союз», «Отряд» и др. Они были полезны и сами по себе, а нам они доставляли большое удовольствие, снабжали нас информацией и многому нас научили. Кроме того, они в немалой степени способствовали осуществлению нашей задачи – оказывать влияние в отдельных случаях на общественное мнение. Об этом я еще расскажу в дальнейшем, в соответствующих частях своего повествования.

Мое первое продвижение по службе состояло в избрании меня в 1736 году секретарем Генерального собрания. В тот год я был избран единогласно; но в следующем году, когда я снова выставил свою кандидатуру (секретарь, как и члены собрания,

избирался на один год), один из новых членов произнес против меня длинную речь в пользу другого кандидата. Тем не менее я был избран. Это было для меня тем более приятно, что, кроме платы за непосредственное исполнение обязанностей секретаря, новое место доставляло мне большие возможности привлечь к себе внимание членов, которые обеспечивали меня заработком, давая печатать избирательные бюллетени, законы и бумажные деньги, а также другую случайную работу для публики, что в целом приносило немалый доход.

Поэтому мне весьма не понравилась оппозиция со стороны этого нового члена, богатого и образованного джентльмена, обладающего талантами, которые могли со временем обеспечить ему большое влияние в Палате, что впоследствии действительно и случилось. Я не стремился, однако, приобрести его расположение, оказывая ему какие-либо раболепные знаки уважения; но спустя некоторое время я применил другой способ. Услышав, что в его библиотеке имеется очень редкая и интересная книга, я послал ему записку, в которой выразил свое желание прочитать эту книгу и попросил оказать мне любезность одолжить ее мне на несколько дней. Он прислал ее немедленно, и я вернул ее приблизительно через неделю с запиской, в которой горячо поблагодарил за его услугу. Когда мы следующий раз встретились в Палате, он заговорил со мной, чего раньше никогда не делал, и притом весьма любезно; и в дальнейшем он неизменно обнаруживал готовность оказывать мне услуги во всех случаях, так что мы вскоре стали большими друзьями, и наша дружба продолжалась до самой его смерти. Вот лишний пример справедливости усвоенного мною старинного изречения, которое гласит: *«Тот, кто однажды сделал вам добро, охотнее снова поможет вам, чем тот, кому вы сами помогли».* И этот случай показывает, насколько выгоднее благоразумно устранять вражду, чем злопамятствовать, платить злом за зло и продолжать враждебные действия.

В 1737 году полковник Спотсвуд, бывший губернатор Виргинии, а затем главный почтмейстер, недовольный поведением своего представителя в Филадельфии, его небрежностью в составлении отчетов и в пересылке денег, лишил его полномочий и предложил их мне. Я с радостью согласился. Эта должность оказалась весьма выгодной, несмотря на небольшое жалованье, так как она обеспечивала широкие связи, что благоприятно отразилось на моей газете; спрос на нее возрос, в ней стали помещать больше объявлений, и это давало мне значительный доход. Газета моего старого конкурента соответственно пришла в упадок, и я был удовлетворен тем, что

не отомстил ему за его отказ в бытность почтмейстером разрешить развозить мои газеты конным почтальонам. Так он жестоко пострадал за свою небрежность в отчетах; и я привожу это как урок молодым людям, занимающимся ведением чужих дел, чтобы они всегда вели счета с большой четкостью и пунктуальностью. Эти качества служат лучшей рекомендацией в глазах нанимателей и лучшим залогом успеха в делах.

Теперь я начал подумывать о деятельности на общественном поприще; но начал я с малых дел. Одним из первых вопросов, на который, как я увидел, следовало обратить внимание, была охрана города. Она велась поочередно констеблями различных районов города; констебль брал себе на подмогу на ночь нескольких домовладельцев. Те, кто не хотел участвовать в этом деле, платили ему пять-шесть шиллингов в год отступного. Предполагалось, что эти деньги идут на наем замены, но в действительности они значительно превышали необходимую для этой цели сумму, что делало должность констебля весьма доходной. А констебль за небольшую выпивку нередко набирал в качестве стражи таких оборванцев, что порядочные домовладельцы не хотели общаться с ними. Обходами они также часто пренебрегали и большую часть ночи проводили в попойках. Я написал доклад для Хунты, в котором говорилось обо всех этих злоупотреблениях, но главный упор делался на несправедливость выплаты шестишиллингового налога констеблю, независимо от состояния платящих; получалось, что бедная вдова-домовладелица, все состояние которой, охраняемое стражей, не превышало, может быть, пятидесяти фунтов, платила столько же, сколько и самый богатый торговец, имеющий на тысячи фунтов товаров в своих лавках.

В общем я предложил нанимать подходящих людей на постоянную работу, что обеспечивало бы более эффективную охрану города, а как наиболее справедливый способ получения средств предлагал обложение налогом, пропорциональным собственности. Эта мысль была одобрена Хунтой, а затем передана в другие клубы, но так, как будто она возникла именно в каждом из них. И хотя наш план не был немедленно проведен в жизнь, однако, подготовив умы людей к перемене, он подготовил почву для закона, принятого несколькими годами позже, когда влияние членов наших клубов возросло.

Приблизительно в это же время я написал доклад (сперва предназначавшийся для прочтения в Хунте, но затем опубликованный) о различных случайностях и беззаботности, которые вызывают в наших домах пожары, о мерах предосторожности против пожаров, о средствах для их

предотвращения. Доклад признали полезным, о нем много говорили. На его основе вскоре возник проект образовать команду для более быстрого тушения огня и для взаимной помощи в деле выноса и спасения имущества, находящегося в опасности. Число членов этой организации вскоре достигло тридцати человек. Наше соглашение обязывало каждого члена держать всегда в полной исправности и в постоянной готовности определенное количество кожаных ведер, крепких мешков и корзин (для упаковки и переноса вещей), которые нужно было доставлять к каждому пожару. Мы условились устраивать раз в месяц общественные собрания, на которых высказывать и обсуждать наши соображения о том, как лучше бороться с огнем, чтобы затем использовать их в случаях пожара.

Вскоре стала ясной польза от этой организации, то число лиц, пожелавших принять в ней участие, оказалось больше, чем мы считали нужным для одной команды. Им посоветовали организовать вторую команду, что и было сделано. Этим дело не кончилось – новые команды продолжали организовываться одна за другой, пока они не стали столь многочисленны, что включили в себя большинство жителей, владеющих собственностью. Команда, которую я организовал, названная Объединенной пожарной командой, продолжает существовать и процветать доныне, хотя со дня ее основания прошло более пятидесяти лет. Ее первые члены все умерли, за исключением меня и еще одного, старше меня на год. Небольшие штрафы, которые выплачивались членами в случаях пропусков ежемесячных собраний, пошли на покупку пожарных машин, лестниц, пожарных крюков и других полезных орудий для каждой команды. Думаю, что едва ли есть на свете город, снабженный лучшими средствами для прекращения пожаров. И в самом деле, за время, прошедшее после организации этих команд, наш город не потерял от пожара больше одного-двух домов за раз; и часто огонь удавалось потушить прежде, чем дом, в котором возник пожар, сгорал наполовину.

Глава VIII

В 1739 году к нам прибыл из Ирландии достопочтенный мистер Уайтфилд, прославившийся там как странствующий проповедник. Сначала ему было разрешено проповедовать в некоторых из наших церквей, но он пришелся не по душе духовенству, и оно очень скоро лишило его кафедры, так что он был вынужден проповедовать в окрестностях города. На его проповеди стекалось множество людей всех сект и вероисповеданий. Я тоже был в их числе. Меня всегда наводило на размышления необычайное влияние его ораторского искусства на слушателей, которые восхищались им и уважали его, хотя обычно он обличал их, называя «полуживотными и полудьяволами». Вскоре в образе жизни населения нашего города произошла поразительная перемена. Если раньше о религии не думали или были к ней безразличны, то теперь, казалось, весь свет стал религиозным; вечером нельзя было пройти по улицам города, чтобы не услышать пения псалмов, доносившегося из каждого дома.

Собираться на открытом воздухе в любую погоду было неудобно, и потому скоро было решено построить дом для собраний. Были назначены лица для сбора пожертвований, и за короткое время были собраны суммы, достаточные для покупки земли и постройки здания в сто футов длины и семьдесят футов ширины, т. е. размером примерно с Вестминстерхолл. Работы велись с таким увлечением, что были завершены гораздо раньше, чем предполагалось. Дом и земля, порученные попечителям, могли быть использованы любым проповедником любых религиозных убеждений, который пожелал бы что-либо сказать жителям Филадельфии; ведь целью постройки было не обслуживание какой-либо отдельной секты, а всего населения в целом, так что, даже если бы константинопольские муфтии пожелали послать миссионера, чтобы проповедовать нам магометанство, то он нашел бы кафедру к своим услугам.

Покинув Филадельфию, мистер Уайтфилд проповедовал во всех колониях вплоть до Георгии. Заселение этой провинции началось недавно, но ее первыми жителями были не крепкие, трудолюбивые крестьяне, привычные к сельскохозяйственным работам – единственно пригодные для этой цели люди, а семьи разорившихся лавочников и других несостоятельных должников; среди них было много ленивых бездельников, выпущенных из тюрем. Попав в леса, все эти люди, не умеющие расчищать землю и неспособные переносить трудности нового поселения, гибли в

огромном количестве, оставляя без всяких средств множество беспомощных детей. При виде их жалкого положения в великодушном сердце мистера Уайтфилда родилась мысль построить сиротский дом для содержания и воспитания таких детей. Вернувшись на север, он стал в своих проповедях призывать население к участию в этом добром деле и собрал большие пожертвования, ибо его красноречие обладало чудесной властью над сердцами и кошельками слушателей, примером чему могу служить я сам. Я не возражал против этого проекта, но, поскольку Георгия была тогда бедна материалами и рабочими руками и все это предполагалось выслать из Филадельфии, что потребовало бы больших расходов, я считал, что было бы лучше построить дом в Филадельфии и привезти детей сюда. Я посоветовал это, но он настаивал на своем первоначальном намерении и отверг мой совет; тогда я отказался внести пожертвование. Вскоре после этого мне случилось присутствовать на одной из его проповедей, по ходу которой я понял, что он собирается кончить сбором пожертвований, и я в душе решил, что от меня он ничего не получит. В кармане у меня была горсть медных монет, три или четыре серебряных доллара и пять золотых пистолей. Но, слушая его, я постепенно смягчился и решил отдать медяки. Через некоторое время его блестящее красноречие заставило меня устыдиться, и я решил пожертвовать серебро; а кончил он так прекрасно, что я опустошил весь свой карман, высыпав на поднос сборщика золото и все остальные монеты. На проповеди присутствовал также один из членов нашего клуба, разделявший мое мнение относительно постройки в Георгии; подозревая, что будет сбор, он из предосторожности очистил свои карманы, прежде чем выйти из дому. Но к концу проповеди ему очень захотелось сделать пожертвование, и он обратился к стоявшему с ним рядом соседу с просьбой одолжить ему немного денег. К несчастью, просьба эта была обращена к единственному, быть может, человеку во всем собрании, твердость которого не была поколеблена проповедником. Он ответил: «В любое другое время, друг Гопкинсон, я охотно одолжил бы тебе деньги, но не сейчас, потому что ты, кажется, немного рехнулся».

Некоторые враги мистера Уайтфилда высказывали предположение, что он употребляет собранные деньги на свое собственное обогащение; но у меня, человека, близко знакомого с ним (я печатал его проповеди и дневники), никогда не возникало ни малейшего подозрения насчет его честности, и до сего дня я решительно считаю, что он был во всем своем поведении идеально честным человеком. Полагаю, что мое свидетельство в

его пользу имеет тем более веса, что между нами не было религиозной связи. Действительно, он несколько раз молился о моем обращении, но ему так и не пришлось испытать удовлетворение от сознания, что его молитвы были услышаны. Это была чисто гражданская дружба, искренняя с обеих сторон и продолжавшаяся до самой его смерти.

Следующий пример позволит лучше понять характер наших отношений. В один из его приездов из Англии в Бостон он написал мне, что скоро должен приехать в Филадельфию, но не знает, где там остановиться, ибо, как он узнал, его прежний гостеприимный хозяин Бенезет переехал в Германтаун. Я ответил: «Вы знаете мой дом, если вас устраивают его скромные удобства, от души прошу вас быть моим желанным гостем». Он ответил, что если я делаю это любезное предложение во имя Христа, то буду за это вознагражден. На это я возразил: «Не заблуждайтесь на мой счет: я делаю это не ради Христа, а ради вас». Один из наших общих знакомых шутя заметил, что я, зная манеру святых переносить тяжесть благодарности за оказанную услугу со своих плеч на небо, постарался удержать ее на земле.

Последний раз я видел мистера Уайтфилда в Лондоне, где он советовался со мной насчет своего сиротского дома и говорил о своем намерении приспособить его для устройства колледжа.

У него был громкий и ясный голос и такая превосходная дикция, что его можно было слышать и понимать на большом расстоянии, тем более что его многочисленные слушатели всегда соблюдали полнейшую тишину. Однажды вечером он проповедовал с верхних ступеней здания суда, находящегося на перекрестке Маркит-стрит и Секонд-стрит. Обе улицы были переполнены слушателями. Я стоял в задних рядах на улице Маркит; из любопытства мне захотелось проверить, на каком расстоянии его можно слушать, и я стал отступать вниз по улице к реке: я отчетливо слушал его голос все время, пока не дошел до Франт-стрит, где уличный шум заглушил его. Мысленно построив полукруг, заполненный слушателями, на каждого из которых я отвел по два квадратных фута, с радиусом, равным расстоянию до меня, я подсчитал, что его могут хорошо слышать более тридцати тысяч человек. Это примирило меня с газетными отчетами, в которых говорилось, что его слушало за городом двадцать пять тысяч человек, и с рассказами древних о генералах, обращавшихся с речами к целым армиям, в чем я иногда сомневался.

Часто слушая его, я научился легко отличать недавно сочиненные проповеди от тех, которые он неоднократно произносил во время своих путешествий. Чтение последних было

доведено частым повторением до высокого совершенства; каждый звук, каждое ударение, каждая модуляция голоса были так хорошо отработаны и расставлены, что, даже не интересуясь темой, нельзя было не получить от речи удовольствия, подобного тому, которое мы получаем от прекрасной музыки. Странствующие проповедники имеют это преимущество перед проживающими на одном месте, ибо последние не могут совершенствовать чтение своих проповедей столь частым повторением.

То, что он писал и печатал, время от времени давало сильное оружие в руки его врагов; неосторожные выражения и даже ошибочные мнения, высказанные в устной проповеди, могут быть впоследствии объяснены или смягчены ссылкой на другие высказывания в той же проповеди, от них можно даже отречься, но litera scripta manet (написанное остается. – *Ред.)*. Критики яростно нападали на его произведения, и их аргументация казалась настолько убедительной, что им удалось уменьшить число его приверженцев и прекратить их возрастание. И я убежден, что если бы он никогда ничего не писал, то оставил бы после себя гораздо более многочисленную и влиятельную секту, и его слава все больше возрастала бы после его смерти; ибо критика, не имея возможности сослаться на его писания, не могла бы его унизить, а его восторженные прозелиты могли бы свободно приписывать ему всевозможные замечательные качества.

Мое коммерческое предприятие все более разрасталось, и дела шли с каждым днем лучше, ибо моя газета, которая одно время была чуть ли не единственной в нашей и соседних провинциях, приносила большой доход. К тому же я на себе испытал всю справедливость поговорки: «После того как добыта первая сотня фунтов, гораздо легче добыть вторую», ибо по самой своей природе одни деньги притягивают другие.

Компаньонство в Каролине оказалось успешным, и это побудило меня вступить в другие товарищества. Я повысил нескольких моих рабочих хорошего поведения, поручив им заведование типографиями в различных колониях на тех же условиях, что и в Каролине. Многие из них разбогатели и смогли по истечении срока договора (6 лет) купить у меня шрифты и повести дело самостоятельно; таким образом, несколько семей значительно улучшили свое положение. Компаньонство часто кончается ссорами, но я был счастлив в этом отношении; наши дела всегда велись успешно и кончались дружески; думаю, одной из основных причин этого было то, что в наших контрактах всегда очень точно предусматривались обязанности каждого партнера, так что спорить было не о чем. Такую предосторожность я

рекомендую всем, кто вступает в товарищество, ибо, как бы ни было велико уважение и доверие партнеров друг к другу в момент заключения контракта, впоследствии всегда могут возникнуть из-за каких-нибудь мелочей ревнивые и недружелюбные чувства, мысли о неравном распределении тягот и забот, паев и т. д., что часто сопровождается разрывом дружбы и прекращением всяких отношений, а иногда даже судебными процессами и другими неприятными последствиями.

В общем у меня было достаточно причин быть довольным тем, что я обосновался в Пенсильвании. Но все-таки два обстоятельства вызывали мое недовольство: в Пенсильвании не было средств ни для защиты населения, ни для законченного образования молодежи: ни милиции, ни какого-либо колледжа. Поэтому в 1743 году я выдвинул предложение основать академию и, считая достопочтенного мистера Петерса, бывшего в то время не у дел, подходящим лицом для надзора над такого рода учреждением, сообщил ему свой план. Но он имел более благоприятные виды (впоследствии осуществившиеся) на службу у собственников и потому отклонил это предложение; не зная в то время другого лица, подходящего для попечительства, я отложил на некоторое время осуществление своего плана. Больший успех я имел в следующем, 1744 году, когда я предложил и основал философское общество. Статью, написанную с этой целью, можно найти в моих бумагах, если только она не затерялась.

Что касается защиты, то мы оказались вовлеченными в большую опасность, ибо к Испании, уже несколько лет воевавшей против Великобритании, присоединилась и Франция, а упорные и долгие старания нашего губернатора Томаса убедить собрание, состоявшее из квакеров, принять закон о милиции и осуществить другие меры но обеспечению безопасности провинции, оказались бесплодными; поэтому я решил попробовать, к чему может привести добровольная подписка населения. Сначала, чтобы подготовить почву, я написал и опубликовал статью, озаглавленную «Простая истина», где в энергичных выражениях изобразил наше беспомощное положение, доказывая необходимость объединения и дисциплины для защиты, и обещал через несколько дней предложить на общую подпись план создания ополчения для этой цели. Статья имела неожиданный бурный успех. Мне было предложено создать это ополчение. Разработав план с несколькими друзьями, я назначил собрание граждан в упоминавшемся раньше большом здании. Помещение было переполнено; я заготовил определенное количество печатных копий своего плана и позаботился о том, чтобы по всей

комнате в разных местах имелись чернила и перья. Я обратился к собравшимся с небольшой речью, зачитал бумагу, объяснил ее, а затем роздал копии, которые без всяких возражений с энтузиазмом были подписаны.

Когда все разошлись и бумаги были собраны, по подсчете оказалось около тысячи двухсот подписей, а так как другие копии были разосланы по всей провинции, число записавшихся составило в конечном счете более десяти тысяч. Все они обзавелись, как только смогли, оружием, объединились в роты и полки, избрали офицеров и собирались каждую неделю, чтобы обучаться ружейным приемам и другим видам военной подготовки. Женщины по подписке между собой изготовили шелковые знамена, украшенные предложенными мною эмблемами и девизами, которые они подарили ротам.

Офицеры рот, входивших в филадельфийский полк, избрали меня на своем собрании полковником; но я, считая себя не подходящим для этого поста, отказался и рекомендовал мистера Лоуренса, превосходного человека, пользовавшегося большим влиянием, который и был назначен. Затем я предложил провести лотерею, чтобы оплатить расходы по возведению батареи за городом и приобретению для нее орудий. Сборы поступили быстро, и вскоре была возведена батарея с зубцами, обложенными бревнами и заполненными землей. В Бостоне мы купили несколько старых пушек, но так как этого было недостаточно, мы написали в Англию, прося прислать еще, и в то же время обратились, хотя и без особой надежды, за помощью к нашим собственникам.

Тем временем ополченцы послали полковника Лоуренса, Вильяма Аллена, Абрахама Тейлора и меня в Нью-Йорк с поручением одолжить несколько пушек у губернатора Клинтона. Сначала он решительно нам отказал, но на обеде с его советниками, где по местному обычаю было выпито много мадеры, он постепенно смягчился и сказал, что одолжит нам шесть пушек. Еще несколько бокалов – и он дошел до десяти; наконец, он настолько смилостивился, что согласился дать восемнадцать. Эти прекрасные восемнадцатифунтовые орудия с лафетами были вскоре перевезены и установлены на нашей батарее, где ополченцы несли ночную вахту все время, пока продолжалась война; я в числе прочих регулярно заступал свою очередь как простой солдат.

Губернатор и совет одобрительно отнеслись к моей деятельности и, посвятив меня в свои дела, советовались со мной по поводу каждой меры, где их содействие могло бы быть полезным для ополчения. Я предложил им опереться на помощь

религии и объявить пост, чтобы возбудить религиозные чувства и призвать благословение неба на наше предприятие. Они согласились с этим, но секретарь не имел прецедента, на основе которого он мог бы составить обращение, так как это должен был быть первый пост во всей провинции. То, что я получил образование в Новой Англии, где пост объявляется каждый год, оказалось здесь известным преимуществом; я составил обращение в обычном стиле, оно было переведено на немецкий язык, напечатано на немецком и английском языках и распространено по провинции. Таким образом, духовенство различных сект получило возможность побуждать свою паству присоединиться к ополчению, и оно, возможно, стало бы всеобщим (исключая квакеров), если бы всему этому вскоре не положило конец заключение мира.

Некоторые мои друзья считали, что моя деятельность по созданию ополчения оскорбит секту квакеров и, следовательно, повредит моим интересам в собрании провинции, где они составляли подавляющее большинство. Один молодой человек, также имевший друзей в собрании и желавший заменить меня на посту секретаря, сообщил мне, что меня решено сместить на следующих выборах, и благожелательно посоветовал мне самому уйти в отставку, что было бы более почетно, чем быть отставленным. Я ответил ему, что я где-то читал или слышал об одном общественном деятеле, принявшем за правило никогда не просить о должности и никогда не отказываться от той, которую ему предлагали. «Я одобряю это правило, – сказал я, – и буду придерживаться его с небольшим добавлением: я никогда не буду *просить о* должности, *отказываться* от нее или *добровольно оставлять* ее. Если они желают передать мою должность секретаря другому, то они могут отнять ее у меня. Я не хочу, добровольно отдавая ее, утратить право предпринять когда-нибудь ответные меры против моих соперников».

Но больше я об этом ничего не слышал, и на следующих выборах меня снова, как всегда, единодушно избрали секретарем. Возможно, они были бы довольны, если бы я добровольно оставил их, так как им не нравилась моя близость к членам совета, поддерживавшим губернаторов во всех спорах по поводу военных приготовлений, уже давно беспокоивших Палату; но они не могли сместить меня только из-за моего усердия в делах, связанных с ополчением, а других причин они выставить не могли. Впрочем, я имел основания думать, что защита страны была не так уж неприятна любому из них, при условии, что от них не требовали участия в этом. И я обнаружил, что гораздо большее количество квакеров, чем можно было бы подумать, явно стояло за

оборонительную войну, хотя и против наступательной. По этому вопросу было опубликовано много статей pro и contra; авторами некоторых из них были истые квакеры, высказывавшиеся в пользу обороны; думаю, это убедило большую часть их молодежи.

Одно мероприятие в нашем обществе по борьбе с пожарами позволило мне лучше понять преобладавшие среди них мнения. Было предложено для поощрения плана возведения батареи вложить наш наличный капитал, равный тогда шестидесяти фунтам, в лотерейные билеты. По нашим правилам деньги не могли быть использованы до следующего заседания после выдвижения предложения. Общество состояло из тридцати членов, из которых двадцать два были квакеры и только восемь разделяли наши убеждения. Наша восьмерка в назначенное время явилась на собрание; но, хотя мы и полагали, что некоторые квакеры присоединятся к нам, мы нисколько не были уверены, что окажемся в большинстве. Из квакеров явился только один – мистер Джеме Моррис, пришедший, чтобы противодействовать мероприятию. Он выразил глубокое сожаление по поводу того, что оно было предложено, так как, по его словам, все «Друзья» (секта квакеров) были против, и утверждал, что оно породит такие разногласия, которые могут расколоть общество. Мы сказали ему, что не видим причин для этого; мы составляем меньшинство, и, если «Друзья» против мероприятия и забаллотируют нас, мы должны будем подчиниться и подчинимся, как это обычно бывает во всех обществах. Когда пришло время решать дело, вопрос был поставлен на голосование; он согласился, что по правилам мы можем уже голосовать, но так как он может заверить, что определенное число членов собиралось присутствовать, чтобы выступить против, то было бы справедливо немного подождать их.

Пока мы обсуждали все это, пришел слуга и сказал, что два джентльмена внизу желают поговорить со мной. Я спустился вниз и увидел там двух наших членов, квакеров. Они сказали мне, что восемь из них собралось рядом в таверне и что они решили прийти и голосовать с нами, если это будет нужно, но надеются, что дело не дойдет до этого; они выразили желание, чтобы мы не обращались к их помощи, если мы можем без нее обойтись, ибо если они будут голосовать за такое мероприятие, это может рассорить их с их старейшинами и друзьями. Таким образом, я мог быть уверенным в том, что нам будет обеспечено большинство. Поднявшись наверх, я после непродолжительного притворного колебания согласился подождать еще час. Мистер Моррис признал это весьма благородным поступком. К его величайшему удивлению, ни один из его друзей, противников

нашего мероприятия, не явился, и по истечении часа мы провели решение большинством в восемь голосов против одного; так как из двадцати двух квакеров восемь было готово голосовать с нами, а тринадцать продемонстрировало своим отсутствием нежелание противодействовать мероприятию, то впоследствии я считал, что среди квакеров количество искренних противников обороны выражалось соотношением – один к двадцати одному. Ибо все эти двадцать один человек были постоянными и уважаемыми членами общества и прекрасно знали о том, какое предложение выдвигалось на этом собрании.

Почтенный и образованный мистер Логен, член этой секты, написал обращение к ним, заявляя, что одобряет оборонительную войну, и подкрепил свое мнение многочисленными убедительными аргументами. Он вручил мне шестьдесят фунтов на лотерейные билеты для батареи с указанием полностью употребить их на это дело, каковы бы ни были цены. Говоря об обороне, он рассказал мне следующий анекдот о своем старом хозяине Вильяме Пенне. Молодым человеком мистер Логен приехал из Англии вместе с этим собственником в качестве его секретаря. Шла война, и их корабль подвергся преследованию вооруженного судна, как предполагалось – вражеского. Их капитан приготовился к защите, но Вильяму Пенну и его друзьям – квакерам он оказал, что не ожидает от них помощи и что они могут удалиться в каюту; так они все и сделали, за исключением Джемса Логена, который предпочел остаться на палубе и был поставлен к пушке. Предполагаемый враг оказался другом, так что сражения не произошло; но когда секретарь спустился вниз, чтобы сообщить это известие, Вильям Пенни стал сурово укорять его за то, что он остался на палубе и, вопреки принципам «Друзей», собирался помочь в защите судна, тем более что капитан даже не требовал этого. Секретаря обидел этот выговор, сделанный в присутствии всех остальных, и он ответил: «Ведь я твой слуга, почему же ты не приказал мне спуститься вниз? Но ты сам хотел, чтобы я остался и помог вести бой с судном, когда ты думал, что есть опасность».

На протяжении многих лет моей деятельности в собрании, большинство которого неизменно составляли квакеры, я часто имел возможность видеть, какие затруднения создавали для них их противовоенные принципы, когда по приказу короны им предъявлялось требование отпустить средства на военные цели. Они не решались ответить прямым отказом, чтобы не оскорбить правительство, и опасались проявить уступчивость, противоречащую их принципам, чтобы не вызвать недовольства своих «Друзей». Поэтому им приходилось прибегать к самым

различным уловкам, чтобы избежать уступок или замаскировать их, когда они были неизбежны. Наконец, вошло в обычай отпускать средства под прикрытием фразы «на нужды короля» и не справляться, на что они были потрачены.

Но эта фраза оказывалась непригодной, если требование исходило не непосредственно от короны: в таких случаях приходилось придумывать что-нибудь другое. Так, когда был нужен порох (кажется, для гарнизона в Луисбурге) и правительство Новой Англии, поддержанное в Палате губернатором Томасом, запросило его у Пенсильвании, квакеры не могли отпустить деньги на покупку пороха, так как это военное средство, но голосовали за помощь Новой Англии в размере трех тысяч фунтов, которые должны были быть вручены губернатору и употреблены на закупку хлеба, муки, пшеницы «или другого зерна». Некоторые члены совета, желая создать еще большие затруднения для Палаты, советовали губернатору не принимать этих средств, так как это не то, что он просил; но он ответил: «Я возьму эти деньги, так как я хорошо понимаю, что они имеют в виду: *другое зерно* — это порох». Так он и поступил – купил порох, и квакеры против этого не возражали.

Когда в нашем обществе по борьбе с пожарами возникли опасения за успех предложенной нами лотереи, то, намекая на этот случай, я сказал моему другу мистеру Сингу, одному из членов общества: «Если нас постигнет неудача, давайте предложим купить на эти деньги пожарную машину; у квакеров не будет оснований возражать против этого; и тогда, если вы выдвинете в комиссию для этой цели меня, а я вас, мы купим большую пушку, которую, несомненно, можно назвать пожарной машиной». «Я вижу, – сказал он, – что благодаря долгому пребыванию в собрании вы многому научились; ваше двусмысленное предложение вполне может соперничать с их "пшеницей или другим зерном"».

В связи с этими затруднениями, которые испытывали квакеры вследствие того, что установили и провозгласили в качестве принципа, что никакая война не является законной, и впоследствии не могли без больших затруднений отказаться от уже провозглашенного принципа, хотя, возможно, и изменили свои взгляды в этом отношении, я хочу упомянуть о более благоразумном, как я думаю, поведении другой секты, а именно – дункеров. Я познакомился с одним из ее основателей, Майклом Уэлфаром, вскоре после ее возникновения. Он жаловался мне, что на них грубо клевещут фанатики других убеждений и обвиняют их в отвратительных действиях и принципах, которые им совершенно чужды. Я сказал ему, что так всегда бывает с новыми

сектами и что для прекращения подобных обвинений, мне кажется, им надо было бы опубликовать принципы своего верования и правила своей дисциплины. Он сказал, что у них уже выдвигалось такое предложение, но его отвергли по следующей причине: «Когда мы впервые объединились в общество, – сказал он, – Богу было угодно просветить наши умы, и мы увидели, что некоторые доктрины, считавшиеся правильными, являются заблуждением, а другие, которые мы считали заблуждением, являются истинной правдой. Ему было угодно время от времени еще просвещать нас, и наши принципы совершенствовались, а наши заблуждения уменьшались. Теперь мы не уверены, что находимся в конце этого пути и достигли полного совершенства духовного или теологического знания, и мы опасаемся, что если мы опубликуем наше вероисповедание, то будем чувствовать себя как бы связанными и ограниченными им и, наверное, не пожелаем дальнейшего совершенствования, а наши потомки тем более не пожелают этого, ибо будут считать то, что сделали их предки и основатели секты, чем-то священным и неизменным».

Вероятно, такая скромность со стороны секты является единственным примером в истории человечества, ибо каждая секта считает, что она обладает всей полнотой истины, а все остальные, отличающиеся от нее, всецело погрязли в заблуждениях. Их можно сравнить с человеком, путешествующим в туманную погоду: людей на некотором расстоянии перед собой он видит в тумане, а также всех, кто идет сзади и по сторонам; но вокруг себя он видит на небольшом расстоянии ясно, хотя в действительности он, так же как и все, окутан туманом. В последнее время квакеры, чтобы избежать подобного рода затруднений, постепенно начали отказываться от общественной деятельности в собрании и в магистратуре, предпочитая отказаться от своей власти, чем от своих принципов.

Соблюдая последовательность в изложении событий, я должен был бы еще раньше упомянуть, что в 1742 году я изобрел открытую печь для лучшего обогревания комнат при одновременной экономии топлива, так как впускаемый воздух обогревался при входе. Модель этой печи я подарил мистеру Роберту Грейсу, одному из моих старых друзей. У него был горн, и он занялся отливкой плит для этих печей, что оказалось весьма выгодным делом, так как спрос на них все возрастал. Чтобы повысить этот спрос, я написал статью, озаглавленную: *«Отчет о недавно изобретенных пенсильванских каминах, где подробно объясняется их конструкция и способ действия, доказывается их преимущество перед всеми другими способами обогревания комнат и рассматриваются и опровергаются все возражения, выдвинутые*

против их использования и т. д.»[16] Статья имела большой успех; губернатор Томас был так доволен описанной в ней конструкцией, что предложил мне патент на *исключительное право продавать камины в течение определенного времени, но я отказался из принципа, который всегда имел для меня большой вес в подобных случаях, а именно:* если мы охотно пользуемся большими преимуществами от чужих изобретений, то мы должны быть рады случаю послужить другим своим изобретением, и мы должны это делать бескорыстно и великодушно.

Но какой-то лондонский торговец скобяными изделиями, порядочно позаимствовав из моей статьи и переработав ее по-своему, сделав небольшие изменения в машине, которые скорее мешали ее действию, взял там на нее патент и, как я слышал, заработал себе на этом состояние. И это не единственный случай, когда другой получал патент на мое изобретение, хотя и не всегда с таким успехом; но я их никогда не оспаривал, ибо сам не имел желания извлекать выгоду из патентов и ненавидел споры. Применение этих каминов во многих домах в Пенсильвании и соседних с нею штатах давало и дает жителям большую экономию дров.

Глава IX

Так как мир был заключен и дела в ополчении закончились, я снова начал подумывать об учреждении академии. Я начал с того, что посвятил в свой план целый ряд энергичных друзей, многие из которых были членами Хунты. Затем я написал и опубликовал статью под заглавием *«Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании*[17]. Эту статью я бесплатно разослал всем наиболее влиятельным жителям; и, когда я мог считать, что их умы уже немного подготовлены ее чтением, я объявил подписку на открытие и содержание академии. Плата должна была вноситься по частям раз в год в течение пяти лет; распределив ее таким образом, я думал увеличить подписку. Так оно и случилось; собранная сумма, если память мне не изменяет, превышала пять тысяч фунтов.

В предисловии к этой статье я написал, что эти предложения исходят не от меня, а от неких *«проникнутых духом общественности джентльменов»,* избегая, таким образом, по мере возможности, согласно моему обычному правилу, выступать самому перед публикой в качестве автора какого-либо плана в ее пользу.

Подписчики, желая немедленно провести в жизнь этот проект, избрали из своей среды двадцать четыре доверенных и поручили мистеру Френсису, занимавшему тогда пост генерального прокурора, и мне составить основные правила управления академией, что было выполнено и подписано; было снято помещение и приглашены преподаватели; классы открылись, кажется, в том же 1749 году.

Скоро помещение оказалось слишком малым, так как количество учащихся быстро возрастало. Мы занялись поисками удобно расположенного участка земли, чтобы построить новое здание; в этот момент провидение послало нам уже построенное большое здание, которое при небольших перестройках могло послужить для нашей цели. Это было уже упоминавшееся здание, построенное слушателями мистера Уайтфилда; получили мы его следующим образом.

Нужно сказать, что так как пожертвования на постройку этого здания вносились различными сектами, попечители, которым должны были быть доверены земля и здание, назначались с большой осторожностью, чтобы не дать преимущества ни одной из сект; иначе это преимущество позволило бы со временем такой секте единолично располагать всем зданием вопреки первоначальному замыслу. Поэтому попечители назначались по

одному от каждой секты, а именно – один англиканец, один пресвитерианин, один баптист, один гернгутер и т. д.; вакансия в случае смерти одного из попечителей должна была замещаться посредством выборов из числа постоянных членов. Гернгутер чем-то не угодил своим коллегам, и после его смерти они решили не иметь больше никого из этой секты. Но это создало новую трудность: при очередных выборах надо было как-то предотвратить появление двух представителей от какой-либо одной секты.

Было предложено несколько лиц, и все они были отвергнуты по указанной причине. Наконец, кто-то назвал меня, заметив, что я просто честный человек и не принадлежу *ни к какой секте;* это убедило их избрать меня. Энтузиазм, с которым строилось здание, давно остыл, и попечители уже не могли изыскивать новые пожертвования, чтобы уплачивать земельную ренту и расквитаться с некоторыми другими долгами, сделанными в связи с постройкой, что их очень беспокоило. Поскольку теперь я был членом обоих попечительских советов (и здания и академии), я имел полную возможность посредничать между этими двумя советами и привел их, наконец, к соглашению; попечители здания уступали его академии, которая обязывалась заплатить долги, содержать в здании согласно первоначальному замыслу большой холл, всегда открытый для случайных проповедников, а также бесплатную школу для детей бедняков.

Соответствующие документы были составлены, и, уплатив долги, попечители академии вступили во владение помещением; большой и высокий холл был разделен перегородками на два этажа и на комнаты для нескольких классов наверху и внизу, был куплен дополнительный участок земли, и, таким образом, все было приспособлено для нашей цели, и учащиеся перешли в это здание. На меня легли все трудности и заботы по найму рабочих, покупке материалов и наблюдению за работами; я тем более охотно брался за все это, что это не мешало тогда моему частному предприятию, так как за год до того я взял очень способного, трудолюбивого и честного партнера, мистера Давида Холла, которого я хорошо знал, так как он четыре года работал для меня. Он снял с меня все заботы о типографии и аккуратно выплачивал мне мою долю доходов. Это партнерство продолжалось восемнадцать лет и было успешным для нас обоих.

Через некоторое время грамотой губернатора попечители академии были признаны легальным обществом, их фонды возросли за счет пожертвований в Британии и земельных дарений собственников, к которым впоследствии сделало значительное добавление собрание. Так был учрежден теперешний

Филадельфийский университет.

Я продолжаю, вот уже почти сорок лет, быть одним из его попечителей; за эти годы я имел величайшее удовольствие видеть, как многие молодые люди, получившие образование в этом университете, развили свои способности, выдвинулись на поприще полезной общественной деятельности и стали украшением своей страны.

Когда я освободился от забот о своем частном предприятии – о чем я уже говорил выше, – у меня появилась отрадная надежда, что приобретенное мной скромное, но достаточное состояние позволит мне пользоваться досугом для философских занятий и развлечений в продолжении оставшихся мне лет жизни. Я купил всю аппаратуру у доктора Спенса, приехавшего из Англии, чтобы читать лекции в Филадельфии, и вскоре я достиг значительных успехов в моих опытах над электричеством; но общественность, считая меня досужим человеком, завладела мною для своих целей: каждый орган нашего гражданского управления возложил на меня какие-либо обязанности, причем все это делалось почти одновременно. Губернатор сделал меня членом комиссии по заключению мира; городская корпорация избрала меня членом коммунального совета, а вскоре за этим – членом городской управы; граждане ряда округов избрали меня своим представителем в собрании. Последняя должность была самой приятной для меня, так как мне, наконец, надоело сидеть там и слушать дебаты, в которых я, как секретарь, не мог участвовать и которые часто были такими неинтересными, что мне приходилось развлекаться рисованием магических квадратов или кругов, или делать еще что-нибудь, чтобы избавиться от скуки; и я считал, что, став членом собрания, я буду иметь больше возможностей делать добро. Я не хочу сказать, что все это возвышение не льстило моему честолюбию; конечно, я был весьма польщен.

Если принять во внимание, что я начал с самых низших ступеней, это было большим успехом, тем более приятным, что успех этот являлся широким непринужденным проявлением благоприятного общественного мнения, не вызванным никакими претензиями с моей стороны.

Одно время я немного занимался исполнением своих обязанностей в качестве мирового судьи, посещая некоторые судебные заседания, где, сидя на скамье, слушал дела; но, обнаружив, что для достойной работы на этом посту необходимо лучше знать обычное право, чем я его знал, я постепенно отошел от этого дела, оправдываясь обязанностью выполнять более высокие задачи законодателя в собрании. На этот пост меня избирали ежегодно в течение десяти лет, причем я ни разу не

попросил ни одного избирателя голосовать за меня и никогда, ни прямо, ни косвенно, не выражал желания быть избранным. После того как я стал членом Палаты представителей, секретарем стал мой сын.

В следующем году, когда дело шло о заключении договора с индейцами в Карлиле, губернатор обратился к Палате с посланием, предлагая ей назначить несколько своих членов, которые вместе с некоторыми членами совета должны были стать комиссарами для заключения договора. Палата выделила спикера (мистера Норриса) и меня, и мы, облеченные полномочиями, отправились в Карлиль, где встретились с индейцами.

Так как эти люди питают огромное пристрастие к спиртным напиткам, а в пьяном виде сварливы и необузданны, мы строго запретили продавать им спиртные напитки; когда они стали жаловаться на это запрещение, мы сказали им, что, если они продержатся трезвыми в течение переговоров, мы дадим им много рома после завершения дела. Они обещали это и сдержали свое обещание, так как не могли достать спиртных напитков.

Переговоры прошли очень спокойно и были завершены к обоюдному удовлетворению. Тогда они потребовали и получили ром. Это было в полдень, их было около ста человек – мужчин, женщин и детей, они разместились во временных шалашах, расположенных в форме квадрата, невдалеке от города. Вечером, услышав, что они подняли большой шум, комиссары вышли посмотреть, в чем дело. Мы увидели, что они развели большой костер в середине квадрата; все они, мужчины и женщины, были пьяны, ссорились и дрались. Их полуобнаженные темные тела мелькали вокруг, освещенные лишь тусклым светом костра; они гонялись друг за другом, наносили друг другу удары головешками под аккомпанемент ужасных воплей – все это составляло сцену, очень похожую на наши представления об аде; буйство не утихало, и мы вернулись в наше помещение. В полночь индейцы начали барабанить в нашу дверь, требуя еще рома, но мы не обратили на это внимания.

На следующий день, чувствуя, что они провинились, доставив нам беспокойство, они прислали к нам для извинений трех старых советников. Один из них произнес речь, в которой признал вину, но возложил ее на ром, а затем попытался извинить ром, сказав: «Великий дух, сотворивший все существующее, создал каждую вещь для какой-нибудь пользы, и вещь должна использоваться для того, для чего она предназначена. Когда же он сотворил ром, он сказал: "Да будет он для того, чтобы индейцы им напивались". Так оно и должно быть». И действительно, если провидению было угодно

уничтожить этих дикарей, чтобы освободить место для земледельцев, то ром был бы, по всей вероятности, самым подходящим средством для этого. Он уже привел к гибели все племена, населявшие раньше морское побережье.

В 1751 году доктор Томас Бонд, мой близкий друг, задумал основать в Филадельфии больницу для содержания и лечения больных бедняков, будь то жители провинции или чужеземцы. Это весьма благодетельное намерение было приписано мне, но в действительности исходило первоначально от него. Он усердно и деятельно пытался собрать взносы по подписке, но, поскольку такое предложение было в Америке новостью и вначале не было хорошо понято, он не имел большого успеха.

Наконец, он пришел ко мне с любезным заявлением, что он убедился в невозможности провести в жизнь какой-либо проект, направленный на пользу общества, без моего участия. «Ибо те, – сказал он, – к кому я обращаюсь с предложением сделать взнос, часто спрашивают меня: "вы советовались по этому делу с Франклином? Что он думает об этом?" И когда я отвечаю им – нет, полагая, что это не по вашей части, они не подписываются и говорят, что еще подумают об этом». Я расспросил о содержании его проекта и пользе, которую он может принести, и, получив от него вполне удовлетворительное объяснение, не только подписался сам, но и ревностно занялся сбором подписей среди населения. Предварительно, однако, я постарался подготовить для этого умы людей, написав в газетах об этом вопросе, что я обычно делал в подобных случаях и чего не сделал доктор Бонд.

После этого публика стала подписываться охотнее и на более крупные суммы; но скоро подписка снова начала ослабевать, и я увидел, что взносов не хватит без некоторой помощи со стороны собрания. Поэтому я предложил подать петицию об этом, что и было сделано. Представителям сельских местностей проект сначала не понравился. Они утверждали, что он применим только в городе и поэтому платить за него должны только горожане; к тому же они выражали сомнение, что его одобрят и все горожане.

Мое заявление, что проект встретил одобрение и мы, без сомнения, можем получить две тысячи фунтов по добровольным взносам, они сочли фантастическим и совершенно нереальным предположением.

В ответ на это я составил свой план и попросил разрешения внести билль о создании корпорации жертвователей соответственно их просьбе, выраженной в петиции, и выдаче им необходимой суммы денег; это разрешение было дано в основном из того соображения, что Палата может отвергнуть билль, если он

ей не понравится; но я составил билль так, что основная его статья была условной, а именно: «Да будет постановлено вышеуказанными властями, что когда означенные жертвователи соберутся и изберут своих управителей и казначея *и когда их пожертвования составят основной капитал в две тысячи фунтов* (ежегодный процент от которого должен употребляться на устройство больных в означенную больницу, на питание, уход, медицинские консультации и лекарства), *и если наличный в то время спикер ассамблеи сочтет,* что это может и будет считаться законным с его стороны, то означенный спикер должен подписать приказ казначею провинции о выплате двух тысяч фунтов двумя годичными платежами казначею больницы на закладку фундамента, постройку и завершение здания».

Благодаря этому условию билль прошел, так как члены, выступавшие против него, поняли теперь, что могут прослыть милосердными без всяких затрат, и согласились на его принятие. Тогда, обращаясь за подпиской к населению, мы усердно использовали условное обещание закона как дополнительный мотив для пожертвований, пока взносы каждого не удвоились; таким образом, этот пункт билля сослужил нам двойную службу. В результате подписка скоро принесла необходимую сумму, и мы потребовали и получили общественный дар, который позволил нам привести план в исполнение. Вскоре было построено удобное и красивое здание. Опыт показал, что это учреждение полезно; оно процветает до сего дня. Среди всех моих политических маневров я не помню ни одного, успех которого доставил бы мне большее удовольствие, и ни одного, в котором бы я, вспоминая о нем впоследствии, так легко простил себе применение некоторой хитрости.

Примерно в то же время автор другого проекта, достопочтенный Джилберт Теннент, пришел ко мне с просьбой помочь ему в организации подписки на сооружение нового дома для религиозных собраний. Это помещение предназначалось для нужд конгрегации, которую он собрал из пресвитериан, бывших ранее последователями мистера Уайтфилда. Я решительно отказался, не желая вызвать против себя недовольство моих сограждан слишком частым выпрашиванием их пожертвований. Тогда он попросил, чтобы я дал ему список лиц, которых я по своему опыту знаю как людей щедрых и проникнутых духом общественности. Я счел для себя неподобающим, после того как они великодушно откликнулись на мой призыв, подвергнуть их назойливости других просителей и поэтому отказался дать такой список. Наконец, он пожелал, чтобы я по крайней мере дал ему добрый совет. «Это я сделаю охотно, – сказал я. – Я советую вам

прежде всего обратиться к тем, о которых вы знаете, что они дадут что-нибудь; затем к тем, в отношении которых вы не уверены, дадут они или нет, и покажите им список тех, которые уже дали; наконец, не пренебрегайте и теми, относительно которых вы уверены, что они ничего не дадут, ибо в некоторых из них вы можете ошибиться». Он рассмеялся, поблагодарил меня и сказал, что последует моему совету. Так он и сделал, ибо просил у всех; и он получил гораздо большую сумму, чем ожидал. На эту сумму он построил просторный и весьма элегантный дом собраний, который стоит на Арч-стрит.

Наш город, прекрасно и правильно расположенный, с широкими и прямыми улицами, пересекающими друг друга под прямым углом, позорно мирился с тем, что эти улицы долгое время оставались немощеными; в мокрую погоду колеса тяжелых экипажей превращали их в трясину, так что трудно было их перейти, а в сухую погоду прохожих одолевала пыль. Я жил около рынка Джерси Маркит и с болью в сердце видел, как жители, покупая провизию, вязнут в грязи. Наконец, была вымощена кирпичом полоска земли посредине рынка; таким образом, попав на рынок, люди имели под ногами твердую почву; но часто до этого они утопали по щиколотку в грязи. Я говорил и писал об этом и, наконец, добился того, что был вымощен камнем участок улицы перед рынком, между кирпичными тротуарами, проходившими вдоль домов по обе стороны улицы. Это на некоторое время позволило проходить на рынок, не замочив ног; но так как остальная часть улицы не была вымощена, то, когда экипаж выезжал из грязи на мостовую, он стряхивал здесь всю грязь, и скоро мостовая оказывалась покрытой грязью, которую не удаляли, так как в городе еще не было чистильщиков улиц.

После некоторых расспросов я нашел бедного трудолюбивого человека, который согласился содержать мостовую в чистоте, подметая ее два раза в неделю и убирая грязь перед всеми соседними дверями за шесть пенсов в месяц от каждого дома. Тогда я написал и напечатал статью, где обрисовал жителям нашего квартала выгоды, которые могут быть получены за столь малую плату: нам будет легче содержать наши дома в чистоте, ибо на ногах будет приноситься меньше грязи, повысятся доходы лавок в связи с увеличением количества покупателей, которые легче смогут добраться до них, а также благодаря тому, что в ветреную погоду пыль не будет садиться на товары, и т. д. и т. п. Я послал по одной статье в каждый дом и через день или два стал обходить соседей, чтобы узнать, кто подпишет соглашение об уплате этих шести пенсов; оно было единодушно подписано и в течение некоторого времени хорошо выполнялось. Все жители

города были восхищены чистотой мостовой, окружавшей рынок, так как это было удобно всем. Это вызвало общее желание вымостить все улицы и расположило людей к уплате сбора для этой цели.

Через некоторое время я составил билль об устройстве в городе мостовой и внес его в собрание. Это было как раз перед моей поездкой в Англию в 1757 году, и билль прошел уже после моего отъезда, с изменением – мне кажется, не к лучшему – способа обложения; но зато были выделены дополнительные средства не только на мощение, но и на освещение улиц, что было большим улучшением. Мысль осветить весь город была впервые подана населению частным лицом – покойным мистером Джоном Клифтом, который продемонстрировал полезность освещения, повесив фонарь над своей дверью. Честь этого общественного благодеяния приписывали также и мне, но в действительности она принадлежала этому джентльмену. Я только последовал его примеру и могу претендовать лишь на ту заслугу, что изменил шаровидную форму фонарей, которые поставлялись нам из Лондона. Они оказались во многих отношениях неудобными: у них не было снизу доступа для воздуха и, следовательно, дым не легко выходил вверх, а циркулировал в шаре, оседая на его внутренней поверхности, и скоро затемнял свет, который фонари должны были давать; кроме того, их ежедневно нужно было чистить, и случайный удар мог разбить их и полностью вывести из строя. Поэтому я предложил делать фонари из четырех плоских стекол, с длинным дымоходом вверху для вытяжки дыма и с щелями, пропускающими снизу воздух для ускорения выхода дыма; благодаря этому они оставались чистыми и не затемнялись через несколько часов, как лондонские лампы, но сохраняли яркость до самого утра; случайный удар мог разбить только одно стекло, что легко поправимо.

Меня не раз удивляло, что пример употребляемых в Воксхолле фонарей, сохраняющих чистоту благодаря отверстиям на дне, не побудил лондонцев делать такие же отверстия в своих уличных фонарях. Но так как те отверстия делаются для другой цели, а именно для того, чтобы пламя сразу переходило на фитиль через свисающие сквозь них маленькие пучки льна, то, очевидно, при этом не было обращено внимание на пользу в другом отношении, а именно в связи с доступом воздуха, поэтому улицы Лондона через несколько часов, после того как зажигаются фонари, освещены очень плохо.

Говоря об этих усовершенствованиях, я хочу упомянуть и о том, которое я предложил, находясь в Лондоне, доктору

Фозергиллу – одному из лучших людей, которых я знаю, и большому поборнику полезных проектов. Я заметил, что в сухую погоду улицы никогда не подметались и легкая пыль *не* убиралась; ее накопление терпели до тех пор, пока дождливая погода не превращала ее в грязь; после того как эта грязь в течение нескольких дней настолько покрывала мостовую, что переходить улицу можно было только по узким дорожкам, которые бедняки расчищали лопатами, ее с трудом сгребали и сваливали в открытые сверху телеги, откуда комья грязи падали при каждом толчке, причем от этого часто страдали пешеходы.

Пыльные улицы не подметались якобы по той причине, что пыль могла проникнуть в окна домов и лавок. Одно случайное обстоятельство показало мне, как много можно подмести за короткое время. Однажды утром я увидел перед моей дверью на Кревен-стрит бедную женщину, подметавшую мостовую березовым веником; она была очень бледна и казалась такой слабой, как будто только оправилась от болезни. На мой вопрос, кто поручил ей подметать здесь, она ответила: «Никто, но я очень бедна и несчастна, и подметаю перед дверьми джентльменов в надежде, что они дадут мне что-нибудь». Я попросил ее подмести дочиста всю улицу и обещал дать ей шиллинг. Это было в девять часов; в полдень она пришла за шиллингом. По медлительности, которую я заметил сначала в ее работе, я с трудом мог поверить, что она сделала все так быстро, и послал своего слугу проверить это. Он доложил, что вся улица прекрасно выметена и пыль свалена в проходившую по середине улицы сточную канаву; первый же дождь совсем смыл ее, так что улица и даже канава были совершенно чисты.

Тогда я рассудил, что если слабая женщина могла подмести такую улицу за три часа, то сильный, энергичный мужчина может сделать это за вдвое меньшее время. Позвольте мне отметить здесь удобство иметь только одну сточную канаву посредине узкой улицы, вместо двух – по обе стороны, рядом с дорожкой для пешеходов. Ибо когда вся выпадающая на улице дождевая вода бежит с краев к середине, она превращается там в достаточно сильный поток, чтобы снести всю попадающуюся по дороге грязь; но если эта вода разделена на два русла, ее сила часто оказывается недостаточной, чтобы их очистить, и вода лишь разжижает встречающуюся грязь. Колеса экипажей и копыта лошадей разбрасывают эту слякоть по дорожке для пешеходов, которая становится грязной и скользкой, а иногда забрызгивают прохожих. Предложение, которое я сообщил доктору, сводилось к следующему:

«Для более эффективной чистки и содержания в чистоте улиц

Лондона и Вестминстера предлагается нанять несколько сторожей, чтобы они, каждый на нескольких улицах и переулках своей округи, выметали пыль в сухую погоду, а в дождь очищали грязь; их надо снабдить метлами и другими необходимыми для этой цели инструментами, которые должны храниться наготове в соответствующих местах и раздаваться беднякам, которых можно использовать для этой работы.

В сухие летние месяцы вся пыль должна сметаться в кучи на должном расстоянии, еще до того, как обычно открываются лавки и окна домов; затем чистильщики улиц должны вывозить ее в плотно закрытых телегах.

Счищенную грязь не следует оставлять в кучах, которые снова будут разноситься колесами экипажей и копытами лошадей; чистильщики должны быть снабжены телегами с кузовами, посаженными не высоко – на колесах, а низко – на полозьях, с решетчатым дном, покрытым соломой; такое дно удержит сваленную на него грязь и сделает возможным отток из нее воды; тем самым она станет намного легче, так как вода составляет основную ее тяжесть. Эти телеги должны располагаться на удобных расстояниях друг от друга, и грязь должна подвозиться к ним в тачках, они же будут оставаться на месте, пока грязь не подсохнет, а затем следует приводить лошадей, чтобы увезти их».

Впоследствии у меня возникли сомнения в возможности повсеместного осуществления последней части предложения из-за узости некоторых улиц и трудности так поставить сани, чтобы они не очень загромождали проход; но я до сих пор считаю, что в первой части предложения требование подметать и увозить пыль до открытия лавок – очень практично в длинные летние дни; так, проходя однажды в семь часов утра по Стрэнд и Флит-стрит, я заметил, что еще не открыта ни одна лавка, хотя было светло и солнце взошло уже три часа тому назад; нередко высказываемое недовольство пошлиной на свечи и дороговизной жира жителями Лондона, которые добровольно предпочитают жить при свете свечей и спать при солнечном, звучит довольно-таки абсурдно.

Некоторые могут сказать, что все это пустяки, о которых не следует вспоминать или рассказывать; но если они поразмыслят, что хотя пыль, попавшая в ветреный день в глаза одному человеку или в одну лавку, не имеет большого значения, то большое число таких случаев в населенном городе и частое их повторение придают этой мелочи вес и значительность; тогда, может быть, они не будут так сурово критиковать тех, кто уделяет некоторое внимание столь низменным по внешнему виду делам. Человеческое счастье создается не столько большими удачами,

которые случаются редко, сколько небольшими каждодневными улучшениями. Так, если вы научите бедного молодого человека бриться самому и содержать свою бритву в порядке, вы можете сделать гораздо больше для его счастья в жизни, чем если бы вы дали ему тысячу гиней. Эта сумма может быть скоро израсходована и останется только сожаление по поводу того, что деньги так глупо растрачены, а в первом случае он избавится от частого раздражения в ожидании цирюльника, от их иногда грязных пальцев, зловонного дыхания и тупых бритв; он сможет бриться тогда, когда ему это удобно, и каждый день будет иметь удовольствие делать это хорошим инструментом. С такими мыслями я осмелился написать предыдущие страницы, в надежде, что из них могут быть почерпнуты сведения, которые окажутся полезными сейчас или когда-нибудь в будущем для города, который я люблю, прожив в нем очень счастливо много лет, а может быть, и для иных наших городов в Америке.

В течение некоторого времени я состоял на службе у главного почтмейстера Америки в качестве инспектора. В мои обязанности входило наблюдение над несколькими конторами и получение отчетов чиновников. После его смерти, последовавшей в 1753 году, я был назначен, по указанию генерального почтмейстера Англии, вместе с мистером Вильямом Гантером, его преемником. До этого времени американская почта ничего не платила британской. Мы должны были располагать шестьюстами фунтами на двоих, если смогли бы извлечь их из доходов почты. Для получения этой суммы потребовалось ввести всевозможные усовершенствования; некоторые из них вначале неизбежно оказались дорогими, так что за первые четыре года почта задолжала нам около девятисот фунтов. Но скоро она начала выплачивать этот долг, и к тому времени, как я был смещен по капризу министров, о чем я буду говорить позже, мы добились того, что почта давала короне *в три раза* больше чистого дохода, чем почта Ирландии. После же этого неблагоразумного поступка они не получили от нее ни одного фартинга!

В том же году мне случилось по делам почты поехать в Новую Англию, где Кэмбриджский колледж по собственной инициативе наградил меня степенью магистра искусств. Перед этим такую же честь оказал мне Йельский колледж в Коннектикуте. Так, не учившись ни в одном колледже, я стал пользоваться их почестями. Эти почести оказаны мне за мои усовершенствования и открытия в области натурфилософии, занимающейся изучением электричества.

Глава X

В 1754 году ввиду снова ожидавшейся войны с Францией в Олбени должен был по распоряжению парламента собраться Конгресс уполномоченных различных колоний совместно с главами Шести племен для совещания о средствах защиты наших и индейских земель. Губернатор Гамильтон, получив этот приказ, ознакомил с ним Палату представителей, прося выделить необходимые по этому случаю подарки для индейцев и назначил уполномоченными меня и спикера (мистера Норриса); мы должны были вместе с мистером Джоном Пенном и секретарем мистером Петерсом представлять на Конгрессе Пенсильванию. Палата одобрила назначение и доставила товары для подарков, хотя ее члены не очень любят угощать кого бы то ни было за пределами своей провинции; мы встретились с другими комиссарами в Олбени около середины июня.

По дороге туда я задумал и составил план объединения всех колоний под одним правительством, насколько это необходимо для обороны и других важных общих задач. Когда мы были проездом в Нью-Йорке, я показал мой проект мистеру Джемсу Александеру и мистеру Кеннеди, двум джентльменам с большими познаниями в общественных делах; получив их одобрение, я осмелился предложить его Конгрессу. Оказалось, что несколько уполномоченных составили подобные же планы. Сначала был поставлен предварительный вопрос, следует ли учредить союз, на что единодушно был дан утвердительный ответ. Затем назначили комиссию, в которую вошло по одному члену от каждой колонии, для рассмотрения различных планов и составления отчета. Мой проект был признан наилучшим и с небольшими поправками был соответственно доложен Конгрессу.

По этому плану общее правительство должно было возглавляться генеральным председателем, назначаемым короной; средства на его содержание также должны были отпускаться короной. Представители населения различных колоний должны были на соответствующих собраниях избирать большой совет. Дебаты об этом велись в Конгрессе ежедневно, параллельно с обсуждением индейских дел. План встретил много возражений и затруднений, но наконец, все они были преодолены, и план был единодушно принят; копии его было указано разослать Торговой палате и собраниям всех провинций. Судьба его весьма любопытна: собрания не приняли его, считая, что в нем слишком много *привилегий,* а в Англии его сочли слишком *демократичным.* Поэтому Торговая палата не одобрила

его и не рекомендовала к одобрению его величества. Вместо этого был составлен другой план, якобы более соответствующий той же самой цели. Согласно новому плану губернаторы провинций вместе с несколькими членами своих советов должны были собраться, чтобы распоряжаться набором войск, постройкой фортов и т. д. Деньги на все эти расходы они могли получать из казначейства Великобритании с тем, чтобы впоследствии возместить их с помощью налога на Америку, утвержденного парламентом. Мой план с аргументами в его защиту можно найти среди моих напечатанных политических статей.

Зимой следующего года, находясь в Бостоне, я много беседовал с губернатором Ширли об обоих планах. Содержание наших бесед частично отразилось в этих статьях. Разнообразие и противоречивость возражений против моего плана заставляют меня предположить, что он действительно был правильным средством, и я до сих пор считаю, что, если бы он был принят, это было бы счастьем и для Англии и для Америки. Объединенные таким образом колонии были бы достаточно сильны, чтобы защитить себя; тогда не было бы необходимости присылать войска из Англии, и, конечно, мы избежали бы последующего предлога для обложения Америки налогами и порожденного этим кровавого спора. Но такие ошибки не новы; история полна заблуждениями государств и монархов.

Взгляни на этот мир: как мало тех, кто знает, в чем благо их, иль, зная то, достичь его умеет.

Те, кто правит, как правило, не любят сверх своих многочисленных дел брать на себя труд рассматривать и проводить в жизнь новые проекты. Самые лучшие общественные меры редко *принимаются в результате предварительного мудрого размышления; обычно они диктуются обстоятельствами.*

Посылая проект в собрание, губернатор Пенсильвании отозвался о нем одобрительно, сказав, что «по его мнению, план составлен весьма ясно и с большой силой суждения. Поэтому он заслуживает самого пристального и серьезного внимания со стороны собрания». Но Палата, по инициативе одного из ее членов, поставила его на рассмотрение в мое отсутствие, что я нашел не очень благородным, и, к моей немалой обиде, отвергла его, не уделив ему никакого внимания.

В этом же году, проездом в Бостон, я встретился в Нью-Йорке с только что прибывшим туда из Англии нашим новым губернатором мистером Моррисом, которого я хорошо знал раньше. Он приехал с полномочием заменить мистера Гамильтона, который вышел в отставку, устав вести споры, в которые его вовлекали инструкции собственников. Мистер

Моррис спросил меня, не думаю ли я, что его ожидает беспокойное управление. Я сказал: «Нет, напротив, у вас будет очень спокойное управление, если вы остережетесь вступать в какие-либо споры с собранием».

«Мой дорогой друг, – сказал он шутливым тоном, – как вы можете советовать мне избегать диспутов? Вы знаете, что я люблю спорить, это одно из самых больших моих удовольствий; но, чтобы показать, насколько я ценю ваш совет, я обещаю вам, что буду по возможности избегать этого». У него были основания любить споры, так как он был умным, красноречивым софистом и поэтому обычно имел успех в диспутах. Он был подготовлен к этому полученным воспитанием, ибо его отец, как я слышал, любил, оставаясь за столом после обеда, заставлять своих детей ради собственного развлечения вести друг с другом дискуссии. Но я считаю, что это было неразумно, так как, по моим наблюдениям, такие умело дискутирующие, всем противоречащие и все опровергающие люди обычно бывают несчастливы в своих делах. Они иногда одерживают победу, но никогда не завоевывают доброжелательного отношения, которое было бы им гораздо полезней. Мы расстались: он отправился в Филадельфию, а я в Бостон.

На обратном пути я встретился в Нью-Йорке с членами собрания Пенсильвании, от которых узнал, что он, несмотря на данное мне обещание, уже вступил в острую борьбу с Палатой; борьба эта длилась непрерывно все время, пока он оставался у власти. В ней принял участие и я, ибо, как только я вновь занял свое место в собрании, меня избирали в каждую комиссию, отвечавшую на его речи и послания, а комиссии поручали мне составлять ответ. Наши ответы, точно так же как и его послания, были часто едкими и иногда до неприличия бранными, и так как он знал, что от имени собрания писал я, то можно было бы подумать, что при встрече нам трудно будет удержаться, чтобы не перерезать друг другу горло. Но он был такой добродушный человек, что эта борьба не порождала между нами никаких личных раздоров, и мы часто вместе обедали.

Однажды в полдень, в самый разгар этой публичной ссоры, мы встретились на улице. «Франклин, – сказал он, – вы должны пойти ко мне домой и провести со мной вечер; у меня будет компания, которая вам понравится», – и, взяв меня под руку, он направился к своему дому. После ужина во время веселого разговора с вином он шутливо сказал мне, что его восхищает мысль Санчо Панса, который, когда ему предложили губернаторство, пожелал иметь подданными *чернокожих,* чтобы он мог их продать, если с ними не уживется. Один из его друзей,

сидевший рядом со мной, сказал: «Франклин, почему вы продолжаете выступать за этих проклятых квакеров? Не лучше ли было бы продать их? Собственник дал бы вам хорошую цену». «Губернатор, – сказал я, – еще недостаточно их *очернил*». Он действительно во всех своих посланиях всячески старался очернить собрание, но оно вытирало краску так же быстро, как он ее накладывал, и в свою очередь густо мазало ею лицо губернатора; наконец, заметив, что скоро его самого превратят в негра, он, как и мистер Гамильтон, почувствовал усталость от этой борьбы и удалился со своего поста.

По сути дела эти публичные ссоры происходили из-за собственников, наших наследственных правителей, которые, когда нужно было нести какие-либо расходы по защите их провинции, поручали с невероятной низостью своим представителям не пропускать ни одного акта, устанавливающего необходимые налоги, если в этом акте не освобождались специальной оговоркой от налогов их обширные поместья; они даже налагали на своих представителей формальное обязательство соблюдать эти инструкции. Собрания в течение трех лет выступали против этой несправедливости, но вынуждены были смириться. Наконец, капитан Денни, преемник губернатора Морриса, осмелился не подчиниться этим инструкциям; о том, как это произошло, я расскажу после.

Но я забегаю вперед; нужно еще упомянуть о некоторых делах, происшедших во время управления губернатора Морриса.

Правительство бухты Массачусетс, поскольку война с Францией уже фактически началась, задумало атаку на Краун Пойнт и послало за помощью мистера Куинси в Пенсильванию, а мистера Паунолла, впоследствии губернатора, в Нью-Йорк. Так как я был членом собрания, знал его нравы и был земляком мистера Куинси, то он попросил меня помочь ему своим влиянием. Я зачитал в собрании его обращение, которое было хорошо принято. Они проголосовали за помощь в размере десяти тысяч фунтов, которые должны были быть истрачены на провиант. Но губернатор отказался утвердить их билль (включавший наряду с этой также и другие суммы, выделенные на нужды короны), если не будет внесен пункт, освобождающий имение собственника от всякой доли в необходимом налоге; собрание при всем своем желании сделать дар Новой Англии не знало, как это осуществить. Мистер Куинси упорно добивался согласия губернатора, но тот упрямо стоял на своем.

Тогда я предложил способ обойтись без губернатора в этом деле: дать ордера, что собрание по закону имело право сделать, на попечителей заемной конторы. Впрочем, в это время в конторе

почти совсем не было денег, и поэтому я предложил, чтобы ордера были оплачены в течение одного года и давали пять процентов роста. Я полагал, что на эти ордера можно будет легко закупить провиант. После весьма непродолжительного колебания собрание приняло это предложение. Ордера были немедленно напечатаны, и я был избран членом комиссии, учрежденной для того, чтобы подписывать их и ими распоряжаться. Фонд для их оплаты составлялся из процента со всего бумажного обращения, наличного в то время в провинции по займу, вместе с доходом от акциза. Таким образом, было известно, что фонд более чем достаточен, и ордера приобрели доверие. Их не только принимали в уплату за провиант, но многие богатые люди, имевшие наличные деньги, вкладывали их в эти ордера, считая это выгодным, так как, пока они были на руках, на них нарастали проценты, а в любой момент они могли быть использованы в качестве денег. Таким образом, они быстро раскупались, и через несколько недель уже нельзя было достать ни одного ордера. Так благодаря предложенному мной средству было завершено это важное дело. Мистер Куинси отблагодарил собрание в изящной петиции; он уехал домой, очень довольный успехом своего посольства и всегда после этого питал ко мне самые сердечные и нежные дружеские чувства.

Британское правительство не желало допустить объединения колоний в той форме, в какой оно предлагалось в Олбени, и доверить этому союзу его собственную защиту, ибо колонии могли вследствие этого стать слишком воинственными и почувствовать свою силу; к тому же оно относилось к ним в это время подозрительно и ревниво, и потому послало за океан генерала Брэддока с двумя полками регулярных английских войск. Он высадился у Александрии в Виргинии и оттуда прошел маршем к Фредериктауну в Мериленде, где остановился в ожидании транспорта. Наше собрание, узнав из некоторых источников, что Брэддок питает против собрания сильное предубеждение вследствие отрицательного отношения последнего к военной службе, пожелало, чтобы я посетил Брэддока, но не от имени собрания, а в качестве генерального почтмейстера под предлогом урегулирования с ним способа наиболее быстрого и верного обмена депешами между ним и губернаторами различных провинций, с которыми он, несомненно, должен был установить постоянную переписку. Собрание предложило оплатить мне расходы, связанные с этой поездкой. Мой сын сопровождал меня.

Мы застали генерала в Фредериктауне, нетерпеливо ожидающим возвращения тех, кого он послал собирать фургоны в

отдаленные части Мериленда и Виргинии. Я пробыл с ним несколько дней, ежедневно обедал с ним и имел полную возможность устранить его предубеждение, информировав его о том, что действительно сделало собрание перед его приездом и намеревалось сделать в будущем, чтобы облегчить его действия. Когда я собирался уезжать, был получен рапорт об ожидаемых фургонах; оказалось, что их было всего двадцать пять и не все они были пригодны. Генерал и все офицеры были удивлены; они заявили, что продолжать экспедицию невозможно, и возмущались министрами, по невежеству пославшими их в страну, лишенную средств транспортировки припасов, багажа и т. д., для чего нужно было по меньшей мере сто пятьдесят фургонов.

Мне случилось высказать сожаление, что они не высадились в Пенсильвании, так как в этой местности дочти каждый фермер имеет свой фургон. Генерал жадно ухватился за мои слова и сказал: «Сэр, тогда вы, как человек влиятельный в той провинции, могли бы, вероятно, раздобыть их для нас; и я прошу вас взяться за это». Я спросил его, какие условия следует предложить владельцам фургонов, и мне было предложено самому написать те условия, которые я считаю необходимыми. Я это сделал, они согласились с ними, и немедленно были заготовлены соответствующие полномочия и инструкции. Каковы были эти условия, можно увидеть из объявления, опубликованного мной немедленно по прибытии в Ланкастер; поскольку оно представляет некоторый интерес по вызванному им большому и внезапному эффекту, то я привожу его здесь со всеми подробностями.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ланкастер, 26 апреля 1753 г.

Поскольку войскам его величества, собирающимся у Уиллс-Крик, необходимы сто пятьдесят фургонов с четырьмя лошадьми на каждый и тысяча пятьсот вьючных или верховых лошадей и поскольку его превосходительству генералу Брэддоку было угодно уполномочить меня заняться заключением контрактов для найма оных, я извещаю, что буду для этой цели ожидать в Ланкастере с сегодняшнего дня до вечера следующей среды и в Нью-Йорке с утра следующего четверга до вечера пятницы, где я буду готов договариваться о фургонах и упряжках или отдельных лошадях на следующих условиях: 1) Каждый фургон с четырьмя лошадьми и погонщиком будет оплачиваться по пятнадцати шиллингов в день; каждая годная лошадь с вьючным или другим седлом и прочими принадлежностями – по два шиллинга в день; каждая годная лошадь без седла – по восемнадцати пенсов в день.

2) Оплата начинается с момента их присоединения к войскам у Уиллс-Крик, что должно произойти 20 мая или раньше; вдобавок выплачивается удовлетворительное содержание на совершение пути до Уиллс-Крик и обратно после увольнения. 3) Каждый фургон и упряжка, каждая верховая или вьючная лошадь должны быть оценены беспристрастными лицами, избранными мною и их владельцем; в случае утраты на службе какого-либо фургона, упряжки или лошади должна быть установлена и выплачена сумма, соответствующая означенной оценке. 4) Владельцу каждого фургона и упряжки или лошади при заключении контракта авансируется семидневная плата и выплачивается мною по требованию наличными; остаток выплачивается генералом Брэддоком или кассиром армии в день увольнения или частями по мере затребования. 5) Ни один из погонщиков фургонов или лиц, ухаживающих за нанятыми лошадьми, ни в коем случае не может быть призван к выполнению долга солдата или использован иначе, чем для сопровождения их экипажей и лошадей или ухода за ними. 6) Весь овес, маис или другой фураж, который фургоны или лошади доставят в лагерь сверх количества, необходимого для пропитания лошадей, должен быть взят на нужды армии и оплачен по приемлемой цене.

Замечание. Мой сын, Вильям Франклин, уполномочен заключать подобные контракты с любым лицом в округе Кемберленд.

Б. Франклин»

«ЖИТЕЛЯМ ОКРУГОВ ЛАНКАСТЕР. ЙОРК И КЕМБЕРЛЕНД

Друзья и соотечественники,

Случайно попав несколько дней тому назад в лагерь у Фредериктауна, я узнал, что генерал и офицеры крайне раздосадованы тем, что их не снабдили лошадьми и транспортом, ожидаемыми от этой провинции, как наиболее способной поставить их; из-за распрей между нашим губернатором и собранием не были выделены деньги, а также не было предпринято ни одного шага для поставок. Предполагалось немедленно послать в эти округа вооруженный отряд, чтобы захватить столько лучших фургонов и лошадей, сколько необходимо, и принудить к службе столько людей, сколько нужно для того, чтобы править ими и ухаживать за ними.

Я боялся, что в таких условиях продвижение британских солдат через эти округа, особенно если учесть их настроение и их возмущение против нас, будет сопровождаться многими серьезными неудобствами для населения, и поэтому я охотно взял на себя труд попробовать сначала, что может быть

достигнуто честными и справедливыми средствами. Население этих отдаленных округов еще недавно жаловалось собранию, что в стране недостаточное денежное обращение; теперь у вас есть возможность получить и разделить между собой весьма значительную сумму денег, ибо если служба в этой экспедиции продлится сто двадцать дней, – а это более чем вероятно, – то плата за фургоны и лошадей превысит тридцать тысяч фунтов, которые будут вам выплачены серебром и золотом в королевских деньгах.

Служба будет незначительной и легкой, ибо армия едва ли будет делать более двенадцати миль в день и фургоны и вьючные лошади, несущие на себе вещи, совершенно необходимые для благосостояния армии, должны передвигаться вместе с армией и не быстрее; ради блага армии они будут всегда – на марше или в лагере – занимать самые безопасные места.

Если вы действительно, как я надеюсь, добрые и верные подданные его величества, вы можете сейчас оказать весьма желательную услугу и в то же время облегчить ее для себя: три или четыре человека, которые не в состоянии каждый в отдельности выделить из своего хозяйства на плантации один фургон, четырех лошадей и погонщика, могут объединиться: один поставит фургон, другой – одну или двух лошадей, третий – погонщика, а плату вы можете распределить между собой пропорционально. Но если вы, когда вам предлагается такая хорошая плата и выгодные условия, не окажете добровольно вашему королю и стране эту услугу, то ваша лояльность будет под большим подозрением. Дело короля должно быть сделано; столь многочисленные храбрые войска, прибывшие издалека для вашей защиты, не могут бездействовать из-за вашего нежелания сделать то, что от вас разумно ожидается; фургоны и лошади должны быть получены; возможно, будут применены насильственные меры. Тогда ищите вознаграждения там, где хотите: едва ли кто-нибудь проявит к вам участие или сожаление.

У меня нет личной заинтересованности в этом деле, так как кроме удовлетворения от попытки сделать добро, я ничего не буду иметь.

Если этот способ поставки фургонов и лошадей не удастся, я должен буду сообщить об этом генералу в четырнадцатидневный срок. Предполагаю, что гусар сэр Джон Сент-Клэр немедленно вступит в провинцию с отрядом солдат, о чем мне будет весьма прискорбно услышать, ибо я искренно и честно являюсь вашим другом и благожелателем.

Б. Франклин»

Я получил от генерала около восьмисот фунтов на аванс владельцам фургонов; но так как этой суммы было недостаточно, я авансировал дополнительно более двухсот фунтов, и через две недели сто пятьдесят фургонов с 259 вьючными лошадьми двигалось к лагерю. В объявлении была обещана уплата суммы, соответствующей предварительной оценке, в случае если какой-нибудь фургон или лошадь будут утеряны. Но владельцы, ссылаясь на то, что они не знают генерала Брэддока и не уверены, насколько можно надеяться на его обещание, требовали, чтобы я дал им соответствующие обязательства, что я и сделал.

Когда я еще был в лагере, однажды на ужине с офицерами полка полковника Дунбара последний высказал мне беспокойство о своих младших офицерах, которые, по его словам, были в большинстве своем небогаты и в условиях этой местности могли лишь с большим трудом запасаться продовольствием, необходимым для такого долгого похода через пустыню, где ничего нельзя купить. Я посочувствовал их положению и решил попытаться как-нибудь облегчить его, ничего, однако, не сказав ему о своем намерении. На следующее утро я написал в комиссию собрания, располагавшую некоторой суммой общественных денег, горячо рекомендуя рассмотреть положение этих офицеров и предлагая послать им в подарок предметы первой необходимости и напитки. Мой сын, обладавший некоторым опытом лагерной жизни и знакомый с ее нуждами, составил для меня список, который я приложил к моему письму. Комиссия приняла это предложение и проявила такое усердие, что припасы, сопровождаемые моим сыном, прибыли в лагерь одновременно с фургонами. Они состояли из двадцати тюков, содержавших каждый: шесть фунтов кускового сахара, шесть фунтов хорошего сахара Muscovado, один фунт хорошего зеленого чая, один фунт чая hohea, шесть фунтов хорошего молотого кофе, шесть фунтов шоколада, полцентнера лучших белых бисквитов, полфунта перца, одну кварту лучшего белого уксуса, один глочестерский сыр, один бочонок с двадцатью фунтами хорошего масла, две дюжины бутылок старой мадеры, два талона ямайского рома, бутылку горчицы в порошке, два хорошо прокопченных окорока, полдюжины сушеных языков, шесть фунтов риса, шесть фунтов изюма.

Эти тюки, хорошо упакованные, были взвалены на двадцать лошадей; каждый тюк вместе с лошадью предназначался в подарок одному офицеру. Они были приняты с большой признательностью, и в письмах ко мне командиры обоих полков в самых любезных выражениях благодарили меня за внимание. Генерал также был очень доволен моей помощью в поставке ему

фургонов и охотно оплатил по счету все расходы; при этом он неоднократно благодарил меня и просил и в дальнейшем помогать ему, посылая провизию. Я взялся и активно занимался этим, пока мы не услышали о его поражении; на эту работу я авансировал из своих собственных денег более тысячи фунтов стерлингов, на которые послал ему счет. К счастью для меня, счет попал в его руки за несколько дней до битвы, и он немедленно переслал мне ордер на получение круглой суммы тысяча фунтов, оставив остаток до следующего расчета. Я считаю эту оплату большой удачей, так как остаток я уже так и не смог получить; но об этом после.

Этот генерал был, я думаю, храбрым человеком и мог наверное отличиться как хороший офицер в какой-нибудь европейской войне. Но он был слишком уверен в себе, слишком высокого мнения о достоинствах регулярных войск и слишком низкого – об американцах и индейцах. Наш индейский переводчик Джордж Кроган присоединился к нему во время похода вместе с сотней индейцев, которые были бы очень полезны его армии в качестве проводников и разведчиков, если бы он хорошо обращался с ними; но он держал себя с ними грубо и пренебрежительно, и постепенно все они покинули его.

Однажды в разговоре со мной он отчасти посвятил меня в свои планы продвижения вперед: «Взяв форт Дюкен, – сказал он, – я проследую к Ниагаре, а взяв ее – к Фронтенаку, если успею сделать это до изменения погоды; я надеюсь успеть, так как Дюкен вряд ли задержит меня больше чем на три или четыре дня, а затем я не вижу ничего, что могло бы помешать моему маршу к Ниагаре». Я испытывал сомнения в опасения за исход кампании при мысли о том долгом пути, который должна была проделать его армия по очень узкой дороге, пробиваясь сквозь леса и кустарники, а также о том, что я читал о предшествующем поражении тысячи пятисот французов, вторгшихся в область ирокезов. Но я лишь осмелился заметить:

«Конечно, сэр, если вы благополучно доберетесь до Дюкена с вашими прекрасными войсками, так хорошо снабженными артиллерией, то форт, вероятно, окажет лишь непродолжительное сопротивление, так как он еще не полностью укреплен и, насколько нам известно, не имеет очень сильного гарнизона. Я предвижу только одну опасность, которая может помешать вашему маршу, – это засады индейцев; благодаря постоянной практике они научились очень ловко задумывать и осуществлять такие засады. Необходимость вытянуться в узкую линию около четырех миль длины подвергнет вашу армию опасности неожиданных атак с фланга, и армия может быть

перерезана, как нитка, на несколько кусков, которые из-за дальности расстояния не смогут вовремя прийти на помощь друг другу».

Мое невежество вызвало у него улыбку, и он ответил: «Эти дикари могут быть действительно опасным врагом для вашей необученной американской милиции; но, сэр, невозможно, чтобы они произвели какое-либо впечатление на регулярные и дисциплинированные королевские войска». Сознавая, насколько неприлично мне спорить с военным человеком по вопросам, касающимся его профессии, я ничего больше не сказал. Но неприятель не воспользовался вопреки моим опасениям тем, что армия была вытянута в длинную линию на марше, и позволил ей продвигаться без всяких помех, пока она не оказалась на расстоянии девяти миль от цели; когда же она скучилась (ибо она только что перешла реку, и передние отряды остановились, ожидая переправы остальных) на более открытом, чем пройденные, участке леса, атаковал ее авангард сильным огнем из-за деревьев и кустов, что было для генерала первым свидетельством близости врага. Передние ряды смешались, и генерал поспешно послал войска к ним на помощь, что было проделано в большом беспорядке из-за фургонов, багажа и скота.

Теперь огонь ударил во фланг, и офицеры верхом на конях служили легко заметной и удобной мишенью и быстро гибли.

Солдаты сбились в кучу и, не получая или не слыша приказов, стояли под огнем, пока две трети из них не было убито; затем оставшиеся, охваченные паникой, стремительно бежали.

Фургонщики взяли из упряжки каждый по лошади и бежали, их примеру немедленно последовали остальные, так что все фургоны, провизия, артиллерия и припасы были оставлены врагу. Генерал был ранен и с трудом выведен из-под обстрела.

Его секретарь мистер Ширли был убит у него под боком; и из восьмидесяти шести офицеров шестьдесят три было убито или раненое; всего из тысячи ста человек было убито семьсот четырнадцать. Эти тысяча сто человек были цветом всей армии.

Остальные держались сзади с полковником Дунбаром, который должен был следовать за Брэддоком с более тяжелой частью припасов, провизии и багажа. Беглецы, никем не преследуемые, прибыли в лагерь Дунбара, и принесенная ими паника мгновенно охватила лагерь. Хотя у Дунбара было около тысячи человек, а численность индейских и французских отрядов, разбивших Брэддока, не превышала четыреста человек, он, вместо того чтобы продолжать продвижение вперед и попытаться хотя бы отчасти восстановить утраченную честь, приказал уничтожить все припасы, амуницию и т. п., чтобы иметь меньше громоздкого

багажа и больше лошадей для бегства к поселениям. Губернаторы Виргинии, Мериленда и Пенсильвании встретили его там с просьбой разместить войска на границах, чтобы предоставить жителям некоторую защиту; но он продолжал свой поспешный марш через всю страну и почувствовал себя в безопасности лишь тогда, когда прибыл в Филадельфию, где жители могли его защитить. Все это дело внушило нам, американцам, первое подозрение, что наше высокое мнение о доблести британских регулярных войск не совсем обосновано.

К тому же во время своего первого марша со дня высадки до того, как они вышли за пределы поселений, они грабили и обдирали жителей, полностью разорив некоторые бедные семьи; кроме того, они оскорбляли, поносили и арестовывали людей, если те сопротивлялись. Этого было достаточно, чтобы мы перестали думать о таких защитниках, даже если бы мы действительно в них нуждались. Насколько иным было поведение наших французских друзей в 1781 году, которые во время похода через самую населенную часть нашей страны от Род-Айленда до Виргинии (около семисот миль), не вызвали ни единой жалобы по поводу потери поросенка, цыпленка или хотя бы яблока!

Капитан Орм, один из адъютантов генерала, тяжело раненный, был вынесен вместе с генералом и был с ним до самой его смерти, наступившей через несколько дней. Он рассказывал мне, что генерал молчал весь первый день и только ночью сказал: «Кто мог бы это подумать?» На следующий день он снова молчал, наконец, сказал: «В следующий раз мы будем лучше знать, как с ними обращаться», – и через несколько минут умер.

Так как бумаги секретаря со всеми приказами, инструкциями и перепиской генерала попали в руки врагов, они отобрали и перевели на французский язык ряд материалов, которые они напечатали, чтобы доказать враждебные намерения британского двора перед объявлением войны. Среди них я видел некоторые письма генерала министерству, где он высоко отзывался о большой услуге, оказанной мной армии, и рекомендовал меня их вниманию. Давид Юм, бывший несколько лет спустя секретарем лорда Гертфорда, посла во Франции, а затем секретарем генерала Конвея, когда тот был министром иностранных дел, рассказывал мне, что он видел среди этих официальных бумаг письма Брэддока, высоко рекомендующие меня. Но, как видно, из-за неудачи экспедиции моя услуга не была сочтена очень ценной, так как эти рекомендации не принесли мне никакой пользы.

Что касается вознаграждений лично от генерала, то я просил только одного, – чтобы он отдал приказ своим офицерам не вербовать больше наших купленных слуг и отпустить тех, которые

были уже завербованы. На это он охотно согласился, и действительно, несколько слуг были по моей просьбе возвращены своим хозяевам. Дунбар, к которому перешло командование, был не так великодушен. Когда он был в Филадельфии во время своего отступления или, скорее, бегства, я обратился к нему, напомнив о приказах покойного генерала по этому поводу, с просьбой отпустить слуг трех бедных фермеров из округа Ланкастер, которых он завербовал. Он обещал мне, что, если хозяева явятся к нему в Трентон, где он будет через несколько дней до пути в Нью-Йорк, он отдаст им их людей. Они взяли на себя труд и издержки, связанные с поездкой в Трентон, а он, к их разочарованию, отказался выполнить свое обещание, что стоило им больших убытков.

Как только разнеслась весть о потере фургонов и лошадей, все владельцы пришли ко мне, требуя обещанной выплаты их стоимости. Эти требования причинили мне много огорчений. Я говорил им, что деньги уже в руках кассира, но что сначала нужно получить от генерала Ширли ордера на их выплату и что я обратился к нему за этими ордерами. Однако они должны набраться терпения, ибо генерал далеко, и ответ придет не так скоро. Но всего этого было недостаточно, чтобы удовлетворить их, и некоторые подали на меня в суд. Генерал Ширли, наконец, выручил меня из этого ужасного положения, назначив комиссаров для проверки требований и выдав ордера на уплату. Счета достигали двадцати тысяч фунтов; выплата такой суммы совершенно разорила бы меня.

До того, как мы получили известие о поражении, ко мне пришли от доктора Бонд с подписным листом для сбора денег на оплату стоимости большого фейерверка, который предполагалось устроить, как только будет получено известие о взятии вами форта Дюкен. Я нахмурился и сказал, что, по моему мнению, у нас будет достаточно времени организовать увеселение, когда мы узнаем, что у нас есть повод, чтобы веселиться. Они, казалось, были удивлены, что я не согласился сразу же на их предложение. «Какого ч… – сказал один из них, – неужели вы думаете, что форт не будет взят?» «Я не уверен, что он не будет взят, но я знаю, что предугадать ход военных действий очень трудно». Я изложил им причины моих сомнений; от подписки отказались, и тем самым инициаторы этого дела избежали горького разочарования, которое они испытали бы, если бы фейерверк был подготовлен. Доктор Бонд впоследствии по другому поводу говорил, что он не любит предчувствий Франклина.

Глава XI

Губернатор Моррис, еще до разгрома Брэддока надоедавший собранию непрестанными посланиями, в которых стремился побудить Палату издать такой закон о сборе средств для защиты провинции, который не облагал бы налогом имения собственников, теперь удвоил свои усилия. У него было теперь больше надежд на успех, так как опасность и настоятельная потребность сбора средств на оборону возросли. Поэтому губернатор отвергал все законопроекты Палаты, которые не включали в себя эту льготу. Однако собрание твердо стояло на своем. Оно считало, что справедливость на его стороне, что допустить внесение губернаторских поправок в его финансовые законы означало бы отказ от весьма важного права. В самом деле, в одном из последующих биллей, субсидирующем пятьдесят тысяч фунтов, предложенная губернатором поправка касалась только одного слова. В билле говорилось, что «все имущество, как движимое, так и недвижимое, должно быть обложено налогом, не исключая имущества собственников». Поправка губернатора состояла в замене слова «не» на «только». Небольшая, но весьма существенная поправка! Однако, когда известие о несчастье достигло Англии, наши тамошние друзья, которым мы позаботились передать все ответы собрания на губернаторские послания, подняли шум против собственников. Они обвинили собственников в низости и несправедливости, проявленных в этих инструкциях губернатору. Некоторые даже заявили, что собственники, препятствуя обороне своей провинции, утрачивают на нее всякие права. Это испугало собственников, и они послали указание своему казначею добавить пять тысяч фунтов из их средств к любой сумме, которая будет выделена собранием для целей обороны.

Палата была уведомлена об этом и приняла это предложение. Эта сумма заменила долю собственников в общем налоге. Поэтому Палатой был составлен и принят новый билль, включающий в себя льготную статью. На основании этого закона я был назначен одним из уполномоченных, которым доверили распоряжаться деньгами в сумме шестидесяти тысяч фунтов. Я принимал активное участие в составлении билля и содействовал его утверждению. В то же время я разработал другой билль, касающийся учреждения и обучения добровольной милиции. Я провел его через Палату без больших трудностей, так как позаботился, чтобы закон не распространялся на квакеров. Чтобы содействовать объединению, необходимому для формирования

милиции, я написал «Диалог», в котором формулировались, а затем опровергались все возражения, какие я только мог придумать, против организации милиции. Он был напечатан и имел, как я думаю, большой успех. Пока в городе и в сельской местности формировалось и обучалось несколько рот, губернатор уговорил меня заняться нашей северо-западной границей, кишевшей врагами. Я должен был обеспечить защиту населения, собирая войско и строя линию фортов. Я принял это военное поручение, хотя и не считал себя достаточно компетентным в этом деле. Губернатор дал мне патент с неограниченными полномочиями, а также пачку чистых бланков для патентов на офицерский чин, которые я мог выдавать тем, кого сочту достойным этого звания. При вербовке я не встретил серьезных затруднений. Вскоре под моим начальством находилось пятьсот шестьдесят человек. Мой сын, бывший в предшествующую войну офицером в армии, действовавшей против Канады, стал моим адъютантом и принес мне большую пользу.

Индейцы сожгли Гнейденхаттен – деревню, заселенную гернгутерами, и вырезали жителей; но мы считали это место удобным для организации одного из фортов. Для похода туда я организовал отряды в Бетлехеме, главном поселении гернгутеров. Я был удивлен, найдя его хорошо защищенным, – разрушение Гнейденхаттена заставило жителей осознать опасность. Главные строения были защищены частоколом, жители закупили в Нью-Йорке оружие и амуницию. Они даже сложили между окнами своих высоких каменных домов небольшие камни, предназначенные для мощения улиц. Эти камни женщины должны были бросать в головы индейцев, если те попытаются ворваться в дома. Вооруженные братья несли стражу, сменяя друг друга так пунктуально, как в любом гарнизонном городе. В беседе с епископом Спангенбергом я выразил свое изумление по этому поводу, ибо знал, что гернгутеры получили от парламента акт, освобождающий их от военной службы в колониях, и потому полагал, что они откажутся носить оружие. Епископ ответил, что отказ носить оружие не был одним из твердо установленных принципов вероучения гернгутеров, но в то время, когда они получили этот закон, это убеждение считалось господствующим среди них. В данном случае они с изумлением увидели, что отвращение к военной службе разделяется лишь немногими. По-видимому, гернгутеры или сами плохо себя знали, или обманывали парламент; но все же иногда здравый смысл, усиленный непосредственной опасностью, одерживает верх над всякого рода экстравагантными мнениями.

Было начало января, когда мы отправились на постройку

фортов. Я выслал одно отделение по направлению к Минисинку с заданием построить форт для обеспечения безопасности верхней части страны, а другое – в нижнюю часть с тем же заданием; с оставшимися я решил идти в Гнейденхаттен, где немедленная построена форта была наиболее необходима.

Гернгутеры снабдили меня пятью фургонами для наших инструментов, припасов и багажа.

Как раз перед нашим выходом из Бетлехема одиннадцать фермеров, изгнанных со своих плантаций индейцами, пришли ко мне, прося снабдить их огнестрельным оружием, чтобы они могли вернуться и спасти свой скот. Я дал каждому из них по ружью с необходимой амуницией. Не успели мы далеко отойти, как начался дождь и шел весь день; но по пути не попадалось жилья, где можно было укрыться. Наконец, к ночи мы добрались до дома одного немца. В этом доме и в амбаре мы столпились, промокшие до нитки. Хорошо еще, что мы не подверглись нападению во время похода, ибо наши ружья были самого обычного образца и наши люди не могли сохранить их замки сухими. Индейцы очень изобретательны в выдумках на этот счет, чем мы не могли похвастаться. В этот день они встретили упомянутых одиннадцать бедных фермеров и убили десять из них. Оставшийся в живых сообщил нам, что его ружье и ружья его товарищей отказали, намекнув под дождем.

На следующий день погода была прекрасная, мы продолжали поход и прибыли в разрушенный Гнейденхаттен. Поблизости от поселения находилась лесопилка. Вокруг нее сохранились груды досок, из которых мы смастерили хижину; это было совершенно необходимо в то суровое время года, так как у нас не было палаток. Первое, чем нам пришлось заняться, было погребение найденного там нами мертвеца, только наполовину захороненного сельскими жителями.

На следующее утро наш форт был спланирован и размечен. Его окружность составляла четыреста пятьдесят пять футов. Для сооружения частокола нужно было наделать столько же бревен с диаметром в среднем равным футу. Наши семьдесят топоров были немедленно пущены в ход для рубки деревьев.

Так как наши люди умело обращались с ними, работа спорилась. Видя, с какой быстротой валят деревья, я полюбопытствовал заметить время, когда двое рабочих начали подрубать сосну.

Через шесть минут они ее повалили; я обнаружил, что ее диаметр составлял четырнадцать дюймов.

Из каждой сосны делались три кола восемнадцати футов длины каждый, заостренные с одного конца. Пока одни делали

эту работу, другие копали канаву по линии форта глубиной в три фута, в которую должны были быть установлены колья. Сняв с наших фургонов кузова и отделив передние колеса от задних (для чего был вынут шплинт, соединяющий две части дрожины), мы получили десять повозок с двумя лошадьми на каждую для перевозки кольев из леса к форту. Когда частокол был сооружен, наши плотники построили вдоль него с внутренней стороны платформу высотой около шести футов, стоя на которой можно было стрелять сквозь амбразуры. Мы имели вращающуюся пушку. Установив ее на одном из углов, мы немедленно выстрелили, чтобы индейцы, если бы они оказались в пределах слышимости, знали, что у нас есть такие орудия. Итак, наш форт, – если это громкое название применимо к жалкому частоколу, – был готов в течение недели, хотя через день шли такие сильные дожди, что мы не могли работать.

Последнее обстоятельство дало мне случай заметить, что когда люди заняты работой, у них бывает лучшее настроение.

В те дни, когда наши люди работали, они были добродушны и веселы. Они весело проводили вечера, сознавая, что днем хорошо поработали.

Но в дни вынужденного безделья они были раздражительны и сварливы, выискивали недостатки в свинине, хлебе и т. д. и постоянно пребывали в плохом расположении духа. Это напомнило мне одного морского капитана, взявшего за правило держать постоянно своих людей за работой; когда однажды его помощник доложил, что вся работа переделана и что занять экипаж судна больше нечем, он ответил: «Заставьте их чистить якорь». Такого рода форт, как он ни был жалок, являлся достаточной защитой от индейцев, не имевших пушек. Расположившись теперь в безопасности и имея укрытие, куда при случае можно было ретироваться, мы решили разбиться на отряды, чтобы очистить прилегавшую местность. Индейцев мы не встретили, но обнаружили на соседних холмах места, где они скрывались, следя за нашими действиями. В устройстве этих наблюдательных постов они проявили искусство, заслуживающее упоминания. Так как была зима, то они нуждались в огне. Но обычный костер, разведенный на поверхности земли, выдал бы их расположение на большом расстоянии. Поэтому они вырыли в земле ямы, имевшие приблизительно три фута в диаметре и немного больше в глубину. Мы обнаружили места, в которых они добывали древесный уголь, срубая его с поверхности обугленных бревен, лежащих в лесу. При помощи этого угля они разводили на дне ям небольшой огонь.

Мы заметили на траве следы того, как они лежали вокруг

огня, опустив ноги в ямы, чтобы держать их в тепле, что было для них главное. Подобный огонь не мог выдать их ни светом, ни пламенем, ни искрами, ни даже дымом. По-видимому, число индейцев было невелико. Очевидно, они поняли, что нас слишком много, чтобы им можно было решиться на нападение с какой-либо надеждой на успех.

С нами был капеллан, ревностный пресвитерианский священник, мистер Битти. Он пожаловался мне, что наши люди не все и не всегда посещают его молитвы и проповеди. Когда отряд вербовался, то было обещано, что кроме платы и продовольствия завербованные будут ежедневно получать по четверти пинты рома, которая им регулярно выдавалась два раза: полпорции утром и полпорции вечером. Я заметил, что они очень точно за ней являлись. Поэтому я сказал мистеру Битти: «Может быть, недостойно вашей профессии поступать подобно стюарду, раздающему ром, но если бы вы сами раздавали его, причем только после молитв, они бы все были вокруг вас». Он одобрил эту мысль, взялся за ее выполнение и с помощью нескольких помощников, которые отмеривали ром, успешно ее осуществил. Никогда еще молитвы не посещались так пунктуально всеми нашими людьми; поэтому я считаю этот метод лучше наказания, которое предписывается некоторыми военными законами за непосещение богослужения.

Едва я закончил свое дело и снабдил форт достаточными запасами провизии, как получил письмо от губернатора. Из этого письма я узнал, что губернатор созвал собрание и желает, чтобы я на нем присутствовал, если положение дел на границе не делает мое пребывание там необходимым. Мои друзья по собранию в своих письмах также настаивали, чтобы я, если смогу, присутствовал на заседании. Так как намеченные мной три форта были теперь закончены и жители согласились остаться на своих фермах под их защитой, я решил вернуться. Я это сделал тем охотнее, что прибывший из Новой Англии офицер, полковник Клепхем, опытный в войне с индейцами, посетил наш форт и согласился принять на себя командование. Я передал ему свои полномочия и, собрав гарнизон, зачитал их в торжественной обстановке, я представил полковника как офицера, который при своей опытности в военных делах более годится в командиры, чем я, и, прочитав им легкое наставление, отбыл. Меня эскортировали до Бетлехема, где я остановился на несколько дней, чтобы отдохнуть от всех понесенных трудов. В первую ночь, лежа в хорошей постели, я едва мог спать: слишком уж она отличалась от моего жесткого ложа только с одним или двумя одеялами на полу хижины в Гнейденхаттене.

Во время своей остановки в Бетлехеме я немного ознакомился с обычаями гернгутеров; некоторые из них сопровождали меня, и все были очень добры ко мне. Я увидел, что они трудились ради пополнения общих запасов, ели за общими столами и спали в общих спальнях, вмещающих много людей. В спальнях под потолком я заметил отверстия, расположенные через определенные интервалы, предназначенные, как я думаю, для притока воздуха. Я посетил их церковь, где наслаждался хорошей музыкой: звуки органа сопровождались скрипками, гобоями, флейтами, кларнетами и др. Я узнал, что проповеди обычно читались не смешанной аудитории, состоящей из мужчин, женщин и детей, как это принято у нас, но что в одно время собирались женатые мужчины, в другое время их жены, затем юноши, девушки, дети – все в свое время. Проповедь, услышанная мною, предназначалась для детей, которые пришли и разместились на скамьях; мальчики находились под руководством молодого человека, их наставника, а девочки – под наблюдением молодой женщины. Беседа казалась хорошо приспособленной к их уровню развития и велась в приятной, дружеской форме. Детей убеждали, как обычно, быть хорошими. Они вели себя очень послушно, но выглядели бледными и болезненными; это заставило меня предположить, что их слишком много держат в закрытом помещении или лишают физических упражнений. Я расспросил о браках гернгутеров: правда ли, что они заключаются по жребию? Мне ответили, что жеребьевка применяется только в исключительных случаях. Обычно, когда юноша решает жениться, он сообщает об этом старшим его класса, которые консультируются со старшими дамами, управляющими девушками. Так как эти старшие того и другого пола хорошо знают склонности и характеры своих учеников и учениц, они лучше могут решить, какие пары наиболее подходящие, и их решению обычно повинуются. Но если окажется, например, что две или три девушки в равной степени подходят для данного молодого человека, тогда вопрос решается жребием. Я возразил, что некоторые из таких браков, заключенных не по взаимному выбору, могут оказаться очень несчастливыми. «То же может случиться, – ответил мой собеседник, – если вы позволите выбирать им самим». Этого я действительно не мог отрицать.

Вернувшись в Филадельфию, я увидел, что организация добровольной милиции проходит с полным успехом. Почти все жители, за исключением квакеров, в нее вступали, образовывая роты и выбирая своих капитанов, лейтенантов и эмблемы согласно новому закону. Доктор Бонд нанес мне визит и

рассказал о своих усилиях, предпринятых для широкой пропаганды этого закона. Этим усилиям он придавал большое значение. Я со своей стороны имел тщеславие приписывать все моему «Диалогу», однако, допуская, что доктор, может быть, прав, я позволил ему тешиться своим мнением; это я считаю лучшим способом поведения в подобных случаях.

Собрание офицеров избрало меня командиром полка, на что я дал свое согласие. Не помню, сколько у нас было рот; но на парад мы вывели около 1200 хорошо выглядевших людей, а также артиллерийскую роту, имевшую шесть бронзовых полевых орудий. С этими орудиями наши артиллеристы научились так хорошо обращаться, что производили двенадцать выстрелов в минуту. Когда я впервые устраивал смотр своего полка, эта батарея проводила меня до дому и салютовала мне несколькими залпами у двери, в результате чего часть стеклянных приборов из моей электрической аппаратуры упала на пол и разбилась. Моя новая почетная должность оказалась не прочнее этих приборов; вскоре все наши полномочия были ликвидированы, ибо закон о добровольной милиции был отменен в Англии. В течение того короткого времени, что я был полковником, я собрался совершить поездку в Виргинию. Офицеры моего полка решили, что они должны сопровождать меня при выезде из города вплоть до Лауер Ферри. Только я собрался сесть на лошадь, как они явились к моему дому числом от тридцати до сорока человек, верхом и в полной форме. Я ничего не знал заранее об их затее, а то бы я предотвратил ее, так как от природы не люблю парадности ни в каких случаях. И я был очень огорчен появлением офицеров, так как не мог воспрепятствовать им сопровождать меня. Хуже всего было то, что, как только мы тронулись, они вынули свои сабли и всю дорогу ехали, держа их наголо. Кто-то описал все это собственнику, и это происшествие очень обидело его. Такая честь никогда не оказывалась ни ему во время его пребывания в провинции, ни кому-либо из его губернаторов, и он сказал, что подобное чествование допустимо лишь по отношению к принцам королевской крови; может быть, это и так, насколько я могу судить, так как я был и остаюсь несведущим в этикете в подобных случаях. Этот глупый случай, однако, очень усилил его враждебность ко мне, которая и без того была немалой из-за моего поведения в собрании по вопросу об освобождении его владений от налога; я всегда горячо противился этому, сурово порицая его за низость и несправедливость, проявленные им в требовании этой льготы. Собственник обвинил меня перед министерством. По его словам, я препятствовал службе королю, ибо благодаря своему влиянию в Палате помешал тому, чтобы

законы о сборе денег были приняты в должной форме. Он упомянул о параде моих офицеров в доказательство моего намерения захватить у него силой управление провинцией. Он также предложил сэру Эверарду фокенеру, генерал-почтмейстеру, лишить меня моей службы. Но это не оказало другого действия, кроме того, что сэр Эверард сделал мне вежливое внушение.

Несмотря на постоянные пререкания между губернатором и Палатой, в которых я, как член Палаты, принимал большое участие, между этим джентльменом и мной сохранились хорошие отношения, и у нас никогда не было личных ссор. Впоследствии мне иногда приходила мысль, что то обстоятельство, что он мало или даже вовсе не обижался на меня, хотя и знал, кто был автором ответов на его послания, может быть объяснено профессиональной привычкой; получив юридическое образование, он мог рассматривать нас обоих как простых адвокатов, представляющих двух тяжущихся клиентов: он – собственников, а я – собрание. Поэтому губернатор часто дружески советовался со мной в трудных вопросах и иногда, хотя и не всегда, принимал мои советы. Мы действовали в согласии, снабжая армию Брэддока продовольствием; а когда пришли потрясающие известия о его поражении, губернатор срочно послал за мной, чтобы посоветоваться о мерах предотвращения бегства населения из отдаленных областей. Не помню уже, что я ему тогда посоветовал. Кажется, я рекомендовал написать Данберу и попросить его, если возможно, расположить свои войска на границе для ее защиты, пока не подойдут подкрепления из колоний и он не сможет отправиться в экспедицию. После моего возвращения с границы губернатор хотел поставить меня во главе войска провинции для экспедиции против форта Дюкен. Данбер и его войска были тогда заняты в другом месте, и губернатор предложил мне полномочия генерала. Я не был такого высокого мнения о своих военных способностях, как он, если судить по его словам. Но я думаю, что его действительное мнение было гораздо более умеренным, чем его заявления. Возможно, он полагал, что моя популярность облегчит набор людей, а мое влияние в собрании облегчит нахождение средств для их оплаты; и все это, может быть, произойдет без обложения налогом собственника. Увидев, что я не столь расположен заняться этим делом, как он ожидал, губернатор отказался от своего проекта; вскоре он оставил бразды правления и был замещен капитаном Денни.

Прежде чем перейти к рассказу о том участии в общественных делах, которое я принимал при управлении нового губернатора, будет уместно остановиться на том, как возникла и

развивалась моя известность в качестве философа.

В 1746 году я встретился в Бостоне с доктором Спенсом, прибывшим недавно из Шотландии. Он показал мне ряд опытов над электричеством. Выполнение их было несовершенно, так как доктор Спенс не был знатоком этого дела. Эти опыты касались совершенно нового для меня предмета, поэтому они изумили меня и доставили мне удовольствие. Вскоре после моего возвращения в Филадельфию наше библиотечное общество получило в подарок от мистера Петера Коллинсона, члена Лондонского королевского научного общества, особую стеклянную трубку. Он сопроводил ее описанием того, как ею пользоваться при подобных опытах. Я поспешил воспользоваться возможностью повторить виденное мною в Бостоне, и благодаря большой практике научился с большой ловкостью производить те опыты, которые описывались в английской инструкции, а также дополнил их своими. Я говорю о «большой практике», потому что мой дом в течение некоторого времени был постоянно полон людьми, приходившими смотреть на эти новые чудеса.

Чтобы немного уменьшить наплыв посетителей, я решил заказать несколько таких трубок в нашей стекольной мастерской для своих друзей. Они их взяли, и у нас, наконец, стало несколько исполнителей. Главным среди них был мистер Киннерсли, один из моих соседей, очень способный человек, находившийся в то время без работы. Я убедил его попытаться демонстрировать опыты за плату и написал для него две лекции. В этих лекциях опыты следовали друг за другом в таком порядке и сопровождались объяснениями в такой форме, что предшествующее должно было помогать пониманию последующего. Для этой цели он добыл красивые приборы. Все мелкие инструменты, которые я грубо смастерил для себя, были изящно сделаны специальными мастерами.

Его лекции хорошо посещались и имели большой успех. Через некоторое время он отправился в турне по колониям, показывая опыты в каждом столичном городе и зарабатывая немалые деньги. Однако на Вест-Индских островах опыты производились с трудом из-за большой влажности воздуха, Сознавая, насколько мы обязаны мистеру Коллинсону за подарок трубки и пр., я решил, что будет правильным информировать его о наших успехах в пользовании ею. Я написал ему несколько писем с описанием наших опытов. Мистер Коллинсон прочел их в Королевском обществе, где их сперва не сочли достойными напечатания в трудах этого общества. Доклад, который я написал для мистера Киннерсли, доказывающий тождество молнии и электричества, был послан мною доктору Митчелу, моему

знакомому, члену того же общества; он ответил, что доклад был прочитан, но высмеян знатоками. Однако, когда доклады показали доктору Фозергиллу, он посоветовал их напечатать, так как нашел их слишком ценными, чтобы замалчивать. Тогда мистер Коллинсон передал их Кейву для опубликования в его «Журнале джентльмена», но последний решил напечатать их отдельно в виде брошюры, а доктор Фозергилл написал к этим докладам предисловие. По-видимому, Кейв, как издатель, поступил дальновидно, так как с последующими добавлениями брошюра превратилась в книгу размером in quatro и выдержала пять изданий, а ее переиздание ничего ему не стоило.

Однако прошло некоторое время, прежде чем эти доклады обратили на себя внимание в Англии. Случилось так, что один экземпляр докладов попал в руки Бюффона, философа, заслуженно пользующегося широкой известностью во Франции и в Европе. Он поручил мистеру Далибару перевести их на французский язык, и они были напечатаны в Париже. Опубликование этих докладов задело аббата Нолле, преподавателя натурфилософии в королевской семье, способного экспериментатора, создавшего и опубликовавшего свою теорию о природе электричества, которая была в то время в большой моде. Он сперва не поверил, что такая работа пришла из Америки, и сказал, что она, должно быть, сфабрикована его врагами в Париже в целях подрыва его системы. Позднее, уверившись в действительном существовании такой личности, как Франклин из Филадельфии, в чем он сперва сомневался, Нолле написал и опубликовал том писем, адресованных главным образом ко мне, защищающих его теорию и отрицающих достоверность моих опытов и положений, выведенных из них. Моим первым побуждением было ответить аббату, и я начал было писать ответ. Но затем я подумал о том, что моя работа содержит лишь описание опытов, которые каждый может повторить и проверить, а без проверки их вообще нельзя защищать; что, далее, она содержит ряд соображений, высказанных в качестве предположений, а не догматических утверждений, следовательно, я не обязан защищать их. Кроме того, я понял, что диспут между двумя людьми, владеющими разными языками, затянулся бы в значительной степени из-за ошибок в переводе, ведущих к взаимному непониманию. (Многие возражения в одном из писем аббата Нолле были вызваны ошибкой в переводе моего доклада.) Я решил предоставить мои доклады их участи, полагая, что будет лучше использовать время, которое я могу выкроить из занятий общественными делами, для производства новых экспериментов, чем для дискуссии по поводу экспериментов, уже произведенных.

Поэтому я так и не ответил господину Нолле, и дальнейший ход событий не заставил меня пожалеть о своем молчании, так как мой друг господин Ле Руа из королевской Академии наук взял на себя мою защиту и опроверг его. Моя книга была переведена на итальянский, немецкий и латинский языки, и содержащаяся в ней теория была постепенно принята всеми философами Европы, отдавшими ей предпочтение перед теорией аббата Нолле, которому суждено было остаться единственным представителем своей секты, если не считать господина Б. из Парижа, его ученика и ближайшего последователя.

Неожиданную и широкую известность принес моей книге успех одного из предлагаемых в ней опытов, повторенного Далибаром и Делором в Марли. Этот опыт, состоявший в притяжении молнии из облаков, привлек повсюду внимание публики. Делор, имевший аппаратуру для экспериментальной философии и читавший лекции в этой отрасли знания, повторил то, что он называл филадельфийскими экспериментами, и, после того как они были показаны королю и двору, все любопытные в Париже хлынули на это зрелище.

Я не буду растягивать этот рассказ описанием вышеупомянутого главного опыта, а также громадного удовольствия, которое я получил вскоре после этого от успеха произведенного мною в Филадельфии аналогичного опыта со змеем; и то и другое можно найти в книгах по истории электричества.

Доктор Райт, английский врач, бывший в то время в Париже, написал своему другу, члену Королевского общества, о той высокой оценке, которую мои опыты получили среди ученых за границей и об их удивлении по поводу того, что мои работы так мало были замечены в Англии. Тогда общество вновь рассмотрело мои письма, зачитывавшиеся в нем ранее. Прославленный доктор Уотсон составил резюме писем, а также всего, что я затем посылал в Англию по этому предмету, и сопроводил это резюме похвалой автору. Это резюме было затем напечатано в трудах Лондонского королевского общества, и некоторые члены этого общества, в частности весьма талантливый мистер Кэнтон, проверили опыт, при котором молния притягивалась из облаков с помощью заостренного стержня. Они сообщили в общество об успешном исходе опыта, и вскоре я был с избытком компенсирован за то пренебрежение, с которым они сперва отнеслись ко мне. Без всякой просьбы с моей стороны они избрали меня своим членом, освободив от обычного взноса, достигающего двадцати пяти гиней, и также бесплатно посылали мне впоследствии свои труды. Кроме того, я был

награжден золотой медалью сэра Годфрея Коплен за 1753 год. Вручение мне этой медали сопровождалось очень красивой речью председателя общества лорда Мэклсфилда, в которой он высоко оценил меня.

Глава XII

Наш новый губернатор капитан Денни привез для меня от Королевского общества вышеупомянутую медаль, которую он преподнес мне на приеме, организованном городом в его честь. При этом он в очень любезных словах выразил мне свое уважение, сказав, что он уже давно много слышал обо мне. После обеда, когда общество по обычаю того времени приступило к вину, он отвел меня в другую комнату и сообщил, что его друзья в Англии советовали ему подружиться со мной, как с человеком, который способен дать ему наилучшие советы и наиболее эффективно содействовать облегчению его административной работы; что поэтому он больше всего желает установить со мной хорошее взаимопонимание и заверяет меня в своей готовности во всех случаях оказывать мне любые услуги, какие будут в его власти. Он также много говорил мне о благосклонном отношении собственника к провинции и о выгоде, которая будет возможна для нас всех и для меня в частности, если давно продолжающаяся оппозиция против его мероприятий прекратится и между ним и народом восстановится согласие; при этом считают, что в осуществлении такой задачи никто не смог бы оказаться более полезным, чем я, и я могу рассчитывать на соответствующие вознаграждения и знаки благодарности. Остальные гости, заметив, что мы не возвращаемся, послали нам графин мадеры, которому губернатор оказал большое внимание, после чего его просьбы и обещания соразмерно возросли. На это я ответил, что мои обстоятельства, слава богу, таковы, что в благосклонности собственника я не нуждаюсь и что, состоя членом собрания, я не могу принять ни одно из его предложений; однако лично я не имею ничего против собственника и что всякий раз, когда предлагаемые им общественные меры будут, по-видимому, служить благу народа, никто не поддержит их и не будет способствовать их продвижению более ревностно, чем я сам. Моя оппозиция в прошлом была основана на том, что мероприятия, которых от нас требовали, были явно в интересах собственника, вопреки интересам народа; я весьма признателен губернатору за его высказывания в отношении меня и он может не сомневаться, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы по возможности облегчить его управление. В заключение я выразил надежду, что он не привез с собой таких злосчастных инструкций, которые мешали работе его предшественников.

На это он тогда ничего не сказал, но когда впоследствии он занялся обсуждением дел совместно с собранием, опять

появились эти инструкции и возобновились дебаты, и я, как всегда, стал активно действовать в оппозиции. Я опубликовал сперва эти инструкции, а затем ряд замечаний о них. И то и другое можно найти в материалах собрания того времени и в историческом обзоре, который я впоследствии напечатал.

Но между нами не возникло личной вражды, мы часто встречались, он был образованным человеком, много повидал на свете и был интересным и приятным собеседником. Он сообщил мне, что мой старый друг Ралф жив и считается одним из лучших политических писателей Англии, что Ралф участвовал в диспуте между принцем Фредериком и королем и получил пенсию в триста фунтов стерлингов в год; что на поэтическом поприще он так и не стяжал большой славы. Поп осудил его поэзию в «Дунсиаде», но проза его считалась не хуже, чем проза любого другого автора.

Собрание, поняв, наконец, что собственники упорно продолжают связывать депутатам руки своими инструкциями, несовместимыми не только с привилегиями для народа, но и со службой короне, решило обратиться с петицией к королю и назначило меня своим агентом в Англии для представления и поддержки петиции.

Палата направила губернатору билль, выделявший в пользу короля сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов (из которых десять тысяч фунтов стерлингов поступало в распоряжение тогдашнего генерала лорда Лаудона). Губернатор, руководствуясь своими инструкциями, категорически отказался утвердить этот билль. Я уже договорился с капитаном почтового корабля в Нью-Йорке Моррисом о моем проезде, и багаж мой был погружен на корабль, когда в Филадельфию прибыл лорд Лаудон – специально для того, как он сказал мне, чтобы попытаться примирить губернатора с собранием, дабы служба его величества не усложнялась их разногласиями. Поэтому он пожелал иметь встречу с губернатором и со мной, чтобы иметь возможность выслушать мнения обеих сторон. Мы встретились и обсудили этот вопрос. От имени собрания я выдвинул различные доводы, которые можно найти в прессе того времени. Они были мною написаны и опубликованы в протоколах собрания; губернатор отстаивал свои инструкции, говорил о данном им обязательстве соблюдать их и утверждал, что его ждет гибель, в случае если он нарушит это обязательство. Но, по-видимому, он не прочь был рискнуть, если лорд Лаудон посоветует это сделать. Его светлость этого сделать не пожелал, хотя был момент, когда я подумал, что почти убедил его согласиться на это, но в конечном счете он предпочел настаивать на уступках со стороны собрания. Он

просил меня приложить все усилия для осуществления вместе с ним этой цели, заявив, что не сохранит ни одного из королевских подразделений для защиты наших границ, так что если мы не будем продолжать заботиться о защите сами, то границы останутся незащищенными и открытыми для врага. Я ознакомил Палату с тем, что произошло, и представил ряд резолюций, которые я составил, декларирующих наши права и провозглашающих, что мы не отказываемся от требования этих прав, но лишь откладываем их осуществление, уступая силе, против которой мы протестовали; наконец, Палата согласилась снять свой билль и составить другой, соответствующий инструкциям собственника. Этот билль губернатор, конечно, утвердил, и я мог спокойно продолжать свою поездку. Но тем временем корабль с моим багажом отошел, что явилось для меня немалой потерей, а единственным возмещением были выражения благодарности его светлости за мои услуги. Вся честь достигнутого соглашения досталась ему. Он отправился в Нью-Йорк раньше меня, и так как время отправки почтовых кораблей зависело от его распоряжения, а там находилось два корабля, из которых один, как он сказал, должен был отойти очень скоро, я попросил сообщить мне точное время отбытия, чтобы не опоздать на него. На это последовал ответ: «Я объявил, что корабль должен отойти в следующую субботу, но могу вам сообщить, между нами, что если вы будете там в понедельник утром, то как раз поспеете вовремя, но дольше не задерживайтесь». Из-за какой-то случайной задержки на переправе я прибыл на место в понедельник днем и очень опасался, что корабль уже отплыл, так как ветер был попутный. Но меня скоро успокоили сообщением, что корабль еще находится в гавани и не отплывет до следующего дня.

Можно было бы подумать, что теперь я уже почти уехал в Европу, я и сам был того же мнения; оказалось, однако, что тогда я еще мало знал характер его светлости, одной из главных черт которого была нерешительность.

Приведу некоторые примеры. Было начало апреля, когда я прибыл в Нью-Йорк, а отплыли мы, кажется, в конце июня. В Нью-Йорке стояло два почтовых корабля; они уже давно находились в готовности, но задерживались из-за писем генерала, доставка которых все время откладывалась на «завтра». Прибыло другое судно, которое также задержали, и, прежде чем мы отплыли, ожидалось прибытие уже четвертого корабля. Наш корабль должен был отправиться первым, так как он долее всех стоял в гавани. Пассажиры были набраны полностью, и некоторые из них нетерпеливо ожидали отправления. Купцы испытывали тревогу за

свои письма, за свои страховые полисы (время было военное) и за портящиеся товары, но их беспокойство ни к чему не приводило. Письма его сиятельства были не готовы; к тому же всякий, кто ни являлся к нему, всегда находил его за бюро с пером в руке и убеждался, что ему приходится очень много писать. Однажды утром, зайдя к нему засвидетельствовать свое почтение, я нашел в его прихожей некоего Инниса, посыльного из Филадельфии, прибывшего оттуда нарочным с пакетом для генерала от губернатора Денни. Он вручил мне несколько писем от моих друзей, это заставило меня поинтересоваться, когда он должен вернуться и где остановился, чтобы я мог послать с ним несколько писем. Он сказал, что ему приказано зайти завтра в девять за ответом генерала для губернатора и что он отправится немедленно. Я в тот же день отдал ему письма. Спустя две недели я опять встретил его в том же месте. «Вы так скоро вернулись, Иннис?» – «Вернулся! Нет, я еще не уезжал». «Как так?» – «В течение последних двух недель я захожу сюда каждое утро за письмами его светлости, но они все еще не готовы». – «Возможно ли это, когда он так много пишет! Ведь я постоянно вижу его за бюро». – «Да, – сказал Иннис, – но он, подобно святому Георгу, *всегда сидит верхом на коне, но никогда не скачет».* Это наблюдение, сделанное посыльным, было, по-видимому, вполне обоснованным, так как, будучи уже в Англии, я узнал, что мистер Питт (впоследствии лорд Чэтэм) привел в качестве одной из причин для снятия этого генерала и назначения генералов Эмхертса и Вольфа то, что «министр никогда ничего не слышал от него и не мог понять, чем он занимается».

В этой обстановке ежедневного ожидания отплытия, а также в связи с тем, что все три почтовых корабля спустились к Сэнди Хук, чтобы там примкнуть к флоту, пассажиры полагали, что лучше всего быть на борту, чтобы корабли по внезапному приказу не отплыли, и они не остались бы. Насколько я помню, мы пробыли там около шести недель, истребляя свои дорожные запасы и добывая новые. Наконец, флот ушел с генералом и всей его армией на борту к Луисбургу с намерением осадить и взять эту крепость, всем почтовым кораблям было приказано сопровождать генеральский корабль и быть готовыми принять его депеши, когда они будут написаны. В таком положении мы пробыли пять дней, прежде чем получили письмо с разрешением отплыть, и наш корабль покинул флот и взял курс на Англию. Два других почтовых корабля генерал еще задержал, ведя их за собой до Галифакса, где он остановился на некоторое время с целью произвести военное учение, состоявшее в бутафорских атаках на бутафорские форты; затем, раздумав осаждать Луисбург, он

вернулся в Нью-Йорк со всеми своими войсками вместе с двумя вышеупомянутыми почтовыми кораблями и всеми их пассажирами! За время его отсутствия французы и индейцы взяли форт Георг на границе той провинции, и после капитуляции индейцы перерезали значительную часть гарнизона.

Впоследствии я встретил в Лондоне капитана Бонелла, который вел один из этих почтовых кораблей. Он рассказал мне, что, когда его корабль был задержан на месяц, он доложил его светлости, что подводная часть его корабля заросла ракушками и водорослями до такой степени, что это неизбежно будет мешать быстрому ходу, который необходим для почтового корабля, и попросил разрешения произвести очистку подводной части. Его светлость спросил, сколько на это потребуется времени. Капитан ответил, что три дня. Тогда генерал заметил:

«Если вы сможете справиться с этим в один день, я разрешу, в противном случае – нет, так как вы должны будете отплыть послезавтра».

Так он и не получил разрешения, хотя после этого его задерживали со дня на день еще в течение целых трех месяцев.

Я видел также в Лондоне одного из пассажиров Бонелла, который был настолько взбешен тем, что его светлость обманул его и так долго задержал в Нью-Йорке, а затем провез в Галифакс и обратно, что поклялся подать на него в суд за понесенные убытки. Осуществил ли он свое намерение или нет, я не слышал, но, судя по его словам, ущерб его делам был нанесен весьма значительный.

В общем я очень удивлялся, как такому человеку могло быть вверено столь важное дело, как командование большой армией; но впоследствии, когда я больше повидал мир и узнал средства получения мест и должностей и мотивы назначения на них, мое удивление значительно уменьшилось. Генерал Ширли, к которому перешло командование армией после смерти Брэддока, должен был бы, по моему мнению, если бы оставался на своем посту, значительно лучше провести военную кампанию, нежели это сделал в 1757 году Лаудон, который был легкомысленным, расточительным и в высшей степени бесчестным по отношению к нашему народу командующим. Хотя Ширли сам не имел военного образования, он обладал острым умом и проницательностью, прислушивался к добрым советам других, был способен составлять разумные планы и быстро, деятельно проводить их в жизнь. Лаудон же, вместо того чтобы оборонять колонии со своей огромной армией, оставил их совершенно незащищенными, а сам устраивал ненужные смотры в Галифаксе, в результате чего был потерян форт Георг; кроме того, он расстроил все наши торговые

операции и истощил нашу торговлю продолжительным эмбарго на экспорт продовольственных товаров под тем предлогом, чтобы продукты не достались врагу, но в действительности с целью сбить на них цены в пользу подрядчиков, в чьих доходах, как говорили, он имел свою долю (впрочем, последнее, возможно, было лишь недоказанным подозрением); когда же, наконец, эмбарго было снято, он не позаботился послать сообщение об этом в Чарлстон, где флот Каролины был задержан дополнительно почти на три месяца, вследствие чего подводная часть кораблей была до такой степени источена червями, что большая часть из них на обратном пути пошла ко дну.

Ширли, как человек не знакомый с военными делами, я уверен, был искренно рад избавиться от столь обременительного дела, как командование армией. Я присутствовал на приеме, организованном городом Нью-Йорком в честь лорда Лаудона, когда последний принимал командование. Ширли, хотя и был смещен, также находился в числе присутствующих. Собралось большое общество из офицеров, горожан и иностранцев, и пришлось одолжить несколько кресел по соседству. Одно из этих кресел, очень низкое, досталось мистеру Ширли. Заметив это, так как мы сидели рядом, я сказал: «Вам дали, сэр, слишком низкое место». – «Неважно, мистер Франклин, – сказал он. – Я считаю *низкое место самым удобным!»*

Пока меня вышеупомянутым образом задерживали в Нью-Йорке, я получил все счета на снабжение продовольствием и всем прочим, что я доставил Брэддоку. Некоторые счета нельзя было раньше получить от разных лиц, которых я нанимал для помощи в этом деле. Я представил эти счета лорду Лаудону с просьбой, чтобы мне их оплатили. Лаудон поручил проверить их соответствующему чиновнику, который после сличения каждой статьи с ее оправдательным документом заверил их, и его светлость пообещал выдать мне ордер на получение у кассира следуемой мне суммы. Однако выплата все время откладывалась, и хотя я аккуратно заходил в назначенное время, денег я не получал. Наконец, перед самым моим отъездом, Лаудон сказал мне, что по долгом размышлении решил не смешивать свои счета со счетами предшественников. «А вы, – заявил он, – когда будете в Англии, представьте сразу же ваши счета в казначейство, и они будут немедленно оплачены».

Я выразил желание получить по счетам тотчас же, ссылаясь на большие и неожиданные расходы, которые я понес вследствие столь продолжительной задержки в Нью-Йорке, – но все было безрезультатно. Напрасно я говорил, что, по моему мнению, было неправильно чинить мне дальнейшие затруднения в получении

денег, которые я уплатил авансом, так как я не получал комиссионных за мою службу. «О, сэр, – сказал он, – вы и не думайте убедить нас, что вы не в выигрыше; мы лучше понимаем эти дела и знаем, что всякий, кто связан со снабжением армии, находит средства и пути, чтобы при этом набить свой собственный карман». Я уверял его, что это ко мне не относится и что я не взял ни фартинга, но он явно не верил мне; в самом деле, впоследствии я узнал, что на таких поставках часто создаются огромные состояния.

Что же касается моих счетов, то они остаются неоплаченными и по сей день, о чем я еще буду говорить ниже.

До отплытия капитан нашего почтового корабля много хвастался быстроходностью своего судна; к несчастью, когда мы вышли в море, корабль, к его немалому разочарованию, оказался тихоходным при девяноста шести парусах. Было высказано много догадок о причинах этого. Однажды, когда мы находились вблизи другого корабля, почти такого же тихоходного, как наш, который, однако, обогнал нас, капитан приказал всем перейти на корму и стоять по возможности ближе к флагштоку. Нас было, включая пассажиров, всего около сорока человек. Пока мы там стояли, корабль ускорил ход и вскоре оставил далеко позади своего соседа, что явно подтвердило подозрение нашего капитана, что корабль имел слишком большую нагрузку на нос. Бочонки с водой, кажется, все были помещены впереди; поэтому он приказал переместить их дальше к корме, после чего корабль раскрыл свои возможности и показал себя наилучшим во всем флоте.

Капитан сказал, что этот корабль однажды шел со скоростью тринадцати узлов, т. е. тринадцати миль в час. Мы имели на борту в качестве пассажира капитана королевского флота Кеннеди. Он возразил, что это невозможно, что ни один корабль никогда не шел так быстро и что, должно быть, деления лаг-линии неточны или неверно определялась скорость лагом. Между двумя капитанами было заключено пари: спор должен был решиться, когда подует благоприятный ветер. Кеннеди предварительно тщательно проверил лаг-линию; она оказалась удовлетворительной. Он решил сам бросить лаг. Спустя несколько дней, когда поднялся свежий попутный ветер, капитан нашего почтового корабля Лутвидж высказал уверенность, что корабль идет со скоростью тринадцати узлов. Кеннеди сделал проверку и признал, что проиграл пари.

Я привожу этот факт, чтобы высказать следующее соображение. Известно, что из-за несовершенства в искусстве кораблестроения никогда нельзя знать заранее, будет ли новый

корабль быстроходным, ибо часто оказывается, что новое судно, построенное по точной модели быстроходного корабля, выходит на редкость тихоходным.

Я думаю, что это в какой-то степени зависит от различных мнений моряков о способах нагрузки, снаряжения корабля и постановки парусов; каждый имеет свой метод, и одно и то же судно, нагруженное в соответствии с распоряжениями одного капитана, будет идти лучше или хуже, нежели оно пойдет, нагруженное соответственно приказам другого. Кроме того, очень редко случается, чтобы корабль строился, оснащался для плавания и управлялся одним и тем же лицом. Один человек строит корпус корабля, другой оснащает его, а третий нагружает и ведет. Ни один из них не имеет полного представления о соображениях и опыте других и поэтому не может сделать правильных выводов из сочетания всех обстоятельств.

Даже в простой операции управления кораблем на море я часто был свидетелем различных суждений со стороны офицеров, сменявших друг друга на вахте. При одинаковом ветре они расходились во мнениях относительно того, под каким углом следует ставить паруса, так что казалось, что у них нет твердо установленного способа управления кораблем. Однако я думаю, что можно было бы провести ряд опытов, во-первых, для того, чтобы определить наиболее правильную форму корпуса корабля для быстрого хода; во-вторых, чтобы установить наилучшие размеры мачт и наиболее подходящее место для них; затем определить форму и количество парусов и их наилучшее положение при различных ветрах и, наконец, размещение нагрузки. Наш век – это век опытов, и я полагаю, что ряд точно проведенных комбинированных опытов принес бы большую пользу. Поэтому я уверен, что недалек тот день, когда какой-нибудь изобретательный философ займется этим делом, и желаю ему успеха.

За время нашего рейса мы несколько раз подвергались преследованиям, но всякий раз уходили; в течение тридцати дней мы производили измерения глубины лотом.

Наши наблюдения были точны. Капитан решил, что мы уже так близко находимся от нашего места назначения – порта Фэлмут, что если мы сделаем за ночь хороший переход, то к утру достигнем входа в гавань. Благодаря ночному переходу мы смогли бы также остаться незамеченными вражескими каперами, которые часто крейсировали у входа в пролив. Мы поставили все паруса, какие только могли; ветер был свежим и попутным; мы шли прямо по ветру и преодолели большое расстояние. Капитан, сделав наблюдения, наметил курс, как он думал, так, чтобы

пройти вдали от островов Силли; но, по-видимому, иногда в проливе Святого Георга возникает сильное течение, которое вводит в заблуждение моряков и, в частности, вызвало гибель эскадры сэра Клоудсли Шовела. Оно же, вероятно, было причиной того, что случилось с нами.

На носу нашего корабля стоял вахтенный, которому часто отдавалась команда: «Смотри хорошенько вперед!» И он каждый раз отвечал: «Есть, есть!» Но, по всей вероятности, глаза его при этом были закрыты, и он почти спал (говорят, вахтенные иногда отвечают механически), так как он не заметил впереди света, который был скрыт лиселями от рулевого и от остальных вахтенных; благодаря случайному отклонению корабля этот свет был обнаружен и вызвал большую тревогу, так как мы были очень близко к нему; свет казался мне величиной о колесо телеги. Была полночь, и наш капитан крепко спал; но капитан Кеннеди, выскочив на палубу и увидев опасность, приказал кораблю сделать крутой поворот при всех парусах; эта операция, весьма опасная для мачт, была хорошо проведена, и мы избежали неминуемого кораблекрушения, так как мчались прямо на скалы, где был установлен маяк. Это избавление от гибели благодаря маяку произвело на меня сильное впечатление, и я решил поддержать их строительство в Америке, если я доживу до возвращения туда.

Утром промером глубины и другими способами было обнаружено, что мы находимся вблизи нашего порта, но земля была скрыта от нас густым туманом. Около девяти часов туман начал рассеиваться, казалось, что он поднимался прямо из воды, как театральный занавес, за которым открывается вид на город Фэлмут, суда, стоящие в гавани, и поля. Это было чарующее зрелище для тех, кто долго не видел других горизонтов, кроме однообразной картины пустынного океана: оно доставляло нам тем большее удовольствие, что теперь мы были избавлены от всех тревог, связанных с состоянием войны.

Я немедленно отправился с сыном в Лондон и только ненадолго останавливался по дороге, чтобы осмотреть Стоунхэдж в Салисбери Плэйн и дом, сады и очень любопытную коллекцию древностей лорда Пэмброка в Вильтоне.

Мы прибыли в Лондон 27 июля 1757 года.

Совет молодому торговцу

Напечатано в Джордж Фишер, *Американский путеводитель: Лучший друг молодого человека.* … Издание девятое, исправленное и дополненное. Филадельфия: Напечатано: Б. Франклин и Д. Холл, в Нью-Принтинг-Офис, ул. Маркет, 1748. стр. 375–377. (Библиотека Йельского университета)

Совет молодому торговцу, написанный старым

Моему другу А. Б.

Как вы и хотели, я написал следующие рекомендации, которые в свое время послужили мне, и возможно, если вы будете их соблюдать, послужат и вам.

Запомните, что время – деньги. Тот, кто мог бы зарабатывать десять шиллингов в день своим трудом, а вместо этого полдня гуляет или бездельничает дома, даже если он при этом тратит только шесть пенсов в день на свои развлечения и безделье, должен учесть не только этот расход, но и считать, что он истратил, а вернее, выбросил на ветер еще пять шиллингов.

Запомните, что кредит – деньги. Если кто-то оставляет у меня свои деньги дольше, чем того требовалось, он дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время. А это может составить весьма солидную сумму, если у человека хороший и большой кредит, и он умело извлекает выгоду из него.

Запомните, что деньги по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить новые деньги, а их потомки породить еще больше и так далее. Пять шиллингов, пущенные в оборот, дают шесть; пустишь их еще раз, и уже получится семь шиллингов и три пенса, и так, пока в итоге не получится сто фунтов. Чем больше у тебя денег, тем больше порождают они в обороте, так что прибыль растет все быстрее и быстрее. Тот, кто убивает племенную свинью, уничтожает все ее потомство до тысячного поколения. Тот, кто бездумно потратил крону, лишается всего, что она могла произвести: сотен и тысяч фунтов.

Запомните, что если вы зарабатываете шесть фунтов в год, то в день это всего лишь четыре пенса. На эту малую сумму денег (которая незаметно тратится ежедневно впустую) человек, пользующийся хорошей репутацией, может, под своим собственным поручительством, иметь стабильное имущество и

сотни фунтов в пользовании. А работая с акциями, трудолюбивый человек быстро добьется огромного дохода.

Запомните такую поговорку: *Хороший казначей может стать хозяином чужого кошелька.* Человек, который своевременно платит свои долги и всегда точно исполняет то, что пообещал, сможет в любое время и при любой надобности занять деньги у своих друзей. И иногда это приносит большую пользу, так что никогда не задерживайте оплату своих долгов дольше того времени, которого вы обещали, иначе, разочаровавшись в вас, ваши друзья навсегда закроют свои кошельки.

Даже самые пустяковые ваши действия имеют значение, когда вы берете у кого-то кредит. Если кредитор слышит звук вашего молотка в пять утра и в девять вечера, он может продлить вам срок выплат еще на шесть месяцев. Если же он видит, что вы играете в бильярд, или слышит ваш голос в таверне, в то время когда вы должны работать, то он может потребовать вернуть деньги уже на следующий день. Если ваша одежда сшита из лучшей ткани, чем одежда вашего кредитора или его жены, или вы позволяете себе большие расходы в чем бы то ни было, чем может позволить он, то это будет ущемлять его гордость, и он станет настойчиво требовать уплаты долга, чтобы смирить вас. Кредиторы относятся к тому типу людей, что имеют самый тонкий слух и острый глаз, а также самую лучшую память в мире.

Добрые кредиторы (а именно с такими надо по возможности и иметь дело) испытывают муку от того, что им приходится постоянно требовать у вас денег. Избавьте их от этой муки, и они полюбят вас. Если вы заработали какую-то сумму денег, разделите ее пропорционально вашим долгам и раздайте. Не стесняйтесь выплачивать большой долг понемногу. Даже небольшая сумма денег порадует вашего кредитора; ему будет намного приятнее получить от вас десять фунтов за десять маленьких платежей, которые вы добровольно принесли ему, чем самому десять раз напомнить вам, прежде чем вы вернете сразу всю сумму. Кроме того, это показывает, что вы помните о своем долге, и вы проявляете себя честным и аккуратным человеком, что еще больше располагает к вам кредитора.

Остерегайтесь считать своей собственностью все, что вы имеете, и жить сообразно с этим. В этот самообман впадают многие люди, имеющие кредит. Чтобы избежать этого, ведите точный счет своим расходам и доходам. Если вы даете себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий

хороший результат: вы сможете установить, сколь ничтожные издержки вырастают в огромные суммы, и понять, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем, не причиняя себе больших неудобств.

Короче говоря, путь к богатству, если вы хотите его достичь, настолько же прост, как и путь на рынок. И зависит он главным образом от двух слов – «усердие» и «бережливость». Иными словами, не тратьте впустую ни время, ни деньги, но постарайтесь извлечь выгоду и из того, и из другого. Тот человек, который честно зарабатывает деньги и умеет сохранить то что заработал (необходимые расходы не в счет), несомненно, разбогатеет, если, конечно, Всевышний, на которого мы все смотрим с благоговением, не уготовал ему другой путь.

Жизнь Бенджамина Франклина. Автобиография

«Автобиография» – одно из крупных и наиболее известных произведений Франклина; была начата Франклином в 1771 году в Англии и писалась в течение многих лет. Как видно из писем, Франклин намеревался писать «Автобиографию» до конца жизни, но общественно-политическая деятельность и пошатнувшееся в последние годы здоровье помешали осуществлению задуманного. Поэтому «Автобиография» заканчивается сообщением о прибытии Франклина в Лондон в июле 1757 года, куда он был послан провинциальным собранием Пенсильвании в качестве уполномоченного.

Первая часть «Автобиографии» написана в форме письма к сыну – Вильяму Франклину (будущему губернатору Нью-Джерси).

«Автобиография» вышла в свет во французском переводе в 1791 году, после смерти Франклина.

notes

Примечания

1

В 30-х годах XVI в. королем Генрихом VIII в Англии была проведена церковная реформация. В царствование Марии Тюдор (1553–1558) произошла кратковременная реставрация католицизма. Организация англиканской церкви была полностью закончена при королеве Елизавете (1558–1603).

2

Работа американского пуританского священника и писателя Мезера Коттона (1663–1728) «Великие деяния Христа в Америке» («Magnalia Christi Americana») представляет собой собрание биографических и исторических фрагментов по истории церкви Новой Англии; вышла в свет в 1702 году.

3

Грамматическая школа примерно соответствовала классической гимназии.

4

«Жизнеописания» Плутарха – 50 биографий выдающихся греческих и римских государственных деятелей и полководцев.

5

В произведении «Опыт о проектах» («An Essay on Projects», 1698) Дефо выступает как апологет буржуазного общества; произведение содержит ряд конкретных предложений относительно развития торговли, банковского дела, учреждения академии, военных колледжей, высших школ для женщин и т. д.

6

«Зритель» («Spectator», 1711–1712) – нравственно-сатирический журнал Аддисона и Стиля – известных журналистов эпохи раннего английского Просвещения. По форме журнал представляет собой дидактические беседы издателя («Зрителя») с читателем на темы быта, морали и философии.

7

Имеется в виду учебник по арифметике английского математика Эдварда Коккера (1631–1675).

8

Франклин имеет в виду последователей Декарта – янсенистов А. Арно и П. Николь, составивших пособие по логике – «Логика, или искусство мыслить» (1662). Книга долгое время служила школьным руководством.

9

«Воспоминания о Сократе» Ксенофонта – одно из классических произведений III века до н. э. На латинском языке произведение называется «Memorabilia», что дословно означает: «достойные упоминания вещи». Работа представляет собой апологию Сократа и его учения.

10

«Странствие паломника» («The Pilgrim's Progress», 1678) – роман английского религиозного писателя Джона Бениана (1628–1688). Несмотря на пуританско-морализаторскую тенденцию, произведение ценно своей острой критикой нравов аристократии и торгашеской буржуазии.

11

Франклин имеет в виду пародию на Вергилия («Virgil Travestie», 1664–1670) английского поэта Чарлза Коттона (1630–1687).

12

Массачусетс был первой колонией, начавшей в 1690 году выпуск бумажных денег.

13

«Религия природы» – произведение английского философа Волластона (1659–1724), опубликованное впервые в 1722 году.

14

Выдающаяся философская басня-сатира английского мыслителя Бернарда Мандевиля (1670–1733); вышла в свет в 1705 году под названием «Ропчущий улей, или мошенники, ставшие честными». При втором издании в 1714–1729 году Мандевиль назвал ее «Басней о пчелах». В произведении подвергаются критике пороки буржуазного мира, мира стяжателей и мошенников.

15

Пунсон — вырезанное из стали выпуклое изображение, которым выдавливают на меди матрицу для отливки шрифта.

16

Знаменитые камины Франклина уменьшили трату топлива вдвое. За это изобретение ему была присвоена степень «доктора искусств».

17

«The Proposals Relating to the Education of Youth in Pennsylvania» написаны Франклином в 1749 году.